

№ 7

2010

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **Ю. Д. ПОМИНОВ**
(г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ**
(г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА**
(г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ**
(г. Петропавловск).

В номере:

Публицистика

К. Токаев. Лидер глобального антиядерного движения.

Глава из новой книги «Он делает Историю» **3**

Поэзия

В. Гундарев. «И вечен благодатный свет...». Стихи **7**

Ж. Исатаев. «Боюсь вспугнуть прекрасный миг...». Стихи **45**

Проза

М. Розен. Боящиеся темноты. Повесть (продолжение) **20**

С. Назарова. Дача. Рассказ **52**

Наш общий дом

Н. Геллерт. О чём напомнили фотографии **59**

© «Нива», 2010, Астана

К 65-летию Великой Победы

Н. Бессонова. Военные истории моей семьи 64

Документальная проза

Г. Лунёв. Дочь Арала. *Повесть* 77

Культура. Общество. Личность

А. Шаяхмет. Кунтимес — родина Чокана 96

В. Могильницкий. Розы семьи Сатпаева 101

Слово прощания

«Как важно быть прощённым...» 106

В семейном кругу

Б. Канапьянов. Байки старого комбайнера 107

Из почты «Нивы»

Н. Кульяпов. Защищая русское слово,
мы защищаем Россию! 121

Параллели и меридианы

С. Беккулова. Подарок судьбы..... 129

На житейских перекрёстках

Т. Маликов. Как молоды мы были! Солнце светит всем;
На край света; Учитель; Тактика игры 137

Приключения. Детектив. Фантастика

А. Пройдаков. Под чужим взглядом. *Повесть (окончание)* 151

Изоальбом «Нивы»: фотоиллюстрации к материалу «Подарок судьбы».

В предыдущем номере “Нивы” опубликованы две главы из новой книги известного казахстанского политика и дипломата, председателя Сената Парламента РК Касым-Жомарта Токаева “Он делает Историю”, приуроченной к 70-летию юбилею Нурсултана Абишевича Назарбаева.

Предлагаем читательскому вниманию ещё одну главу из книги, написанную автором, что называется, по горячим следам недавних политических событий общемирового масштаба и напечатанную в апреле в газете “Литер”.

Касым-Жомарт ТОКАЕВ

Лидер глобального антиядерного движения

Прошедшая в Вашингтоне конференция по глобальной ядерной безопасности оказалась показательной и поучительной. Так, тёплое рукопожатие американского президента Барака Обамы и казахстанского лидера Нурсултана Назарбаева — это не что иное, как знак огромной признательности и уважения со стороны США политике Казахстана за вклад в обеспечение ядерной безопасности.

Немногим ранее аналогичный жест сделал Генсек ООН Пан Ги Мун. Он предложил главе нашего государ-

ства воспользоваться своим авторитетом и выступить с инициативой создания “безъядерной зоны” на Ближнем Востоке.

Почувительной конференция стала для других стран, которые колеблются в своём выборе. Казахстан с момента обретения неза-

висимости придерживался стратегического курса на ядерное разоружение, отказался от четвёртого в мире атомного арсенала, доставшегося в наследство от СССР. И сегодня наша республика пожинает плоды такой политики, укрепляет свои позиции на мировой арене.

Именно в таком качестве президент Нурсултан Назарбаев принял активное участие в Глобальном саммите по ядерной безопасности. Демонстративно проявленное к нему уважение со стороны Барака Обамы и других мировых лидеров несомненно является знаковым событием как в современных международных отношениях, так и в истории нашего государства. Это, по сути, мировое признание лидерства казахстанского руководителя в сложном процессе ядерного разоружения.

В преддверии саммита администрация президента Барака Обамы обнародовала американскую доктрину ядерного разоружения. Находившийся с официальным визитом в Казахстане Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил о решительной поддержке позитивных изменений в ядерной политике США и,

находясь на территории бывшего Семипалатинского полигона, сказал: “Я призываю все ядерные державы последовать примеру Казахстана”. Руководитель ООН также предложил Нурсултану Назарбаеву возглавить глобальное антиядерное движение. Таким образом, наша страна наряду с ядерными державами “вошла в контекст” подготовки Вашингтонского саммита.

За четыре дня до начала саммита президенты США и России в Праге подписали важнейший документ — Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ), убедительно продемонстрировавший приверженность крупнейших ядерных государств режиму нераспространения. В самом факте подписания соглашения о СНВ эксперты увидели признаки реальной “перезагрузки” российско-американских отношений. В этих условиях Казахстан принял единственно правильное решение: заявил о решительной поддержке российско-американского соглашения.

Полагаю уместным совершить небольшой экскурс в не столь уж отдалённую историю, беспристрастно свидетельствующую об огромном вкладе президента Нурсултана Назарбаева в дело ядерного разоружения.

Ещё на заре независимости Казахстана глава государства взял на себя смелость принять беспрецедентные в мировой политической практике и судьбоносные для нашей страны решения о добровольном отказе от обладания атомным оружием, полной ликвидации ядерного арсенала (по мощности — четвёртого в мире!) и закрытии Семипалатинского испытательного полигона. Казахстан занял твёрдую и последовательную позицию по вопросу нераспространения оружия массового уничтожения, тем самым показал себя зрелым и ответственным государством, заслужившим гарантии безопасности со стороны ведущих держав мира.

С позиции сегодняшнего дня данные решения кому-то, возможно, кажутся естественными и логичными. Мол, таково стечение обстоятельств. На самом деле это вовсе не так. От президента Нурсултана Назарбаева потребовались огромная политическая воля и гражданское мужество.

Говорят, Франклину Делано Рузвельту принадлежит блестящая фраза: “Войны заразны”. Не будет, на мой взгляд, преувеличением сказать, что своим неординарным поступком президент Нурсултан Назарбаев во многом предотвратил сползание мира в пучину ядерной чумы. Это со всей очевидностью продемонстрировало и присоединение Казахстана к Договору о нераспространении ядерного оружия.

Мировое сообщество убедилось в том, что нашу страну возглавляет настоящий лидер, обладающий глобальным мышлением. По его инициативе именно в Семипалатинске был подписан Договор о создании в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия. Закономерно и то, что вновь по инициативе президента Казахстана Генеральная Ассамблея ООН объявила 29 августа Международным днём действий против ядерных испытаний.

Неслучайно, что Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун обратился к Нурсултану Абишевичу Назарбаеву со следующими словами: “Накануне глобального ядерного саммита Вы, господин Президент, имеете больше, чем кто-либо, морального права и силы в голосе говорить о создании безъядерного мира. Предлагаю Вам скоординировать наши позиции в этом вопросе, чтобы добиться ещё больших результатов. Я думаю, что никто не подходит лучше, чем Вы, для того, чтобы заявить о необходимости остановки ядерных испытаний и ликвидации ядерного оружия. Потому что Ваш народ почувствовал на себе все ужасы этого оружия, но именно Вы смогли положить этому конец”.

Если столь авторитетный и информированный политик, как Генеральный секретарь ООН, обратился к президенту Нурсултану Назарбаеву с таким

предложением — значит, мировое сообщество нуждается в подобной инициативе со стороны главы нашего государства. Ведь сегодня представление о ядерной угрозе существенно изменилось. Мир боится не только ядерной войны, но и угроз террористов, стремящихся заполучить ядерное оружие. Поэтому кардинальные меры по защите ядерной безопасности уже назрели. Опять же показательный факт: опережая сценарий предстоящего саммита, лидеры Казахстана и США достигли важных договорённостей по вопросам укрепления стратегического партнёрства. Стороны подтвердили своё стремление активизировать сотрудничество в укреплении ядерной безопасности и региональной стабильности в Центральной Азии. Тем самым лидирующая роль нашей страны в регионе получила своё подтверждение.

Широкий международный резонанс получила статья президента Казахстана “Глобальный мир и ядерная безопасность”, в которой Нурсултан Назарбаев высказал интереснейшее мнение: “Состояние дел в сфере нераспространения далеко от идеального. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) не оправдывает возлагавшихся на него надежд, так как является асимметричным и предусматривает санкции лишь к неядерным государствам. Он не содержит чётких и ясных схем реагирования МАГАТЭ и ООН на факты уклонения государств от допуска международных инспекторов на ядерные объекты. Наконец, ДНЯО позволяет своим участникам без последствий выходить из числа подписантов. Все эти обстоятельства лишь снижают эффективность и действенность договора”. Отказ Казахстана от ядерного оружия обретает особую актуальность в контексте нынешней ситуации в сфере ядерного нераспространения. На протяжении сорока лет человечество вынуждено наблюдать за безответственными действиями ряда политиков.

Это сопряжено в первую очередь с тем, что в сфере нераспространения были допущены фатальные ошибки, в том числе связанные с двусмысленностями и двойными стандартами. Теперь, наряду с пятью официальными ядерными державами, этим оружием де-факто обладают две страны, представляющие Южную Азию. Возникли так называемые “предпороговые” и “пороговые” государства, имеющие ядерный арсенал или готовые создать его. Причём названия этих государств у всех на слуху. Дело и в “иранском досье”, хотя оно до конца не изучено и окончательное решение в отношении санкций пока не принято. Режиму нераспространения был нанесён удар и со стороны Северной Кореи.

Что на этом фоне предлагает президент Казахстана? На саммите в Вашингтоне Нурсултан Назарбаев выступил за создание новых безъядерных зон, в том числе на Ближнем Востоке. Более того, он подчеркнул важность юридического закрепления их статуса и повышение роли безъядерных зон как действенного инструмента борьбы против ядерного терроризма.

— В первую очередь речь идёт о предоставлении гарантий безопасности со стороны ядерных государств, а также преференций странам-участницам таких зон в поддержку их мирных ядерных программ, — сказал президент Казахстана.

Нурсултан Назарбаев охарактеризовал заключение между США и Россией соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений как акт доброй воли, который должен послужить сигналом для других ядерных государств в деле сокращения их ядерных потенциалов, к последующему подписанию и ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

В то же время глава Казахстана справедливо считает, что пришло время узаконить новый формат “ядерного клуба”, включив в него государства, де-факто обладающие ядерным оружием. Этот клуб и каждый его член, уверен Нурсултан Назарбаев, должны взять на себя обязательства действовать исключительно по согласованию с Советом Безопасности ООН.

Лидер Казахстана, по сути, призвал официальные ядерные державы взять на себя повышенную ответственность за формирование нового международного порядка. Именно эти государства, стоящие у истоков Договора о нераспространении ядерного оружия, должны служить примером для других стран в вопросах разоружения, не допуская при этом применения двойных стандартов. Безъядерный мир может стать реальностью лишь в случае объединения усилий всех стран и народов, независимо от того, обладают они ядерными технологиями или нет. По мнению Нурсултана Назарбаева, уже сегодня можно начинать обсуждение вопроса о разработке и принятии Всеобщей декларации, в которой была бы зафиксирована решимость всех государств шаг за шагом продвигаться к идеалам безъядерного мира.

Президент Нурсултан Назарбаев вновь показал, что ему чужды шаблонные пути решения самых сложных проблем современности. На Вашингтонском саммите он заявил о важности разработки универсального договора о всеобщем горизонтальном и вертикальном нераспространении ядерного оружия. И какой бы сложной ни была реализация данной инициативы, мировое сообщество обязано прислушаться к авторитетному мнению казахстанского руководителя. Другого пути к безъядерному миру не существует! Будучи справедливым и рациональным политиком, президент Казахстана твёрдо поддержал законное и неотъемлемое право каждого государства — члена ДНЯО развивать и использовать мирную ядерную энергетику.

Призывая мировое сообщество следовать примеру Казахстана на пути к безъядерному миру, глава государства отметил, что наша страна поддерживает идею создания Международного банка ядерного топлива под эгидой МАГАТЭ и выражает готовность разместить его на своей территории, обеспечив надлежащее хранение. Думается, данная инициатива повысит международный авторитет Казахстана как государства, искренне стремящегося сделать мир более безопасным для грядущих поколений. Показательно, что её уже поддержали Барак Обама и другие мировые лидеры.

Это тем более важно, что на повестке дня стоит проблема ядерного терроризма. Ни для кого не является секретом, что поборники мирового хаоса уже протянули свои грязные ручонки к ядерным арсеналам. Попади ядерное оружие к террористам из той же “Аль-Кайеды”, многие государства, исповедующие демократию как единственно возможный путь развития цивилизации, станут жертвами ядерных атак. Поэтому уместным является предложение казахстанского лидера провести в столице нашего государства конференцию Глобальной инициативы по борьбе с ядерным терроризмом.

Судя по поступающим откликам, речь президента Нурсултана Назарбаева на саммите стала настоящим откровением для всего мирового сообщества. Чёткое видение серьёзнейших проблем и методов их решения, чувство огромной ответственности за безъядерное будущее мира, глобальное мышление — вот слагаемые успеха миссии лидера Казахстана на Глобальном саммите. Показательной является реакция президента США Барака Обамы, который не только высоко оценил вклад Нурсултана Назарбаева в ядерное разоружение, но и заявил, что председательство Казахстана в ОБСЕ — первой страны из бывшего СССР — имеет историческое значение. К этому трудно что-либо добавить.

Остаётся только сказать, что Нурсултана Абишевича Назарбаева зарубежные коллеги неслучайно называют сильным лидером. Данная характеристика самым лучшим образом отражает деловые и моральные качества нашего руководителя, в короткое время сумевшего превратить Казахстан в стабильное, успешное и авторитетное государство, народ которого с уверенностью смотрит в будущее.

Владимир ГУНДАРЕВ

“И вечен благодатный свет...”

Семидесятые-восемидесятые

Памяти Инны Потахиной

1.

Мне помнится, Инна, как в Целинограде,
У Люси Помыткиной, сидя втроём,
Трёхцветную кошку хозяйскую глядя,
Мы так восторгались шальным февралём!

Метели, казалось, тогда не стихали,
Куражилась вьюга за тёмным окном.
А мы упивались, пируя, стихами
И красным — с кислинкой — болгарским вином.

Мы были тогда бесшабашными тоже,
Ничуть ещё не озаботясь судьбой
И в прошлом ещё ничего не итожа —
Ведь строчки слетали с губ сами собой.

А хрупкое небо на части кололось,
Снегами весь мир не засыпав едва.
Но всё пересиливал тихий твой голос,
И крепкую плоть обретали слова.

Ещё нам неведомы были печали —
Звучал в наших душах весёлый мотив.
Но вечность стояла уже за плечами,
Дыханье своё до поры затаив.

... Нет ныне тебя ни в одном закоулке.
А я всё надеюсь, спустя много лет,
Что ты задержалась на лыжной прогулке¹.
Когда же вернёшься? — Молчанье в ответ...

2.

*Пройдёт полвека или век,
А в общем — целая эпоха!
Но в самом деле человек
Живёт от выдоха до вдоха.*

Инна Потахина

Уже потом, изведав в полной мере
Поэзии и мёд, и маству,

¹ “Лыжная прогулка” — название одной из поэтических книг Инны Потахиной.

Встречались с Инной часто в “Каламгере”²,
Когда я приезжал в Алма-Ату.

(Жаль, стигнула эпоха “Каламгера”
И, видимо, не повторится впредь.
Способны лишь гекзаметры Гомера
То время достославное воспеть).

Мне не забыть той вольницы беспечной,
Богемно-странной творческой среды.
И отразились в памяти навечно
Минувшего незримые следы.

Цветы там чахли в сигаретном дыме, —
Не разглядеть в нём лиц прекрасных дам.
Хватало и безликих рядом с ними,
Но личности бывали тоже там.

И всяк в своём неповторимом стиле.
Транжируя деньги, дни и вечера,
Непризнанные гении кутили
И признанные классики пера.

Писателей, художников, актёров
Тянуло в совмещённый ад и рай,
Сухие вина и коньяк в котором
Подчас переливались через край.

И Инна — неперменный завсегдатай
Тех посиделок — даже в крутоверть
И в бражничанье умудрялась как-то
Весомым словом миг запечатлеть

И смысл постичь в цветке чертополоха,
В стихов стихию вся погружена.
Но то, что жизнь — от выдоха до вдоха, —
Тогда не знала этого она.

3.

Инна Потахина — ранняя птаха,
Жаворонка серебристая трель.
Там, где простор васильковый распахнут,
Не затихает свирель.

² “Каламгер” — в семидесятые-восьмидесятые и в начале девяностых годов кафе в здании Союза писателей Казахстана.

В грохоте, гомоне, гуле и гаме
Суетных будней и сквозь забытьё
Слышится, слышится в небе над нами
Трепетный голос её.

26 сентября — 1 октября 2009 года.

Над ромашковым плёсом в излуче речной
Басовитых шмелей добродушно гуденье.
Лишь прикрою глаза: наяву иль виденье? —
Образ твой возникает опять предо мной.

Ты плавьёшь, ты паришь в золотистом луче,
Воплощая в себе лик славянской мадонны.
Вижу божью коровку на левой ладони,
Голубую стрекозку на правом плече.

На задорно приподнятой верхней губе
Светло-розовый след луговой земляники.
Птиц ликующих нежные трели и клики —
Все они над тобой, для тебя, о тебе.

Улыбаешься ты как полвека назад:
То лукаво-игриво, то робко-несмело.
Неужели полвека уже пролетело,
Как хранится в душе и не меркнет твой взгляд?

Юной в памяти ты остаёшься всегда, —
Ни к чему нам с тобой горечь встреч-расставаний.
Незабудки цветут на твоём сарафане...
Незабудки цветут... Как тогда... Как тогда...

20-23 августа 2009 г.

Когда ложусь в кровать,
Молю, чтоб ты приснилась,
Но даже эту милость
Не можешь даровать.

Но вдруг пробьётся свет
Сквозь муть галлюцинаций,
Где ты — в твои пятнадцать,
И я — в шестнадцать лет.

15 сентября 2009 г.

Жуиры в старости становятся аскетами,
Развратники — ханжами-моралистами,

Безбожники — мошенники отпетые —
Прикинулись мошельщиками истовыми.

Смотрю на это с горьким изумлением:
Что делает с людьми судьба-проказница —
Кто рьяно глотки надрывал за Ленина, —
В рядах его хулителей оказываются.

Я тоже не был паинькой с рождения.
И ныне — с прегрешеньями отдельными.
Но дорожу своими убеждениями,
Пусть даже они были с заблужденьями.

30 сентября 2009 г.

Будущее — скоротечно:
За мгновение становится прошлым.
Только минувшее вечно,
Неподвижно оно и прочно.

Растворяюсь в нём постоянно
Неприметной его частицей.
А о будущем воспоминанья
Мне совсем перестали сниться.

8 октября 2009 г.

И тот, кто славою увенчан,
И тот, кто славой изувечен —
На земле никто не вечен всё равно.
С удивленьем наблюдаем,
Что святым и негодяям
Одинаково бессмертье суждено.

И даже больше: как ни странно,
Завоевателей, тиранов
Человечество возносит до сих пор.
Торжествует зло покуда,
Словно в море барракуда, —
Будет над добром висеть топор.

22 марта 2010 г.

Никакой Таможенный союз
Не вернёт нам крепость прежних уз,
Всё равно останутся границы.
Не проедешь просто так туда,
В дорогие сердцу города —
Не подвластны рубежам лишь птицы.

22 марта 2010 г.

Алёнушка, Алёнушка,
Ты для меня как солнышко
В начале сентября:
Не жгучее, не властное, —
Душе озябшей ласково
Тепло своё даря.
Пока в багрянце ясени,
Пока в запасе ясные
И дни, и сентябри,
Пока ещё не застила
Даль жизни мгла ненастная, —
Свет мягкий мне дари.

Алёнушка, Алёнушка,
Ты для меня — до донышка —
Живительный родник,
Что в будни безотрадные
Нежданно и негаданно
Передо мной возник.
Измученному жаждою,
Целебной каплей каждою
Жар остудить позволь,
Чтоб стала невесоמוю
Обуза мной несомая,
И растворилась боль.

Алёнушка, Алёнушка, —
Подобие подсолнушка —
С сияющим лицом.
Лишь о тебе я думаю
В степи, где ветры шумные
Пропахли чабрецом.
Ты через расстояния
Услышь не излияния —
Дыхание моё,
Как я шепчу с надеждою
Льняное слово нежное:
“Алёнушка... Алё...”

Алёнушка на камушке
Горюет об Иванушке...

13-23 сентября 2009 г.

Не могу никак понять Творца:
Наказал за что он мудреца,
Дав **ему** сварливую Ксантиппу,
А не подходящему **ей** типу?

Или же Всевышний прав стократ?
 Не таким уж мудрым был Сократ:
 В жёны взял её, не распознав
 Загодя Ксантиппы скверный нрав.

Стало быть, слепец он и простак? —
 Потому-то и попал впросак.

15 января 2010 г.

Старость

Довольно хорохориться,
 Тщась взвиться на дыбы, —
 Спалив остатки хвороста
 В костре своей судьбы.

Вот пламешко с натугою
 Чуть вспыхнет, заалев,
 Потом дошают уголья
 Последние в золе.

И нечего артачиться,
 Что я, мол, хоть куда,

Коль все бывшие качества
 Исчезли без следа.

Влачится тело бренное —
 Ему не до стихов, —
 Согбенное под бременем
 И хворей, и грехов.

А вот душа по-прежнему
 С далёких юных лет
 Такая же мятежная
 И с ней мне сладу нет.

28 февраля 2010 г.

То там кольнёт, то здесь,
 А то вдруг сдавит грудь —
 Ни охнуть, ни вздохнуть,
 Но это знак: я — есть!

Такое — не впервой,
 Пусть будет и потом,
 Ведь боль — прямой симптом,
 Что я — ещё живой.

Настроюсь на добро,
 Любой погоде рад.
 Бодрит лукавый взгляд,
 И даже — бес в ребро.

2 марта 2010 г.

Так мало на земле осталось их —
 Друзей непритязательных моих,
 Мне давших больше, чем давал им я,
 В сравнении с ними что есть жизнь моя!
 Я многих в путь последний проводил,
 Не пряча слёз у дорогих могил.
 И с каждой утратой всё трудней
 Брести по кособоку тусклых дней.

(А кто проводит в мир иной меня,
 Угасший отсвет в памяти храня?)
 Для всех, кого я в жизни потерял,
 Есть скорбный и святой мемориал —
 Друзья в моей душе погребены,
 Ушедшие, они мне так нужны!
 По зову моему порой во сне
 Приходят — бескорыстные — ко мне
 Утешить, подбодрить, предостеречь,
 Я тшусь постичь невнятную их речь,
 Но только неразборчивы слова —
 Так шелестит на тополях листва...

Немного у меня осталось их —
 Надёжных, истинных друзей моих,
 Я ощущаю верных рук тепло,
 Молю судьбу, чтоб им всегда везло,
 На перепутьях непокорных лет
 Пусть осенит их дружбы добрый свет,
 И чтоб не я их провожал туда,
 Откуда ни возврата, ни следа...

Вновь солнышко голубит синеву...
 А что же я?
 А я пока живу.

16 февраля 2010 г.

*Старый поэт, старый любовник,
 старый певец и старый конь
 никуда не годятся.*

Вольтер

Наверно, стыдно и смешно,
 Когда поэт, состарясь, всё же
 Стихи слагает о любви,
 Хотя давно её вино
 Он смаковать уже не может,
 Однако пишет о любви! —

И Бог его благослови!

В свои преклонные года
 Самозабвенно, пылко, ярко,
 Не ощущая гнёта лет,
 Не разуверясь никогда,
 Любили Гёте и Петрарка...
 И вечен благодатный свет
 Любви, что сотворил поэт.

Пока он любит — он живёт
И обретает вдохновенье,
В душе отзывчивой храня
Крылатой юности полёт,
Неповторимые мгновенья
Сердечной страсти и огня.

Не осуждайте и меня.

Я тоже паладин любви,
Пытаюсь в призрачной надежде
Вкусить её последний мёд.
Так старый конь, вдруг уловив
Зов полковой трубы, как прежде
Копытом рьяно землю бьёт

И устремляется вперёд.

А тенор старого певца
Ещё очаровать способен
Покорно замерший партер
И раствориться до конца,
Он так же чист и бесподобен,
То — божий дар из горних сфер...

О нет, несправедлив Вольтер!

3-5 марта 2010 г.

Ровесницам

Мои ровесницы с померкшими очами,
Где колдовской, где тот манящий свет,
Когда вы соловьиными ночами
Ласкали тех, кого сегодня нет?

Повытоптало время те дорожки,
Где башмаков я много посбивал,
Где в мини-юбках ваши макси-ножки
Сражали сердцеёдов наповал.

Но приговор судьбы неумолимой
Определил земному счастью срок,
И потеряли вы своих любимых —
Вот так вода уходит сквозь песок.

И пустота в осиротевших окнах,
Минувшее бураны замели...
О как вам беззащитно-одиоко
На склоне лет, ровесницы мои.

Мне больно видеть ваше увяданье, —
И макияж бессилён скрыть его.
И только отблеском зарницы давней
На миг мелькнёт былое волшебство.

Смотрю на вашей старости приметы,
И состраданье мне сжимает грудь.
Но почему-то невдомёк при этом
Мне на себя со стороны взглянуть.

15 февраля 2010 г.

Отлетело лето вслед за журавлями,
Осенила осень высь, и даль, и ширь.
И осин озябших пурпурное пламя
Холодит простор моей души.

Наплывают мороком из низин туманы —
Заслонить минувшего неизбывный свет.
А из поднебесья слабый голос мамы
Слышится уже пятнадцать лет...

Никакие гулы слуху не помеха:
До моей последней, роковой черты
В птичьих переключениях мамин голос эхом
Доноситься будет с высоты.

21 марта 2010 г.

Цветы

Как хороши, как свежи были розы...

И. Мятлев

Цветы, что срезаны, — мертвы.
А называем их живыми, —
Ведь мы причудами своими
Напичканы сверх головы.

У совершенной красоты —
Заведено так изначально —
Судьба заведомо печальна.
Зачем роскошные цветы

В тюрьме оранжерей растут
До предназначенного срока? —
Затем, чтоб срезать их жестоко,
Лишь только пышно расцветут.

Они обречены на спрос,
Чтоб после этой смертной казни
Украсить тризну или праздник
Охапками гвоздик иль роз.

Несём погибшие цветы,
Их скорбное благоуханье
Мы с наслаждением вдыхаем
Среди привычной суеты,

Совсем не ведая того,
Цветы даря тем, кого любим,
Что ради прихоти мы губим
Земной отрады волшебство,

Отнюдь не думаем о том —
Дурным обычаям в угоду, —
Что сотворённое природой
Беспечно выбросим потом.

Лишь у невзрачного цветка,
Живущего среди раздолья,
Завиднее намного доля —
К нему не тянется рука.

Часть флоры, скромненький он и тих,
И нечего ему бояться.
... Цветами грех не восторгаться,
Но не лишая жизни их.

И я люблю. А потому,
Быть может, странно поступаю:
Цветы не рву, не покупаю
И не дарю их никому.

7-9 марта 2010 г.

Внучке

Виталина-Виталинка,
Папы с мамой витаминка,
Обожаемое чадо,
Деда с бабушкой отрада,
Темноглазая певунья,
Чудо-пташка-щебетунья.

Виталина-Виточка —
Тоненькая ниточка,
День за днём ведущая
За собой в грядущее.

Виталина-деточка —
Маленькая веточка

10 марта 2010 г.

Древа родословного
С кроной разветвлённой.

Звёзды над Россией
Радужными искрами,
Кровь в тебе пульсирует
Русско-украинская.

Под крылом Всевышнего
В городе Камышине
Наше отражение,
Жизни продолжение,
И — дорога светлая
Целого столетия.

Дочерям Ирине и Ассоль

Когда бушует март, космат
От вьюги-снегопада,
Когда покров багряный смят
Сентябрьского сада,
Когда июньский ливень вдруг
Переполняет лужи,
Когда сжимается вокруг
Простор от зимней стужи,
В промозглый день, рассветный час,
Порой вечерней тоже —
Всегда я думаю о вас,
Печалюсь и тревожась:

Для вас я был плохим отцом —
Вам надо бы другого.
Но сволочью и подлецом
Я не был, право слово.

Путь в жизни пробивал я сам,
Не покоряясь будням, —
Благодаренье небесам
И милосердным людям.

Всегда работал, словно вол,
И дней не ведал праздных.
И вас я за руку не вёл,
Не опекал ни разу.

Пристроить не пытался вас —
Ни раньше, и ни позже.
Своя дороженька вилась
У каждой волей Божьей.

Как далеко живёте вы,
И к вам дороги долги:
Одна — на берегах Невы,
Другая — возле Волги.

Но в этом нет моей вины,
Горюю, что бессилен:
Вы в Казахстане рождены,
А кров нашли в России.

Я лишь на строчки тратил пыл.
И если разобраться, —
То капиталов не скопил,
Не заимел богатства.

Чего же нет — не перечесть:
От джипа до имения.
Что я имею? — только честь,
Я только честь имею.

Покуда в сердце жар не стих, —
Останусь, духом прочен,
Не инженером душ людских —
Поэзии рабочим.

Но в ясный полдень, ранний час,
Порой закатной тоже —
Всегда я думаю о вас,
Печалюсь и тревожась.

За ваши горести в судьбе,
За каждую обиду
Я боль таю, ношу в себе,
Не подавая виду.

Мы редко видимся, увы —
Мешает жизни проза.
Что вас люблю я, — знайте вы,
Пока ещё не поздно.

19-23 марта 2010 г.

Прильнула ночь к оконному стеклу,
Холодными слезами заливаясь,
Наверное, испытывает зависть,
Продрогшая, к домашнему теплу.

И впрямь такая благодать в избе:
Алеют щёки жестяной печурки,
В ней весело потрескивают чурки,
Лохматый дым курчавится в трубе.

Все в доме спят... Бессонно на стене
Потикивают ходики. Не спится
Под образами небольшой божницы
С братишкой рядом мальчугану — мне.

Глаза таращу в сумрак октября,
Где ничего не видно, как в грядущем.
Тьма за окном становится всё гуще.
Неужто утром заблестит заря?

Ворочаюсь бездумно на полу,
Прочитанные книжки вспоминаю.
О будущем ни капельки не знаю,
Лишь радуюсь блаженному теплу.

Лет десять мне — совсем ещё малец.
Я просто жил; как книги, дни листая.
... Тогда была и мама молодая,
Ещё был жив хворающий отец...

28-29 марта 2010 г.

Моя “Нива”

Поэту Владимиру Балачану —
автору стихов песни “Хлеб — всему голова”

Боясь остаться не у дел,
На лучшее надеясь,
Давно я взял себе надел —
Как истый земледелец.

За эту блажь себя виня,
Смиренно-терпеливо
Я двадцать лет день изо дня
Возделываю “Ниву”.

Чтоб крепи творчества ростки,
Под зорями покоясь, —
Выпалываю сорняки,
Лелею каждый колос —
Труда усердного венец —
И до сердечной боли
Я пахарь, сеятель и жнец
На этом скромном поле.

Пусть борозда, что вдаль ведёт,
И не всегда прямая —
Двенадцать урожаев в год
Ссыпаю в закрома я.

Заботы тяжкие гнетут,
Но утишаю страсти:
Ведь мой простой крестьянский труд
По духу — христианский.

Хлеб суший — голова всему
Под необъятным небом.
Судьбой причастен я к нему —
Кормлю духовным хлебом.

Не отвожу от ветра лоб,
Не опускаю плечи.
Ведь я трудяга-хлебороб
На ниве русской речи.

Познав и радость, и беду,
Когда-нибудь покорно
На этой пашне упаду,
В горсти сжимая зёрна.

17-19 марта 2010 г.

Маргарита РОЗЕН

Боящиеся темноты

Повесть

(Продолжение. Начало в № 6 за 2010 год)

... Алиса бежала, не разбирая дороги, едва не попала под машину на оживлённом перекрёстке. Остановилась перевести дух неподалёку от казино "Баян". Дура, надо было на автобусе поехать. Неожиданно вспомнился недавний вязкий ночной кошмар, в котором она убегала от чего-то неведомого и ужасного. Но что может быть ужасней того, что сказала мама? Сказала спокойно, даже устало. Значит, она об этом давно знала? Стоп, о чём — об этом? В это же невозможно поверить!

Так и не отдышавшись толком, Алиса побежала дальше. За знакомым поворотом открылась служебная парковка для машин, и Алиса сразу увидела папу, идущего к своему BMW. Каждая морщинка, каждая чёрточка родного папиного лица болью резанула по сердцу.

— Папа! — закричала Алиса.

Он остановился, глянул на дочь, улыбнулся. И она, уже без страха (всё — ложь, этого быть не может), пошла к нему.

— Что случилось, Заяц? — спросил папа. — Я думаю, мама сказала тебе?..

У Алисы упало сердце.

— Значит, это правда?

— Да ты сядь в машину, чего охрану-то смешить.

Алиса села, и папа захлопнул за ней дверцу. Он не спеша обошёл машину, сел за руль, завёл двигатель. Всё это было так знакомо! Тысячи раз Алиса садилась в машину, тысячи раз папа заводил мотор, и они ехали куда-нибудь — в магазин за обновками, в театр на премьеру, в кафе, поесть мороженого... Теперь папа сидел за рулём заведённой машины и напряжённо думал о чём-то. И вдвоём ехать им было совершенно некуда.

— Мама сказала правду? — уже тише спросила Алиса.

— Да, Заяц. У меня не хватило духу самому сказать тебе.

С минуту Алиса переваривала услышанное, потом спросила:

— Но как ты мог? А обо мне ты подумал? А о маме?

— Так вышло, Заяц. Но расстанюсь-то я с мамой, не с тобой. Я буду навещать тебя.

Холодная тьма опустилась на Алису. И он ещё собирается навещать её?!

— Ты мерзавец, — стараясь не крикнуть, выдохнула Алиса, — и не зови меня больше Зайцем.

Выскочив из машины, Алиса пошла куда-то, слепо натываясь на другие автомобили, стоявшие на парковке. Кажется, отец звал её, но она не оборачивалась. Опомнилась только на наполовину разломанной скамейке в сквере ветеранов. Так вот как это бывает у взрослых! А она, дура, на-выдумывала себе темноглазого доктора, развела какие-то романтические сопли... Оказывается, всё очень просто — в любое время можно переспать с кем угодно и, если захочется, бросить ради этого семью. Ведь сделал же так её единственный и неповторимый папа. А она ещё накричала на маму, обвинила её во лжи. Бедная мама.

На противоположный конец скамейки уселись двое парней, но Алиса не обратила на них никакого внимания. До них ли ей? Тягостные, невыносимые мысли заполнили Алисино сознание, ещё недавно такое ясное.

А парни повозились с чем-то, потом один из них протянул Алисе пластиковый стаканчик:

— Будешь?

— Что это? — не поняла Алиса.

— Напиток богов.

От стаканчика несло вином, но Алисе было уже всё равно. Передёрнувшись от омерзения, она залпом выпила предложенную гадость и вернула стаканчик. Вино начало действовать почти сразу, душевная боль не стихла, а как-то отдалилась, отошла на второй план. Алиса удивилась тому, что она, оказывается, уже знакома с этими славными ребятами, и даже совсем не прочь выпить с ними ещё. Потом они пошли куда-то, в какую-то квартиру, где пили ещё в компании какой-то девахи с пережжёнными перекисью волосами и небритого мужика в китайском трико. Алису мутило, и когда она увидела таракана, преспокойно бегущего по столу, то, зажав рот обеими руками, ринулась в туалет. Деваха обняла её, дрожащую и всхлипывающую, помогла умыться в замызганной ванной.

Мужики встретили Алису сочувственно — мол, бывает с непривычки. Они показались Алисе славными, добрыми. А ещё один стакан вина, выпитый, несмотря на сопротивление организма, отключил сознание Алисы...

Она проснулась в незнакомой комнате с грязным потолком, пошевелившись, обнаружила, что на ней нет ни нитки. В голове гулко ухало, тело казалось растерзанным. Господи, что произошло? С трудом Алиса поднялась, нашла на полу свою одежду. Наклоняться было сущей мукой — в глазах темнело от головной боли, а желудок сжимал противный спазм. Кое-как одевшись, Алиса вышла из комнаты.

На кухне деваха с пережжёнными волосами сидела, грустно подпершись ладонями.

— А, проснулась? — приветствовала она Алису. — Подожди, сейчас ребята “поправиться” принесут.

Алиса с ужасом и отвращением глянула на деваху, та перехватила взгляд и криво ухмыльнулась:

— Чего косишься? Чистенькой себя считаешь? Это у Васьки с Генкой про твою чистоту спросить надо, они всю ночь с тобой куролесили.

Алиса ахнула и обречённо присела на табурет. Спрашивать девицу о чём-то было страшно, а истерзанность тела объяснялась до того просто и пакостно, что Алисе захотелось умереть на месте.

— Не куксись, ребята вернутся, жить станет легче.

Деваха подмигнула Алисе припухшим глазом. Увидеть тех, кто сотворил с ней это — было выше Алисиных сил. Она сорвалась с табурета, нашла в замусоренной прихожей свою куртку и туфли и бросилась вон. В дверях подъезда она столкнулась с возвращавшимися парнями.

— И куда это мы намылились?

Один из них схватил Алису за руку повыше локтя.

— Пусть бежит, — сказал другой, — хотя и жалко, сладенькая малолеточка.

Алиса выскочила на улицу и очутилась в незнакомой части города. Мозг отказывался сознать весь ужас происшедшего, вообще — отказывался

работать. За углом дома Алису вырвало, стало как будто легче. Стараясь не думать ни о чём, она побрела наугад через узкие, заставленные мусорными баками дворики, пропахшие мочой и прокисшими пищевыми отходами. Куда угодно, только вон отсюда!

За очередной пятиэтажкой открылась серебряная гладь воды — Иртыш. Постанывая от головной боли, Алиса спустилась с крутого яра к воде, зачерпывая ладошкой, умылась. Утопиться бы, только не получится, слишком хорошо плавает. По Иртышу праздно ползли последние, отколовшиеся где-то далеко в истоках, льдины. Весенний ледоход уже прошёл. Алиса усеялась на валявшийся на берегу большой валун и стала следить за льдинами. Хорошо им — у них нет никаких потрясений, плывут себе и тают. А ей, Алисе, придётся как-то жить со всеми этими гадостями, свалившимися на неё. С папиным предательством, с маминым одиночеством и теми мерзостями, которые вытворяли с её беспомощным телом эти два ублюдка.

Поднимаясь с камня, Алиса вспомнила, что сегодня она должна была быть в колледже. Какой тут, к чёрту, колледж! Мельком подумалось о Максе. А он-то, олух, всё кругами вокруг неё ходил. Господи, как всё просто и мерзко! С Максом, конечно, следует расстаться. Зачем вешать на него свои проблемы? Да и не поймёт он, спокойный, чистый, а врать она не хочет.

Денег не оказалось ни в карманах куртки, ни джинсов, пришлось топтать пешком. И уже подходя к своему дому, Алиса отчётливо поняла — жизнь кончилась. Прежняя, ясная и светлая. Теперь всё будет иначе, намного хуже и страшней...

Вопреки ожиданиям мама оказалась дома.

— Где ты была? — спросила она, тревожно оглядывая Алису.

— Не знаю.

Алиса смотрела на маму во все глаза и мучилась. Не могла же она рассказать маме обо всём. Но мама, кажется, поняла, притянула Алису к себе, тихо шепнула:

— Бедная ты моя...

И тогда Алису прорвало — она рыдала взахлёб, задыхаясь и кашляя, выла в голос, как собака на луну. Мама усадила её на диван в гостиной, накапала валерьянки. Сидела рядом, обняв, как маленькую, похлопывая по плечу.

— Всё пройдёт, девочка моя, всё забудется. Вечного ничего нет. И это минует, только не надо всё время напоминать себе, ни к чему рвать душу...

Тихий мамин голос действовал успокаивающе. Мама никогда так не говорила с Алисой. Да и Алиса никогда ещё не попадала в такое отчаянное положение. Понемногу она затихла. Уткнувшись в мамино плечо, всхлипывала, но прежних рыданий уже не было. Подумалось о том, что маме сейчас вряд ли легче, чем ей самой, и стало стыдно за свой эгоизм.

— Я тебя люблю, мама, — прерывающимся голосом прошептала Алиса.

— А как же, девочка, и я тебя люблю. Это же счастье, что ты у меня есть.

Алиса подумала о том, что не такое уж она и счастье, но маме видней.

Она уже совсем успокоилась, насколько это было возможно, и поняла, что ей просто необходимо вымыться, смыть всю эту грязь, налипшую на неё этой ночью. Алиса наивно полагала, что это удастся. Было что-то общее с ритуальным очищением в этом купании. Но вот беда — вымыться можно только снаружи. Душу не выполоскать, как тряпку...

8

Мальчик уже почти забыл об эпизоде с книгой, тем более что Постышев больше и не напоминал о ней. Учёба, работа, изредка напряжённые чаепития с Елизаветой Петровной — обычная рутина затягивала, не оставляя времени ни на что, кроме любимых книг. Поэтому повестка из милиции вызвала у мальчика скорее удивление, нежели испуг. Может быть, это связано с его работой? Ведь дворники часто бывают свидетелями чего-то криминального. Отпросившись с первой пары, мальчик пошёл в райотдел.

Его долго держали в маленьком вестибюльчике, битком набитом маявшимися в ожидании вызова людьми. Называли чьи-то фамилии, люди уходили в длинный коридор, охраняемый бдительным дежурным, потом выходили оттуда в растерянности. Мальчик подошёл к дежурному ещё раз, показал повестку:

— Смотрите, вызов-то на десять часов, а сейчас уже двенадцатый.

— Ждите, вызовут.

Без четверти двенадцать дежурный выкрикнул фамилию мальчика. В хмуром кабинете с покрашенными казённой зелёной краской панелями мальчика принял не менее хмурый человек в гражданском. После вопросов, выясняющих личность, человек перешёл к делу:

— Знаете ли вы гражданина Постышева Е. В.?

— Конечно, знаю.

— А откуда вы его знаете?

— Учимся в одной группе.

Следователь застрочил что-то на стандартном бланке, а когда закончил писать, ошарашил мальчика вопросом:

— И вы знаете, где сейчас находится Постышев?

— На занятиях, где ему быть ещё.

Тут же мальчик вспомнил, что вчера Егора в институте не было, да и сегодня не видел.

— Не пытайтесь покрыть своего подельника, — сказал следователь, — себе же хуже сделаете.

— Какого ещё подельника? Что вы выдумываете? — возмутился мальчик, но следователь, отбросив церемонии, рявкнул:

— Сядь, щенок. Не то я тебя закрою в СИЗО, и там тебя с ложечки кормить не станут. Кому толкнули “Элевсинские мистерии”?

— Какие ещё мистерии? — удивился мальчик.

— Ты мне Ваньку не валяй. Знаешь где книга?

И тут мальчик вспомнил о Егоровой книге. Выходит, это и были “Элевсинские мистерии”? Мальчик был наслышан об этой книге, читал о ней, а теперь вот даже довелось в руках подержать. Он рассказал следователю всё, что запомнил, но тот, кажется, не поверил.

— А если я сейчас пошлю двух сержантов обыскать твой дом?

— Ищите, только книги у меня нет.

— Ключи, — требовательно протянул руку следователь.

Мальчик отдал ключ от своей каморки, даже не подумав требовать ордер на обыск. Просто в голову не пришло в такой ситуации.

Сержанты ездили долго. Всё это время следователь донимал мальчика провокационными вопросами, вроде:

— И сколько же вам дали за книгу?

Когда приехавшие на немой вопрос следователя отрицательно помогали головами, тот ухмыльнулся:

— Естественно, какой дурак станет держать дома такую вещь.

Мальчик расписался в протоколе допроса, следователь в повестке.

— Я не прощаюсь с тобой, дружок, — лукаво сказал он, — сдаётся мне, рыльце-то у тебя в пушку. Так что готовься к неприятностям.

Мальчик выскочил из райотдела не менее растерянный, чем те, кто побывал там до него. Он не чувствовал за собой никакой вины, и тем не менее следователь обвинял его. В чём? В продаже антикварной книги, которую мальчик видел только однажды. Но ведь это несправедливо. Только попробуй, докажи этому твердолобому служаке свою непричастность.

На лекции идти было поздно, на работу — рано. В раздумье мальчик остановился на перекрёстке, потом махнул рукой и отправился в хорошо знакомый “Букинист”.

Сегодня работала Леночка.

— Привет, Книгочей. Давненько тебя не было.

— Да нет, я заходил, когда Света работала. Есть что-нибудь интересное?

— На твой вкус — нет. Разве что Кафка. На, посмотри.

Мальчик читал критические рецензии на Кафку, слышал о нём, но книгу видел впервые. Перелистав томик в синем коленкоре, спросил у Леночки:

— Дорого?

— Для тебя — четыре рубля.

Конечно, это была дорогая книга, но не настолько, чтобы усмирить любопытство библиофила. И мальчик купил её.

Вечером, продираясь через тяготию кафкиного “Замка”, мальчик пожалел о глупо потраченных четырёх рублях. Запретный в советском обществе, элитарный Кафка оказался невероятно нудным и неинтересным. Переживания героя, дождавшегося приёма в замок, напомнили мальчику его ожидание в райотделе, и он удивился неожиданной аналогии.

С этого мысли перескочили на Егора Постышева. Откуда у этого паразита и бездельника антикварная книга? И почему её поисками занимается милиция? Неужели где-то спёр? А откуда ментам знать, что Егор приносил книгу мальчику? Да ниоткуда. Просто сработала репутация книгочея. Как говорят в определённых кругах — “на понт берут”. Мальчик успокоился. Ничего у них не выйдет, разве что нервы потреплют вызовами.

Однако этим дело не кончилось. Они приехали к нему в половине одиннадцатого, предложили дать признательные показания, тогда, мол, “ничего не будет”. Признаваться мальчику было решительно не в чем, и трое в гражданской одежде повезли его в райотдел. Нормальный рассудок мальчика отказывался верить в происходящее — его заперли в какой-то ободранной комнате без окон и предложили подумать, пообещав, что к утру он всё равно “расколется”.

Мальчик присел на парковую скамейку, неведомо как оказавшуюся здесь, и принялся размышлять. Скорей всего, они не нашли Егора, ударившегося в бег, а он, мальчик — вот он, под рукой, его искать не нужно. Следует только заставить признаться в том, что на пару с приятелем “толкнул” краденую антикварную книгу. Мальчик вспомнил, что где-то читал о поощряемом раскрытии преступления в дежурные сутки, наверное, это они самые и есть, уж больно оперативники стараются.

Долго размышлять ему не пришлось, они пришли вчетвером, один из них нёс стул, другой — какую-то штукатурку, обмотанную проводами. Это ещё что такое — детектор лжи?

Мальчика приковали наручниками к скамейке, один из оперов, худой и длинный, уселся на принесённый стул за древний конторский стол, разложил перед собой какие-то бумаги. Другой, из тех, которые приходили за мальчиком, разматывал провода, оканчивающиеся двумя металлическими зажимами, устроился на противоположном конце скамьи. То, что он поставил перед собой, оказалось небольшим ручным генератором, очевидно, снятым с мегометра.

— Давай для начала на уши, — сказал тот, за столом.

Один из стоявших склонился над мальчиком и прикрепил металлические прищепки на его уши. Сидевший на скамье крутанул ручку генератора. Судорога пронзила мозг мальчика, от неожиданности он прикусил язык.

— Ну что, будем молчать? — спросил опер за столом.

Тёмная ненависть поднималась откуда-то из глубин души мальчика, он сплюнул на нечистый пол кровь, тёкшую из прикушенного языка, и ответил:

— Ну вы и гады...

Договорить не успел, мучительная судорога вновь скрутила мозг, пройдя на этот раз по всему телу. Мальчику казалось, что пытка длится вечно, и когда мука кончилась, он с трудом перевёл дыхание, пытаясь успокоить невпопад прыгающее сердце.

— Надеюсь, понял? — спросил опер.

В ответ мальчик грязно выругался. Он не был героем, и обрекал себя на мучения, не в силах противостоять душевной волне ненависти, захлестнувшей горло. Вот они — живущие во тьме. Это в детстве он наивно полагал, что они выглядят монстрами, в реальной жизни они ничем не отличаются от людей.

Допрос под пыткой продолжался до четырёх утра. Несколько раз мальчик терял сознание, ему в лицо плескали затхлой водой из графина и снова требовали признания. “Может начаться дефибрилляция... — мелькнуло в помутившемся сознании, — тогда — каюк”. Бог миловал, и сердце выдержало. В пятом часу утра мальчика пинками вышибли с высокого крыльца райотдела, предупредив, что жаловаться — себе дороже.

Он и не думал жаловаться, он собирался убить их — всех, по одному. Разве подобная нечисть может топтать землю?

Пошатываясь, мальчик добрёл до своей каморки, кое-как открыл дверь и, как подкошенный, рухнул прямо на пол в крохотной прихожей...

9

— Не берусь тебе советовать, — сказала мама, — но мне кажется, что ты слишком сурова с Максимом.

Алиса знала об этом, но ничего не могла с собой поделать. С той злополучной ночи она не могла смотреть на Макса иначе, чем как на ещё одного самца. Макс мучился, мучилась и Алиса, но не рассказывать же ему о том, что произошло с ней. Приезжал отец, Алиса не захотела с ним разговаривать. Он молча посидел на кухне и уехал.

Что-то происходило в Алисиной душе, что-то неприятное, тёмное, как клубящаяся злоба. Ко всему, она теперь постоянно чувствовала себя плохо.

Интерес к учёбе совсем пропал, кое-как дотянула до конца учебного года. Алиса похудела, подурнела, теперь её часто потащивало по утрам. Она не хотела верить в то, что происходило в её организме, но настал момент, когда обманывать себя стало невозможно.

— Это беременность, — объяснила женщина-гинеколог, на приём к которой Алису притащила мама. — Хорошая крепкая беременность, семь-восемь недель.

— Значит, уже ничего нельзя сделать? — испугалась мама.

— Девочка несовершеннолетняя, срок большой. Чего же вы хотите? Никто не возьмётся оперировать.

Дома Алиса била себя в живот кулаками, по-детски надеясь на то, что ублюдка удастся убить. Мама, заставшая её за этим занятием, испугалась:

— Что ты делаешь?! Ты же сама можешь умереть!

Наверное, ненависть не успела уйти из Алисиного взгляда, потому что мама отшатнулась. Потом присела рядом, на смятую Алисину кровать, и зашептала:

— Девочка моя, теперь уже ничего не поправишь, я знаю — ты ни в чём не виновата, но ведь надо жить дальше. Хочешь, я поговорю с Максимом, объясню ему всё? Он — взрослый мужчина, поймёт.

Алиса затравленно глянула на маму и упрямо замотала головой. Ещё Макса здесь не хватало!

С Алисиного плеча сползла тонкая ночнушка, и на кожу капнуло тёплым. Мама плакала. Алиса заглянула ей в лицо. Из-под опущенных век текли слёзы, беззвучный мамин плач пугал до изнеможения.

— Мам, ну чего ты? Не буду я больше.

Чего “не буду” — Алиса и сама не знала. Всё, что угодно, лишь бы мама перестала плакать. А она всхлипнула и вышла из комнаты. Алиса вытянулась на постели и затихла. Она пыталась думать об отце. Не об отце своего будущего ребёнка, о котором она не знала ничего, а о своём собственном. Она так и не простила его. Столько лет рядом никого не было ближе отца, даже мама не казалась роднее. Как могло случиться, что кто-то, какая-то чужая женщина заменила отцу её, Алису, маму? Что теперь отец считает своим домом? Алиса вспомнила, как он приходил недавно — виноватый, как-то странно постаревший. Тогда она закрылась в своей комнате и не вышла к нему. И снова не выйдет, если он придёт.

Станным образом на отца распространялась вина за случившееся с Алисой. И за то, что теперь жило в её животе, цепляясь за своё право на существование.

— Будь ты проклят, — вслух сказала Алиса, сама толком не сознавая — кому.

Июль душил своим непреклонным жаром, Алиса теперь избегала выходить из дома. Приходил Макс, ласково держал за руки. Он всё знал, мама постаралась. И теперь в доме готовились к свадьбе. Самоотверженность Макса, решившего “прикрыть грех” Алисы, вовсе не пробуждала в ней признательности. Алиса окончательно охладела к своему жениху. Впрочем, ей было всё равно, Макс так Макс, какая разница?

Большей частью Алиса теперь валялась на кровати в своей комнате и старалась не думать о будущем. Однажды вспомнились арабские глаза доктора и её жалкая попытка соблазнения. Алиса показала смешной сама себе. Она придавала почти ритуальное значение этому таинственному

процессу дефлорации, а произошло всё с бесчувственным телом, без её сознательного участия. Праздника любви не получилось, её походя лишили девственности двое проходимцев. Она стала чем-то вроде пикантного дополнения к выпивке, и это было настолько пошло, что Алиса принялась тихо ненавидеть своё тело.

Мама воздерживалась от командировок, не желая оставлять Алису одну. Приезжал и отец. Взглянув на округлившийся Алисин живот, побледнел, но Алиса опять не пожелала разговаривать с отцом и ушла в свою комнату. Там она перебирала в уме перемены в облике отца и ревниво оценивала их как дополнительное мелкое предательство. Папа, её папа, никогда не носил пёстрых рубах-гаваек, этот же вырядился, как попугай. Появившаяся у отца новая привычка хрустеть пальцами тоже раздражала Алису, ведь это было от неё — чужой женщины, к которой ушёл отец. И ещё — Алиса не хотела замечать этого, но в папином взгляде появилась непривычная неуверенность. Он явно чувствовал свою вину, а Алисе вовсе не хотелось, чтобы предавший её отец заслуживал хоть толику жалости.

В один из жарких дней Алиса скромно, без лишней торжественности зарегистрировала брак с Максом и перебралась в его стильно обставленную однокомнатную квартиру. Первая брачная ночь не удалась — Алиса всю ночь простучала зубами от омерзения и бессильного протеста против того, что должно было произойти, и молодожён так и не отважился прикоснуться к ней. Правда намного позже, после многочисленных уговоров и бесед Алиса немного успокоилась и смирилась с неизбежным. Она отдалась мужу, негодуя и скорбя в душе, и, понятно, не испытала ничего, даже отдалённо напоминавшего то ни с чем не сравнимое наслаждение, о котором читала в книгах и слышала от подруг. Максиму пришлось принять фригидность жены как должное.

Осваиваться с ролью молодой хозяйки новобрачная не спешила, но Макс и не настаивал на этом. Он неплохо готовил сам, правда, чаще они перебивались полуфабрикатами. К Алисиному животу муж относился непонятно, делал вид, будто его вовсе и не существует. “Интересно, сможет ли он также проигнорировать орущего и пачкающего пелёнки младенца?” — думала иногда Алиса. Своего будущего ребёнка она ничуть не любила, но делать было нечего, и она выполняла рекомендации врачей, заботившихся о сохранности плода.

Первое сентября стало для Алисы мукой — заметный живот раздражал её, и, несмотря на то, что на безымянном пальце поблёскивало обручальное кольцо, а фамилию она теперь носила другую, ей казалось, что группа знает о том, что случилось той весенней ночью, и Алиса сгорала от стыда. Пользуясь заслуживающими доверия поводами, такими, как визиты к врачам, Алиса стала прогуливать занятия. Училась она теперь кое-как, и даже тройки ей ставили, скорее, из сострадания, а не по заслугам.

Приезжала из Екатеринбурга мать Макса, Елена Фёдоровна. Попыталась наладить взаимоотношения со снохой. Алиса отвечала свекрови вежливо, но особенно не откровенничала и в свой внутренний мир Елену Фёдоровну не пустила. Сойдёт и так. Елена Фёдоровна мягко намекнула, что молодой жене пора бы и хозяйством заняться, но Алиса только стрельнула глазами в её сторону.

— Успеется, мама, она ведь ещё совсем ребёнок, — сказал Макс, втайне гордившийся молодостью жены.

Мама Алисы пришла познакомиться со сватьей, о чём они говорили — Алиса не прислушивалась. Странные мысли занимали её. Она вдруг подумала о том, что стоит только захотеть, и можно вернуться домой, в свою девичью комнатку. От живота это не избавит, а вот от ночных посягательств мужа — наверняка. И ещё — её занимала судьба отца. Да, он предал её, предал маму, но — что-то же заставило его уйти к этой женщине? Что?

Алиса не понимала отца, судила со свойственным юности максимализмом и не догадывалась о том, что в мире может существовать тайная, запретная, презираемая всеми любовь. Алиса слишком мало жила на свете, чтобы научиться понимать некоторые вещи, не говоря уж о том, чтобы прощать.

Осень ворвалась в Алисину жизнь обычным для Павлодара холодным ветром с дождём. Октябрь заканчивался слякотно и неприятно, также неприятно было и в душе Алисы. Мягко толкался в животе ненавистный ребёнок, заботливость мужа казалась нудной и навязчивой. Алиса уходила в колледж, чтобы куда-нибудь уйти из дома, возвращаясь, не торопилась, невзирая на пакостную погоду. К матери она ходить перестала, сообразив, что именно она устроила этот тягостный брак, пусть даже из лучших побуждений. Теперь она уже знала — чем вымощена дорога в ад. Единственное, что немного расшевелило Алису — снег, выпавший второго ноября. Снег пах зимней свежестью и почему-то лесом, и Алиса нарочно шла из колледжа самой дальней дорогой, чтобы подольше любоваться им. Конечно, она знала, что этот снег ещё совсем непрочный и, скорей всего, завтра растает, но всё равно — это был снег, обозначивший конец постылого лета и никчёмной осени.

Загулявшись, Алиса промочила ноги и порядком озябла, ожидавший её Макс беспокойно метнулся навстречу:

— Ты где так долго?

— Гуляла. По рекомендации врача.

Макс схватил замёрзшие руки жены в свои ладони:

— Да ты заледенела совсем! Ну-ка марш на кухню, сейчас чаю с малиной спроворю.

Алиса пожала плечами и стала медленно раздеваться. Наклонилась расстегнуть ботинки, и тянущая боль поползла от низа живота к пояснице. Несильная, но какая-то очень знакомая. У человека только один аппендикс. И он у Алисы удалён славным темноглазым доктором прошедшей весной. Боль прокатилась по Алисиному животу и исчезла без следа. В этот вечер Алиса больше не вспомнила бы про неё, не появилась она снова, уже ближе к ночи. На этот раз сильнее и обширней. В животе заворочался ребёнок, и Алиса выругала его про себя. Наверное, боль связана с этим неугомонным младенцем, которому не лежалось в животе матери. Алиса выпила таблетку анальгина и легла спать, заявив Максиму о том, что сегодня она очень устала.

Проснувшись она ночью — от боли. Рядом мирно посапывал муж, и Алиса не сразу сообразила, что нужно делать. Корчась и поддерживая руками живот, она добрела до телефона, вызвала “скорую”, и только потом разбудила Макса.

— Но ведь ещё не время? — захлопал сонными глазами он.

— Не время, — согласилась Алиса, — но я больше не могу...

10

Мальчика больше никуда не вызывали. От кого-то в институте он узнал, что Егора Постышева поймали, что скоро будет суд. У мальчика поджили уши и пальцы, на которые прикрепляли электрические зажимы, но в памяти остались перенесённые муки, разве что притупилось чувство мести. Да и как было ему не притупиться, если зашёл как-то мальчик в “Букинист”, и совсем иной открылась ему девочка Лена, сероглазая глянувшая на него. Мальчик набрался смелости и пригласил Лену в кино. Она, не раздумывая, согласилась. И как-то так получилось, что загуляли они после фильма до трёх часов ночи, когда уже не было никакого смысла провожать Лену в общежитие.

Проснувшись утром на своём скрипучем древнем диване, мальчик с восхищённым удивлением посмотрел на пушистый русский завиток, лежавший на щеке спокойно спящей Лены. Девушка показалась ему необыкновенной красавицей. Словно почувствовав его взгляд, Лена растерянно моргнула и открыла глаза.

— Ты — необыкновенная, — сказал ей мальчик.

— Ты — тоже, — ответила Лена.

С этого и началась их совместная жизнь. Она отнюдь не баловала молодых — небольшие заработки, учёба (Лена училась на вечернем), скудный уют мальчиковой конуры. Они не обращали внимания на все эти мелочи жизни, им было чем заняться вдвоём. Ни о какой свадьбе или там регистрации брака они не думали — зачем всё это двоим, отыскивающим друг друга людям?

Мальчик был счастлив, может быть, впервые в жизни так полно и без оглядки. В сероглазой Лене заключался целый мир, которого так не хватало мальчику. Удивительная спокойная чистота души девушки заставила мальчика забыть о существовании тьмы и существ, обитающих в ней. Со всем жаром своих двадцати трёх лет мальчик торопился любить свою избранницу, спешил доставить ей хоть небольшую, но радость. И она по-детски радовалась дешёвой шоколадке, купленной для неё мальчиком по пути из института, одному-единственному цветку, который (для неё, единственной) на последние гроши покупал мальчик перед стипендией или зарплатой. Это был рай в шалаше, и мальчик чувствовал себя вполне Адамом.

Родители Лены жили недалеко, в сорока километрах от города, и мальчик быстро познакомился с ними. Это были простые и искренние люди, без колебаний принявшие его в свою семью. За каникулы мальчик научился косить траву с тестем, узнал все рыбные места на неспешной речке Налимке, подружился с доброй и рассудительной тёщей. Кроме Лены в семье росли ещё две девочки, старшая из них, Лида, окончила школу в этом году, младшая, Настя, перешла в девятый класс. Русоволосые и сероглазые, похожие на мать, девочки поначалу показались мальчику близнецами, настолько велико было их сходство. Почти не отличалась от сестёр и Лена. Это потом стало ясно, что задиристая и любознательная Настя характером несколько не походит на сестёр, Лида отличается смешливостью и некоторым легкомыслием, а Лена — спокойным материнским нравом. Новая семья пришлась мальчику очень по душе, ведь у него были совсем другие родственники.

Целый месяц молодые прожили в деревне и покидали её с сожалением. Мальчик словно живой воды напился, настолько светел и чист был

теперь его мир. И в этом мире не было места тоскливым воспоминаниям детства, непониманию товарищей и уж, конечно, садистам в милицейской форме, нагло пользующимся своей безнаказанностью.

В сентябре начались занятия, и деревня немного отодвинулась на задний план, оставив по себе ощущение чего-то доброго и радостного. Но и серенькие будни большого, но уж очень деловитого города были освещены взаимной любовью. Можно ли любить сильнее — мальчик не знал, но думал, что, наверное, нельзя.

Возвращаясь с занятий или с работы, влюблённые первым делом бросались к друг другу, словно не виделись несколько лет. Иногда Лена говорила, что нехорошо так любить, грешно, судьба может позавидовать и разлучить. Суеверие подруги казалось мальчику смешным, но он делал вид, словно верит в эти байки, и суровел. Не выдерживала сама Лена, лгнула к мальчику, ласковой кошкой вилась вокруг него. Такого не выдержал бы и деревянный Буратино. А мальчик вовсе не был деревянным, он хватал Лену в охапку, и скрипел, скрипел старчески выносливый диван...

Перед Новым годом Лена призналась, что беременна. Мальчик не понимал — откуда свалилось на него такое счастье, не знал, заслужил ли он его. С этого момента его отношение к Лене стало предельно осторожным. Мальчик боялся за дитя. Лена смеялась над его страхами, говорила, что она не стеклянная и что из-за беременности её не стоит оборачивать ватой и класть в коробочку. Только мальчик всё равно боялся за ребёнка. Это был первый страх, посетивший его за время жизни с Леной.

Мальчик решил, что негоже ребёнку появляться на свет в такой незаконной, богемной семье, и они с Леной официально узаконили свои отношения. Придя из загса, Лена важно надула щёки и заявила:

— Теперь я — законная жена. Прошу любить и жаловать. Вот.

— Разве кто-нибудь с этим спорит?

На носу была защита диплома, и у мальчика всё меньше оставалось времени. Он даже перестал встречать жену со смены, работая над дипломом. Лена прекрасно понимала его, не обижалась и не жаловалась. Ей самой защита предстояла на следующий год, и как удастся совместить её с ребёнком, она не знала.

Лена поправилась, вся как-то женственно округлилась. Мальчику она представлялась похожей на рафаэлевских мадонн. Выныривая из бездн науки, он подпирался ладошкой и часами любовался сидевшей за книжкой женой. Она замечала его взгляд, сердилась:

— Ты над дипломом работаешь или над моим портретом?

Мальчик со вздохом возвращался к прерванному занятию.

Он защитился одним из лучших, поэтому проблемы распределения для него не существовало. Почти не вспоминая об оставленном в Павлодаре старом доме, он остался работать в Энске, благо, теперь можно было оставить тесную "дворницкую" каморку и переехать в "малосемейку" квартирного типа, которую мальчику дали как молодому специалисту. В перспективе маячила настоящая квартира, и жизнь молодой пары была совсем безоблачной.

Дождливым июльским вечером мальчик принял дежурство, так и не дождавшись возвращения жены из института. Он успокаивал себя тем, что она часто ходила на дополнительные лекции, считавшиеся необязательными, а потому и проводимые по вечерам.

Дежурство было обычным, без особых эксцессов. Единственное, о чём жалел мальчик, это о том, что в “малосемейке” нет телефона, и позвонить некуда. Позвонили ему. Женский голос, показавшийся мальчику тревожным, переспросил фамилию, уточнил — была ли Лена его женой. Слово “была” обрушилось на мальчика всей тяжестью ещё не осознанной утраты. Потом, в морге третьей Энской больницы, куда его привезли на опознание, он с содроганием увидел то, что сотворил с телом Лены взбесившийся автомобиль, управляемый пьяным шофёром.

Тьма. Это была тьма, знакомая мальчику с детства. Она следила за ним, ни на минуту не ослабляя внимания, она знала — когда больнее нанести удар. И она его нанесла.

Мальчик не выдержал, вернувшись из морга, купил бутылку водки и в одиночестве напился до бесчувствия. Проснувшись наутро с колокольно гудящей головой, он мучительно вполз в страшную реальность, а увидев на спинке стула брошенный ещё Леной халатик, не раздумывая, побрёл в гастроном.

Возможно, он допил бы до белой горячки, но на похороны приехали родители Лены, и, увидев состояние зятя, тёща осталась пожить у него некоторое время, оправдывая своё присутствие необходимостью устройства поминок.

Разительное сходство покойной Лены с матерью едва не свело мальчика с ума. Он постоянно думал о погибшей жене, об их не рождённом ребёнке и, если бы не тёща, наверное, ударился бы в запой. Пить при матери Леночки он не решался, и это спасло его.

Мальчик сообщил тёте Лиле о гибели Лены по телефону, та прислала соболезнования телеграфом. Формальности были выполнены, приличия соблюдены. Большого от тёти Лили мальчик не ожидал. Устроив сорокадневные поминки, засобиравшись домой тёща, Любовь Николаевна, и мальчик понял, что он опять остаётся один. Один в обступившей его тьме, и теперь её не одолеть трофеем в виде куска угля из подвала.

Целуя зятя на прощание, Любовь Николаевна сказала:

— Ты уж держись, милый, ты нам теперь родной, вместо Леночки.

Она хлопнула носом, мало задумываясь о приличиях, ещё раз, потянувшись на цыпочках, неловко поцеловала мальчика и заторопилась в вагон, на ходу доставая из кармана носовой платок.

Мальчик одеревенело стоял на перроне, махал до тех пор, пока серый хвост поезда не скрылся в дымке моросящего дождя. Возвращаясь домой, подумал о водке, но удержался, ведь он обещал Любви Николаевне.

11

Ещё в “скорой” Алиса поняла, что ей удастся избавиться от злополучного ребёнка, и это наполнило её радостью. Она терпела боль, волнообразно поднимающуюся с низа живота, и даже не замечала, что улыбается. Зато это заметила фельдшерница “скорой” и удивилась:

— Э, мать, да у тебя с головушкой-то всё в порядке? Едва сандали не отбросила, а сидит, улыбается.

Усилием воли Алиса согнала с лица улыбку. Какое дело чужим до её чувств?

Алисе казалось, что, избавившись от ребёнка, она сможет вернуться в свою светлую комнатку с медвежонком в кресле, и жизнь пойдёт так, как шла раньше, до этой чёртовой больницы. Между тем от обильной кровопотери

у Алисы как-то болезненно-сладко кружилась голова. Приглядевшись, фельдшерица ахнула:

— Да я ж тебя могу и не довезти. Ну-ка, дицинончику в ягодичку.

Алиса покорно подставила названное место, её клонило в сон, и уже было совершенно всё равно — что будут делать с нею врачи.

В больнице её зачем-то сразу положили на каталку, повезли куда-то. Она плохо помнила то, что происходило потом. Запало в голову одно — было больно, очень больно, хоть пожилая врачиха и клялась, что обезболила.

... Измученная, обессиленная Алиса лежала на больничной койке со льдом на животе и больше всего хотела спать. Успокаивающе падали капли в пластиковой капельнице, за тёмным ещё окном уже по-утреннему серело. Сестра заменила флакон в капельнице и оценивающе глянула на Алису.

— Я хочу спать, — прошептала Алиса.

— Ну так спите. Сейчас иглу пластырем зафиксируем, чтобы не выскочила...

Алиса в полусне чувствовала, как сестра что-то делает с её рукой, а потом вообще перестала что-либо ощущать. Блаженный покой охватил истрадавшее Алисино тело, и она провалилась в сон, как известно, не имеющий дна.

Наутро Алиса чувствовала себя почти здоровой. Во всяком случае, у неё ничего не болело. Ледяной резиновый крут исчез с её живота, и Алиса попыталась сесть на кровати. От этого её замутило, голова пошла кругом. От ватной слабости на коже выступил липкий холодный пот. Испугавшись, Алиса больше не пыталась подняться с постели.

Больничный день тянется долго, это Алиса помнила ещё с первого своего пребывания в больнице. Гинекологическое отделение в этом плане ничем не отличалось от хирургического, но в последнем был темноглазый доктор — романтическое Алисино увлечение, а здесь — одно бабё. Кроме того, в отделение не пускали посетителей, а сама Алиса ещё не могла вставать. Ей приносили передачи и нежные записочки от мамы и Макса, однажды принесли и от отца. Записку со словами: "Держись, Заяц!" Алиса изорвала в мелкие клочки, а переданную отцом курицу "по-холостячки" велела выбросить в мусоропровод. Девчонка-санитарка пожала плечами и унесла курицу.

Алиса не прощала отца, не хотела прощать. В больнице некуда девать время, остаётся только размышлять. И Алиса размышляла. Она думала о том, что в этом году больница занимает слишком много места в её жизни, о том, что сама жизнь пошла как-то наперекосяк. А ещё — о том, что было бы с нею, сумей она тогда соблазнить Валерия Антоновича. Уж, конечно, замуж за Макса она бы не вышла.

Алисе живо вспомнились арабские глаза доктора, его горячее дыхание на её лице, и стало нестерпимо грустно, тоскливо оттого, что судьба так извратила её, Алисины, мечты.

Она сама не замечала, что по вискам из уголков глаз текут слёзы, заметила сестра, явившаяся с очередной капельницей.

— Ну и что мы плачем? Ребёночка жалко? — спросила сестра, — не плачь, ты ещё молодая, родишь себе, сколько захочешь.

От наивного предположения сестры Алиса только презрительно поджала губы. Как же — ребёночка жалко! Неизвестно от кого зачатого пьяной в дым малолеткой. Да Алиса чувствовала облегчение оттого, что проклятый живот исчез. А слёзы — она и не знала, что плачет. Сердито вытерши свободной рукой предательские глаза, Алиса буркнула сестре:

- С чего вы взяли, что я жалею ребёнка?
- А кого же ещё жалеть? — удивилась сестра.
- Себя, — жёстко сказала Алиса.

Чего было в этом больше — юношеского эгоизма или желания досадить сестре, вообразившей, что она всё про всех знает, определить было трудно. Сестра нахмурилась, привычно нашла иглой вену на локтевом сгибе Алисы и, проверив, в порядке ли капельница, молча ушла.

На третий день Алиса поднялась с постели, побродила по коридору и перед ужином сбежала домой. Не к Максу в его элегантную до тошноты однокомнатную конуру, а домой, к маме, в свою привычную квартиру, в комнату с кружевной занавесью и медвежонком в кресле.

Мама открыла на звонок, и Алиса влетела в прихожую, не чуя под собой ног от радости.

- Ма, там такси у подъезда, заплати, пожалуйста.

Окинув взглядом больничный халат и выглядывавшую из-под него больничную же рубашку, умница мама не стала задавать лишних вопросов, а схватила с подзеркальника сумочку и выскочила за дверь.

К её возвращению Алиса уже сбросила с себя больничное тряпье и теперь лежала на диване в гостиной в своём стареньком девичьем халатике, который завалился в опустевшем шкафу её комнаты. Всё-таки побег из больницы дался Алисе нелегко, она чувствовала себя вконец вымотанной.

- А теперь рассказывай, — попросила мама, вернувшись.

— А что рассказывать-то? — удивилась Алиса. — Из больницы я сбежала, сама видишь, к Максу не вернусь. Ребёнка не будет, “прикрывать грех” нет необходимости.

Мама озадаченно покачала головой:

— Девочка моя, но ведь так не делается. Нельзя так поступать с людьми. Ты о Максе подумала?

Алиса упрямо нахмурила брови:

- Мам, но ведь это ты устроила этот брак. Мне он был не нужен.

И мама сдалась.

- Ладно, отдыхай, утро вечера мудренее.

Утром, перед тем как идти на работу, мама позвонила Максу, сообщила, что Алиса у неё. Макс отпросился со службы и прискакал уговаривать своенравную жену. Только Алиса наотрез отказалась возвращаться.

- Но ведь я так люблю тебя! — это был главный аргумент Макса.

- Но я-то тебя — нет, — равнодушно сказала Алиса.

— Эх, Алиса-Алиса, что же ты делаешь? — с мукой в голосе спросил Макс. — Я ли тебя не холил, не жалел, пылинки с тебя сдувал...

- Знаешь, я не могу так — без любви. Ведь каждая ночь — пытка.

Макс был согласен и на отказ от интимной жизни, только бы Алиса вернулась, но она была непреклонна.

- Не надо, Макс. Так будет лучше.

Он не поверил до конца, подумав, решил, что, может быть, им следует пожить какое-то время врозь. На этом и сошлись. Макс отвёз в больницу казенное тряпье, привёз чемодан с Алисиными вещами.

- Я буду позванивать, — как-то просительно сказал он на прощанье.

После ухода мужа Алиса испытала облегчение. Судьба жестоко посмеялась над нею, совершив этот жуткий зигзаг. Но теперь всё вернётся на свои места. Нет, не всё, папа не вернётся. Это Алиса понимала отчётливо до боли. А если и вернётся, то смогут ли они с мамой простить его?

Боль утраты всегда страшна, а отец стал первой Алисиной утратой. И это было необратимо. Девочка, которой только месяц назад исполнилось семнадцать, получила наглядный урок жестокости и, не задумываясь об этом, сама стала жестокой. Так ли уж велика вина Алисы, не желающей считаться с чужими чувствами? Ведь с её собственными никто не посчитался.

Она целый день пролежала в постели, по-прежнему ощущая слабость, но о своём уходе из больницы нисколько не жалела. Она больше никому не позволит распоряжаться своей жизнью, управится сама. Алиса стремительно выросла, сама не понимая того...

12

Гибель Лены стала для мальчика неким рубежом, разделившим его существование на “до” и “после”. Квартирка в “малосемейке”, которой так радовалась Лена, стала тягостной для её жильца. Здесь всё напоминало о минувшем счастье. Забытая на полочке в душевой заколка для волос, пёстрый поясик крепдешинового платья, непонятного назначения тюбики и баночки на подзеркальной полке... Это становилось невыносимым, но мальчик берёт свою боль, ничего не трогал. Всё в квартирке оставалось так, как было при Лене. Живой Лене. Пить водку он больше не решался, тем более что дал слово Любови Николаевне, да и самому себе тоже. Но иногда приходила в голову дикая мысль о суициде. Разве стоит жить теперь, когда всё потеряно?

Катились дни, и мысль о суициде уже не казалась дикой, более того, она стала привычной, больше не пугала. Мальчик написал странное письмо тёте Лиле, единственному человеку, которого он по праву мог считать родным. Письмо путаное, полное малопонятных объяснений, чем-то похожее на завещание.

В один из тоскливых дней октября мальчик сменился с дежурства, пришёл домой и, не вымыв рук, не заглянув в холодильник, устроился на тахте, положив на журнальный столик шприц, наполненный прозрачной жидкостью. Это была смерть, милостивая, всепрощающая. Он знал, что такой дозой морфина гидрохлорида можно свалить и слона, знал и то, что действует наверняка.

Ставив через голову рубашку, он посмотрел на свои вены, выпукло приподнимающие кожу. Это будет просто, а пока он хотел попрощаться с этим миром, давшим ему величайшее счастье и так внезапно отнявшим его. Он прилёг, забросив руки за голову, смотрел в потолок и вспоминал. Своё неприятное детство, студенческие годы, спокойные и независимые, встречу с Леной и свою любовь. Страница за страницей разворачивались перед ним то серые и неприятные, то полные отчаянного счастья дни. Шприц подождёт, мальчику просто необходимо попрощаться...

Требовательно рявкнул звонок. Кто бы там ни был, открывать дверь уже незачем. Но звонок не унимался, басовито трезвонил, длинными трелями разгоняя мысли. Потом в дверь начали колотить, похоже, что ногами. Мальчик вздохнул и поднялся с тахты, чтобы спустить с лестницы нахального гостя.

За порогом стояла тётя Лиля. Мочальные волосы выбились из-под дешёвого старушечьего платка, поношенное осеннее пальто сверкало протёртыми до ниток местами. Гневно глянув на племянника, тётка ворвалась в квартиру, как цунами. Швырнув в прихожей клеёчатую сумку, с которой она прикатила из Павлодара, тётя Лиля пронеслась по крохотной кухоньке и плюхнулась на стул в комнате.

— Ты что это задумал, — спросила она жёстко, — родную тётку в дом не пускать?

Мальчик посмотрел на жалкие тёткины туфли с криво стоптанными каблуками, на тощие, как палки, ноги в коричневых хлопчатобумажных чулках (и где только она их добыла?), и ему стало нестерпимо жалко одинокую старуху, в которую за эти годы превратилась тётя Лиля.

Мальчик не был дома ни разу за всё время учёбы, да и после института не поехал. Почему — и сам не знал. Незаметно сунув под подушку шприц, он наконец-то сообразил поздороваться с тёткой. Но она была настроена очень агрессивно:

— Ты голову-то мне не морочь, отвечай — что задумал.

Не ляпнешь же тётке, что собирался свести счёты с жизнью. Мальчик буркнул что-то невразумительное и пошёл на кухню, ставить чайник.

К величайшему стыду мальчика в холодильнике не оказалось ничего съестного, пуста была и хлебница.

— Вот так ты и живёшь без присмотра, — проворчала тётка, — как ещё с голоду не умер.

Она добыла из своей клеёнчатой сумки половину батона и небольшой кусочек полукопчёной колбасы. Очевидно, припасы, взятые в дорогу, да так и не съеденные.

Мальчик с тётей Лилей пили жидкий чай (заварки тоже не оказалось, залили старую), впрочем, тётка и дома не крепче заваривала, считала, что чай вреден для сердца. Странно, но им не о чем было говорить. Тётя Лиля отстранённо смотрела куда-то в угол, ушла в “автономное плавание”, вспомнил мальчик. Вместе с гневом из неё вышла вся живость, и теперь тётка напоминала большую куклу, одетую в вытянутую на локтях серую кофту и древнее шерстяное платье, чем-то напоминавшее школьное.

Попив чаю, тётя Лиля засобиравалась в гастроном, но мальчик оставил её дома, пошёл сам. Прикупил продуктов, таких, чтобы по-быстрому сварганить ужин, постоял у винно-водочного отдела. Будет ли тётка пить за встречу? Вряд ли. Только обзовёт алкашом и добавит, что он без присмотра совсем распустился.

Пока он ходил, тётка успела наскоро прибрать в квартирке. Заодно куда-то позапрятала вещи Лены, бережно хранимые мальчиком. Он хотел было рассердиться, но маленькая, худая тётка выглядела столь жалкой, что сердиться на неё было нельзя.

Она выгнала мальчика из кухни и в полчаса состряпала какой-то суп, своей безвкусыностью живо напомнивший мальчику о детстве. Бедная тётка Лиля никогда не умела готовить. А может быть, это объяснялось её скaredностью, ведь она старалась экономить на всём.

Разбирая для себя раскладушку (тахту он уступил тётке), мальчик подумал о том, что вместе с тётей Лилей в квартиру ворвалось его детство, лишённое родительского тепла. Ну и пусть, всё лучше, чем одному куковать. Он порадовался тому, что своевременно сумел переправить шприц с морфином в мусорное ведро.

Тётка уснула, как убитая, видно, устала с дороги, а мальчик ещё долго ворочался на раскладушке, представляя себе, что теперь будет.

А не было ничего. Утром тётя Лиля заявила, что мальчик обязан вернуться домой, потому что ей одной управляться с домом не под силу. Да и не нужна ей такая хоромина. Всё это было сказано знакомым с детства резким голосом и столь безапелляционно, что мальчик просто не посмел

отслушаться. В каком-то полусне он уволился с работы, в этом же состоянии распродал вещи и сдал квартирку коменданту общежития.

Дорога домой показалась ему возвращением в детство, а сам дом как-то присел, уменьшился в глазах мальчика и уже не казался ему таким просторным.

Оказавшись дома, мальчик бросил нераспакованным свой небогатый чемодан и вышел в палисадник, к старому клёну. Изувеченное дерево жило, несмотря на то, что теперь его кривой ствол разъедало огромное дупло. Мальчик погладил ладонью шершавую кору, и она показалась ему тёплой, хоть и дул пронизывающий осенний ветер. Что-то непонятное происходило в душе мальчика, давно уже ставшего мужчиной. Зачесались глаза, но ведь мужчины не плачут.

Тётя Лиля вышла на крыльцо и сварливо сказала:

— Полюбуйтесь на него — не успел приехать, сразу к этой коряге. И что ты в ней нашёл?

Это трудно объяснить даже самому себе, не то что тёте Лиле. Пришлось молча идти в дом.

Пока мальчик разбирал чемодан, тётя Лиля сварила гречневую кашу. Залив её молоком, подала тарелку мальчику.

— Ешь.

Детство, унылое, безрадостное, пропахшее гречневой кашей и постными супами, обступило мальчика. Он уже жалел, что уехал из большого Энска, но не возвращаться же теперь.

Тётка постелила мальчику в его комнате, затопила печку-“голландку”, и какое-то подобие уюта ей всё-таки удалось создать. За окном выл октябрьский ветер, стучал в окно сухой веткой изувеченный клён, а в комнате уютно горела лампочка под голубым колпачком, пощёлкивала, нагреваясь, печка, и стояли рядом истрёпанные мальчиковы книги на полке. И было на душе покойно и безрадостно, так, словно уже умер давным-давно.

Тётка напомнила о смерти ещё раз, постучав в дверь (раньше врывалась без стука), спросила — пойдёт ли он завтра к бабушкиной могиле? Мальчик ответил утвердительно, погасил лампу и поплотнее, по детской привычке укутался в одеяло...

Павлодар встретил мальчика косым дождём, хлещущим то в спину, то в лицо, то откуда-то сбоку. Ветер стремительно гнал лохматые дождевые тучи, и стоять на кладбище было неприятно. За время мальчикова отсутствия новое кладбище превратилось в старое, и на нём больше не хоронили. Бабушкина могилка была аккуратно обложена дёрном с порывевшей к осени травой, временный деревянный крест тётя Лиля заменила на металлический, дешёвенький, и покрасила его серебрянкой. Экономия чувствовалась даже здесь. Отчего старуха так скупится, мальчик не мог понять. Уже выйдя на пенсию, тётя Лиля подрабатывала лифтьёром в недалёкой десятиэтажке, дежурила через двое суток на трети.

Мальчик решил, что как только устроится на работу, поставит на бабушкину могилку приличное надгробие. Не то чтобы это было от великой любви к покойнице, просто после гибели Лены мальчик научился уважать смерть. Он с тоской подумал об оставшейся в Энске могиле Лены и их нерождённого ребёнка. Кто же там позаботится о ней? Тёща с тестем? Сёстры? Впрочем, ему никто не запретит ездить в Энск...

День мальчик провёл, возясь со своими детскими вещами. Насобирав целую коробку старых школьных тетрадок, давно вышедших из

употребления учебников, огрызков карандашей и прочей чепухи. Похоже, что, проводив его в Энск, тётка оставила в его комнате всё как было. Когда потащил коробку к мусорному баку, тётя Лиля сказала:

— Ну и зачем? Можно же печку растапливать.

Мальчик снёс коробку в некогда жуткий угольный подвал и запихнул её там в дальний угол.

Поужинав, они сидели в гостиной перед всё тем же, пережившим множество ремонтов, чёрно-белым телевизором “Балтика” и молчали. Им совершенно не о чем было говорить. Мальчик, притворяясь, будто смотрит какую-то бестолковую передачу, думал о Лене, об их коротком, но таком полном счастье. О чём думала тётя Лиля — было неизвестно, но она хмурилась и тоже смотрела на мутноватый от старости экран.

Утром тётя Лиля хмуро поставила перед племянником тарелку с овсянкой и буркнула:

— Рассиживаться нечего. Иди на работу устраиваться.

Мальчик кивнул. Он и сам подумывал сегодня отправиться на поиски работы.

Сердась неведомо на что, тётя Лиля быстро доела свою порцию овсянки, вымыла под краном тарелку и ушла на смену. Мальчик позавтракал, достал из ящика древнего письменного стола документы и ушёл из дома.

Он особо не выбирал, согласился на первую попавшуюся работу, и к вечеру уже почти прошёл медкомиссию. Вернувшись домой, затопил печку, сварганил холостяцкий ужин из яиц и сала.

За окном опять бесчинствовал ветер, изредка бросая в оконные стёкла пригоршни осеннего дождя. На душе было тоскливо, осенне. Уехав из Энска, мальчик думал укрыться от своей тоски, но, как видно, от себя не убежишь, и тоска приплелась за ним в Павлодар.

Выйдя на работу, он ощутил некоторое облегчение. Другие люди, знакомство, адаптация в новом коллективе занимали мысли, не позволяли замкнуться в своём горе. Не то чтобы он забыл Лену, просто трагедия как-то отодвинулась, уступая место продолжающейся жизни. Мальчик с головой ушёл в работу, которая целила душевные раны.

Как-то, возвращаясь с дежурства, мальчик увидел у соседской калитки девчущку в коротенькой курточке и вязаной шапке. Девчущка приветливо кивнула ему, совсем не по-детски, а — как равная, как взрослая женщина. Мальчик никогда не обращал внимания на соседей, с самых ранних лет он просто дичился людей. Но жить рядом и не знать соседей по именам невозможно, и мальчик задумался — откуда у Березняковых такая девчущка, у них, вроде бы, малышей не было. Потом девчущка забылась, вытесненная невесёлыми думами, и мальчик вспомнил о ней только тогда, когда тётя Лиля, как-то между прочим, сказала, что березняковская племянница — такая оторва, всю ночь где-то шастает, домой только под утро является. Называется, приехала учиться. Конечно, там-то, у неё в деревне по ночам не погуляешь. Мальчик промычал в ответ что-то невразумительное и сделал вид, что поглощён газетой, которую принёс с работы. Тётя Лиля ещё поворчала и утомилась сама собой.

Наступивший ноябрь запомнился мальчику тем, что в самом его начале выпал обильный снег. Выпал, да и раздумал таять. Необыкновенно ранняя зима накрыла Павлодар. Тётя Лиля выдала мальчику домодельные шерстяные носки и ворчливо заметила:

— Это тебе не Энск, тут враз простудухватишь.

Тётка говорила так, словно мальчик никогда и не жил в Павлодаре. Сама она, всё такая же худая и одереvenевшая, ходила на работу в подшитых валенках, в которых её тощие ноги болтались как карандаши в стакане. Сменив старое осеннее пальтецо на такую же старую, дано оплешивевшую цигейковую шубёнку, которую она грубо называла “полуперденчиком”, тётя Лиля нисколько не беспокоилась о своём внешнем виде.

Не беспокоилась она и о еде, изо дня в день готова одни и те же постные каши. Залив их молоком, тётка считала еду вполне приемлемой и отчитывала мальчика, если тот тратился на дорогую “кооперативную” колбасу или мясо.

А мальчик обнаружил на улице Короленко вновь открывшийся “Букинист” и теперь стаскивал в свою комнату всё мало-мальски значимое, что мог раскопать в нём. Книги вновь, как это уже не раз случалось в его жизни, заменили мальчику весь мир. Даже личная трагедия как-то отодвинулась, отошла на второй план. И это тоже был аквариум, мальчик отлично понимал это. Так они и жили с тётей Лилей — каждый в своём персональном аквариуме.

В канун Нового года зима совершенно неожиданно опомнилась и уступила своё время осени. С серого неба сеялся мелкий дождь, снег раскис и чавкал под ногами. К вечеру немного подмораживало, и гололёд добавлял пациентов городским травматологам.

Тётка Лиля пришла с работы в мокрых валенках, ругаясь на погоду, переоделась и села пить чай. То ли от горячего чая, то ли от ветра, тёткины скулы покрылись красными пятнами. Мальчик посоветовал принять на ночь аспирина и ушёл в свою комнату, чтобы не выслушивать тёткиных соображений по поводу вредности аспирина для желудка и излишней учёности некоторых. А утром ушёл на дежурство...

13

... Она напрасно думала, что, вернувшись домой, решит все свои проблемы. Никуда они не делись, только мама стала странно посматривать на Алису. Так, словно не понимала — что ей дальше делать с дочерью.

В первый же день после болезни, придя на занятия, Алиса разругалась с одной из преподавательниц, позволившей себе неуклюжую шутку в адрес “кормящих матерей”. Маму вызвали в колледж. Алису в кабинет директора не приглашали, да она и не рвалась туда, поэтому не знала — о чём директор беседует с мамой. Алиса болталась в коридоре, разглядывала сто раз виденные плакаты и стенды и нисколько не боялась отчисления. Второй курс, кто её отчислит? Хуже было то, что её могли попробовать заставить извиниться перед “училкой”. Извиняться Алиса не станет. Ни за что.

Алиса маялась в знакомом коридоре колледжа, а мама всё не выходила. Пронёсся мимо какой-то второкурсник, пискнув “мамаша”, но Алиса не погналась за ним — лень. В последние дни ей всё было лень. Она забросила свои любимые книги, редко присаживалась к компьютеру. Это Алиса-то, влюблённая некогда в книги и компьютеры, будущий программист-системщик. Как-то всё враз надоело, не хотелось ни о чём думать, не хотелось ничего делать. Алиса чувствовала себя старушкой, всё-всё видевшей и знавшей, давно уставшей от жизни.

Мама вышла из кабинета директора и молча взяла Алису за руку. Первым побуждением Алисы было выдернуть руку, но она что-то почувствовала. Что-то необычное, неизведанное раньше. Мама держала её за руку не как маленькую девочку, а как равную себе, женщину, подругу. Держала успокаивающе, дружески.

— Ну что? — спросила Алиса.

— Дома, — коротко сказала мама.

Возникшая от соприкосновения рук близость льдинкой истаяла, пока ехали на автобусе домой. Алиса задиристо поглядывала на маму и обдумывала — как именно она откажется извиняться перед “училкой”. Однако ничего говорить не пришлось, мама всё сказала сама. Войдя в прихожую, она сбросила подбитый мехом плащ и устало сказала:

— Тебе надо перевестись в другой колледж. Я попробую это организовать.

— Почему? Из-за скандала?

— Да.

Мама всегда была немногословной, и сейчас в нескольких коротких фразах объяснила дочери, что оскорблённая ею молодая преподавательница — дочка высокопоставленного чиновника, и замять скандал не удастся.

Алиса капризно дёрнула головой и ушла в свою комнату. Она не хотела в другой колледж, тем более что программистов выпускал только этот. Чего ради она должна терять ею же выбранную профессию?

Ночью, когда мама уже легла, Алиса прокралась в гостиную и унесла из бара бутылку вина с пёстрой наклейкой. Вернувшись в комнату, она вспомнила, что не взяла с собой стакан, но идти за ним на кухню не решилась. Пришлось пить вино прямо из горлышка. Оно оказалось сладким и неприятным. Каким-то приторным. Преодолевая отвращение, Алиса в несколько приёмов выпила вино и стала ждать. Она уже знала, как это бывает, когда хмель тёплой волной расходится по телу. И он не заставил себя ждать. Алиса уселась перед зеркалом и показала язык своему отражению. Скандал в колледже показался ей смешным пустяком, и она махнула рукой. Её отражение сделало то же самое. Ну и правильно, подумай — высокопоставленная дочка. Ну и чёрт с ней. Пусть сама уходит из колледжа, если ей с Алисой невмоготу.

Захмелевшей Алисе было море по колено, и она хихикнула, представив себе, как ненавистная “училка” увольняется. Потом мысли перескочили на Макса, и Алиса надулась. Благодаря маме она вляпалась в этот брак, вот пусть мама с Максом и объясняется. О первопричине скоропоситижного замужества Алиса уже не думала.

Потом её потянуло за компьютер. Послушно загрузилась “Windows”, и Алиса бессмысленно уставилась в монитор. Что же она хотела сделать? Забыла. Сладко кружилась голова, пальцы утратили обычную верность, и лезли по клавиатуре куда попало. Поняв, что ничего полезного ей сделать не удастся, Алиса выключила компьютер.

Потом опьянение пробудило в Алисе агрессивность. Пометавшись по комнате, она бухнулась на кровать и принялась строить планы мести. “Училке”, отцу, тем двум хмырям, подпоившим её и испоганившим ей жизнь...

Незаметно она уснула. Спала без снов, словно в яму провалилась, а, пробудившись, не сразу вспомнила, отчего так паршиво себя чувствует.

Проснувшись Алиса раньше мамы, успела спрятать следы своего вчерашнего разгула, приняла душ и тщательней обычного почистила зубы. Когда мама вошла на кухню, Алиса сидела за столом, умытая и причёсанная, а на столе негодующе булькал закипевший чайник.

Чай пили молча. Мама думала о чём-то своём, Алиса тоже. Потом мама сказала:

— Сегодня посиди дома, я наведу справки о других колледжах.

Алиса без слов кивнула, подумав при этом, что папа, прежний папа, просто так бы не сдался, сумел бы защитить Алису. А уж в случае плохого исхода обязательно добавил бы к маминой фразе что-нибудь, вроде: “Не грусти, Заяц, прорвёмся”. Но папы не было, он теперь пил свой утренний чай где-то в другой части города, в чужой квартире и с чужой женщиной.

Мама быстро собралась и ушла на работу. Алиса помыкалась по квартире, не зная, чем занять себя, и уселась в кресло с ногами. Она впервые с грустным удивлением подумала о том, что у неё нет друзей. Были папа с мамой, потом был Макс, а друг, таких, чтобы можно было поделиться сокровенным, не было. Как-то так вышло, что Алисе хватало общения в семье, а свободное время поглощал обожаемый компьютер. Папа купил его давно, ещё когда Алиса только заинтересовалась информационными технологиями после школьных уроков информатики. Машина старела, её несколько раз апгрейдили, а потом и вовсе поменяли на более современную, с мощным процессором и сверхбыстрой памятью. Алиса относилась к компьютеру как к живому существу, даже разговаривала с ним. Потом, когда всё вокруг Алисы завертелось сумасшедшим колесом несчастий, компьютер как-то незаметно отошёл на второй план. Она всё реже и реже сидела перед монитором, а, переехав к Макс, и вовсе забыла свой “Пентиум” у мамы. Теперь он сиротливо стоял на изящном столике, изготовленном на заказ, по Алисиным эскизам, и праздно пылился. Алисе стало жаль компьютер. В ней проснулась прежняя девочка с доверчивыми глазами и душой, наивно открытой всему миру.

Пошарив в столике, Алиса нашла мягкую “компьютерную” фланельку и флакон жидкости для ухода за оргтехникой. Тщательно протёрла монитор, клавиатуру, почистила коврик для мыши. Эти мелкие заботы как-то отвлекли от скандала в колледже, от вчерашнего Алисиного пьянства и сегодняшнего чувства вины за него.

А потом позвонил Макс и окончательно испортил настроение своим нытьём. Да что, на ней свет клином сошёлся, что ли? Нашёл бы себе другую, благо — не урод какой-нибудь, да и человек солидный, обеспеченный.

Отбоярившись от Макса, Алиса с тоской посмотрела в окно. Там буйствовал ветер, летел снег вперемешку с дождём. Неприютно было на улице, как и в Алисиной душе. А в квартире вообще тоска, хоть в петлю лезь. Алиса вздохнула и стала одеваться. Просохшие после душа непокорные кудри она с трудом собрала в хвост на затылке и упрятала под шапочку. Влезла в куртку и вышла из квартиры. Знакомая надпись, вырезанная на стенке лифта давным-давно кем-то из соседских мальчишек, показала милую и детскую. “Лиса Алиса” — так её дразнили в детстве, прицепившись к имени. По мнению Алисы, в ней не было ничего лисьего.

Сразу у подъезда резкий порыв ветра едва не сбил Алису с ног, в лицо сыпнуло снежной крупой. “И чего дома не сиделось?” — запоздало подумала Алиса, но возвращаться не стала. Бесцельно пошла куда-то по улице,

стараясь поворачиваться так, чтобы ветер дул в спину. Скорее бы настоящая зима. Город станет чистым и чинным, исчезнет слякоть, а там, глядишь, и Новый год. Алиса по-детски любила Новый год, самый лучший праздник. Она всегда сама наряжала ёлку, старалась подольше не заснуть в новогоднюю ночь. Новый год был связан у Алисы с неким таинством, волшебством. И подарки, тайком подложенные родителями под ёлку, тоже казались необычными, волшебными.

В этом году зима не спешила. Снег, выпавший в начале ноября, не продержался и дня, потом опять потянулись мокрые осенние будни. Ноябрь уже кончался, а зимы всё не было. Разве эту круговерть дождя и ледяной крупы можно считать снегом?

Пройдя пару кварталов, Алиса замёрзла и зашла в гастроном погреться. Она покрутилась у витрин со сладостями, потом неожиданно для себя оказалась в вино-водочном отделе. И уж совсем негаданно купила бутылку дешёвого вина. У Алисы не было с собой ничего, кроме крошечной дамской сумочки, и девать купленную бутылку было совершенно некуда. Она не догадалась спросить у продавщицы пакет и двинулась со своей криминальной покупкой к выходу. Ей казалось, что все немногие покупатели осуждающе смотрят на неё, и щёки её горели от стыда. Высокий мужчина в осеннем пальто и котиковом кепи, стоявший перед витриной, обернулся, и на Алису глянули знакомые тёмные глаза. Боже мой, это же доктор! Валерий Антонович! В другой ситуации Алиса непременно подошла бы поздороваться, а сейчас, с этой чёртовой бутылкой в руках... Алиса позорно сбежала из магазина.

Уже на улице она попыталась пристроить свою покупку под курткой. Это получилось плохо, бутылка всё время сползала вниз и её приходилось придерживать рукой. На её счастье рядом с магазином оказалась автобусная остановка, к которой тут же подрулил полупустой автобус. Алиса прыгнула в него и забилась в угол салона. Как и в магазине ей думалось, что все пассажиры знают о том, что она прячет под курткой бутылку "бормотухи", и чувствовала себя крайне неудобно.

Дома Алиса расположилась в своей комнате, на этот раз прихватив из кухни стакан и кусок колбасы из холодильника. Из стакана пить было легче, чем из горлышка, а, заев колбасой мерзкую на вкус жидкость, Алиса почувствовала облегчение. Она уже знала, что будет дальше, и с нетерпением ожидала алкогольной эйфории. В этот момент она не думала о том, что скажет мама, не думала и о последствиях своего поступка. Просто знала, что сейчас тоска никчёмного существования сменится радужными хмельными грёзами. И это казалось ей единственным выходом из тупика...

14

Новый 2001 год прошёл серо и тускло. Мальчик отказался встречать его в компании коллег, а дома праздника не чувствовалось вовсе. Да ещё и тётка хандрила. Она сидела перед телевизором в старом кожаном кресле, кутаясь в облезлую пуховую шаль, и слабо покашливала. Несмотря на все настояния мальчика, она по-прежнему топила печи один раз в день, и к вечеру в доме становилось прохладно. Мальчик отдавал тёте Лиле все те небольшие деньги, которые он зарабатывал, но скупость тётки от этого

только ещё более увеличилась. Тётя Лиля сэкономила на всём — на еде, одежде, топливе для печей. Поняв, что старуху не переубедить, мальчик оставил её в покое.

Такой сумасшедшей зимы мальчик ещё не видел на своём веку. На Рождество снова пошёл дождь, и таяли, оплывая, тщедушные сугробы, не успевшие набрать вес после декабрьской оттепели. А потом ударили крепкие морозы, и дороги вновь приобрели зеркальный ледяной блеск.

Однажды утром, сменившись с дежурства, мальчик пришёл домой и первым делом растопил печи, чтобы тётя Лиля, придя с работы, могла отогреться. Он знал, что она будет ворчать за “лишние” траты, но помнил и о том, что старуха в последнее время уж больно подозрительно покашливает.

Он напрасно прождал тётю Лилию до полудня, тётка как сквозь землю провалилась. Мальчик уже начал тревожиться, накинув пальто, он выскочил позвонить тёте Лиле на работу. Автомат на углу не работал, пришлось бежать до гастронома. Звонок ничего не прояснил, откровенно любопытствующий женский голос на другом конце телефонного провода поинтересовался:

— Неужто до сих пор не пришла? Она ещё в семь сменилась.

И мальчик понял, что с тёткой произошло что-то неладное. Ну просто некуда ей пойти, у неё ведь ни подруг, ни друзей, ни близких родственников. Накупив телефонных жетонов, мальчик принялся обзванивать больницы, это первое, что пришло ему в голову. И он не ошибся, тётка обнаружилась в травматологии первой горбольницы. От диагноза, произнесённого в трубку равнодушным женским голосом, мальчику стало нехорошо. Перелом шейки бедра. В её-то возрасте!

Забыв о сне после ночной работы, мальчик засобирався к тётке, в больницу. В палату его не пустили, в отделении был объявлен карантин по гриппу, но поговорить с дежурным врачом удалось.

— Гололёд, — лаконично объяснил тот. — Сейчас знаете, сколько таких стариков привозят?

Идя домой, мальчик впервые задумался о том, что кроме тёти Лили у него никого нет. Привычное “аквариумное” одиночество дрогнуло, давая место новому чувству — боязни в самом деле остаться одному. Он знал, что означает тёткин диагноз в её возрасте и при слабом здоровье. Это почти наверняка кончится пневмонией. Выдержит ли сублинная тётя Лиля пневмонию и тяжёлый перелом одновременно? Ответить на этот вопрос могло только время.

На соседской заснеженной лавочке сидела та самая березняковская племянница. Девушка была явно не в себе, посмотрев на соседа пустыми серыми глазами, она грязно выругалась и сплюнула себе под ноги. Мальчик вздрогнул от брезгливости и поспешил в свой двор.

Живое тепло дома немного успокоило тревожные мысли, мальчик начал думать, что, может быть, всё ещё обойдётся. Наскоро перекусив, он понял, что валится с ног от усталости, и всё-таки лёг спать.

... И потекли дни полного, физического одиночества. Мальчик уходил на работу, возвращался в выстывший дом, навещал тётю Лилию в больнице. Лучше ей не становилось, его опасения подтвердились во всей полноте — у тёти Лили развилась двусторонняя пневмония. Речь шла уже не о скорейшем заживлении перелома, а о лечении воспаления лёгких. Мальчик

вспомнил о том, что тётка покашливала ещё до перелома, и корил себя за то, что тогда не настоял на серьёзном лечении. Все эти липовые чаи и сушёная малина хороши только тогда, когда дополняют настоящую медикаментозную терапию. Теперь тётке слабо помогали даже сильнодействующие антибиотики. Она не металась в жару, не жаловалась на врачей, просто тихо угасала на больничной койке, и температура тела не поднималась выше тридцати восьми, но и не опускалась ниже тридцати семи. Тётя Лилий слабый, но сварливым голосом выговаривала племяннику за напрасные траты, когда он приносил ей свежие фрукты, беспокойно теребила сухонькими пальчиками тощее больничное одеяло и таяла, таяла, как мелкий сугроб нынешнего года под январским дождём.

Дотянула она только до марта. Мальчик похоронил тётку на старом Суворовском кладбище, где она ещё при жизни заботливо выкупила место рядом с бабушкиной могилой. По завещанию тётя Лилий оставила мальчику какие-то деньги, лежавшие на текущем счёте в Народном банке, но мальчик ими не заинтересовался. Следовало выждать шесть месяцев для оформления завещания, да и не особенно нужны были деньги одинокому молодому человеку, при его нелюдимости ему вполне хватало зарплаты.

Когда тёти Лилий не стало, мальчик почувствовал, как знакомая с детства темнота плотнее обступает его. Он больше не боялся её так, как в детстве, но от этого легче не становилось. Тьма — всегда тьма, она одинакова в любом возрасте. Иногда мальчику думалось, что ему нужно завести какое-нибудь животное, кошку или собаку. Всё живая душа рядом. Но почему-то так никого и не завёл.

По привычке он топил обе печи, хотя в большом доме для него одного было слишком много места. Ему вполне хватило бы комнаты рядом с кухней, в которой раньше жила тётя Лилий. Но он ничего не стал менять ни в бабушкиной, ни в тёти Лилиной комнате. Ему казалось, что пока всё идёт так, как шло, темноте не одолеть его. Странно, но мальчику, обладающему специфическими знаниями, никогда не приходила в голову мысль о своём психологическом статусе, а ведь многое в его жизни просто не вписывалось в норму. Но кто знает — где грань между нормой и патологией? И что можно считать нормальным, а что — нет? В то же время несчастья словно закалили душу мальчика. В его прошлом были только могилы, будущее ещё не определилось, а настоящее окружала темнота одиночества. Но такой, почти физической боли, как после гибели Лены, не было, как не было больше и мыслей о суициде. Что было? Пустота. Какой-то полный вакуум вокруг, в котором людей заменяли зачитанные до дыр книги. Они же служили и суррогатом настоящей жизни, наполненной событиями и приключениями. Настоящей в жизни мальчика осталась только работа, и он отдавался ей полностью, без остатка, без особого труда повышая свой профессиональный уровень. И вскоре о нём заговорили как о перспективном молодом специалисте с большим будущим. До мальчика доходили слухи об этом, и он воспринимал их с удовлетворением.

Ранняя бурная весна сменилась ненастным дождливым летом, в палисаднике густо вылезли посаженные ещё тётей Лилий ромашки. Во дворе Березняковых прекратились скандалы с визгливыми истериками, блудная племянница отбыла на каникулы в деревню. Мальчик взял отпуск и съездил в Энск. Побывал на кладбище, у могилы Лены, навестил её деревенскую родню. Назад возвращался с чувством лёгкого сожаления, но,

выйдя на работу, вскоре забыл о нём. Теперь он не замечал даже своего одиночества.

Для мальчика, с головой ушедшего в работу, время неслось вскачь, и, едва заметив, что на дворе — лето, он с удивлением обнаружил жёлтые листья на старом, изувеченном клёне за окном. Отметив про себя пришествие осени, мальчик подумал о том, что не позаботился о дровах и угле на зиму. За этими хозяйственными хлопотами его и застал приезд Зинаиды Березняковой, той самой, скандально известной племянницы соседей. Зинаида, усевшись на лавочке у соседских ворот, заинтересованно наблюдала, как, пользуясь остатками летнего тепла, полураздетый мальчик таскает уголь в подвал. Самосвал, доставивший уголь, вывалил его прямо перед воротами.

— Слышь, сосед, — хихикала Зинаида, — а пупок не развяжется?

— Нет. Моё поколение на совесть завязывали, — отшутился мальчик.

С этого момента соседка стала примечать мальчика. Она словно стерегла его, возвращавшегося с дежурства. Сверкая полноватыми коленками из-под короткой юбчонки, Зинаида приседала в шутовском книксене и приветствовала мальчика одной и той же фразой:

— Наше вам с кисточкой.

Мальчик отделялся ничего не значащими приветствиями и старался скорей пройти мимо.

Потом наступила зима, и сверкать коленками стало затруднительно. Зинаида перестала стеречь у ворот. Мальчик не обратил внимания на отсутствие соседки, как не обращал его и на её присутствие.

Зима нравилась мальчику уютным потрескиванием печки, вьюжным воем ветра за окном, алмазными россыпями свежевыпавшего снега. Этой зимой у мальчика случился мимолётный роман с разбитной медсестрой, лукаво улыбавшейся пухлыми накрашенными губами. Люся отдалась ему просто, без долгих ухаживаний, без каких-либо обещаний. И так же просто позабыла о нём, найдя себе нового кавалера. Мальчик вспоминал об этом с чувством некоторой брезгливости, но физиология требовала удовлетворения. А когда пришла весна, организм и вовсе взбесился. Покрасневшие от бессонницы глаза следили за каждой юбкой. Мальчик пытался убедить себя в том, что это недостойно, мерзко, но время от времени продолжал встречаться с Люсей, не желающей отказывать никому.

Рядовое дежурство стало поворотной точкой в жизни мальчика. В этот день привезли на “скорой” необычную пациентку. Тревожные серые глаза, глянувшие на него из-под растрепавшихся кудрявых волос редкого шоколадного цвета, удивительно нежная кожа, на скулах и аккуратном носике покрытая трогательными мелкими конопushками, всё это поразило мальчика и напомнило о покойной Лене. Девушка совсем не походила на неё, её красота была абсолютно иной, но мальчик, прооперировав пациентку, поймал себя на том, что думает о ней, и думает весьма нескромно. Он стыдил себя, ругал, напоминал о том, что девушка — несовершеннолетняя, в сущности, ещё ребёнок, но его как магнитом тянуло в четвёртую палату, к ней. Рассердившись на себя, он стал сокращать время обхода в этой палате. Но именно в четвёртую палату из реанимации перевели “тяжёлую” Ксению Белецкую с перитонитом. Случай был сложный, как врач, мальчик не мог оставить такую больную без внимания...

Окончание в следующем номере.

Жагфар ИСАТАЕВ

“Боюсь спугнуть прекрасный миг...”

Два берега

Как нищему с годов молодых
Знать прелести красот седых?
Как истины плодов вкушать,
Когда не ел с утра опять?
Так будет истиной лишь хлеб
И низкопробный ширпотреб.

Девяностые

О как дешевет жизнь!
О, мир мой, не падай вниз,
Как глупый сосед мальчишка,
Ступающий на карниз.

Во время противоречий,
Ничем не прикрытых, жить
Так трудно, и век скворечен
Не хочется мне забыть.

Но пялится рванью бедность
На фоне больших витрин,
Вскрывая всю несусветность
Официальных картин.

Понять невозможно время
И рынок души принять,
А взятку и службы бремя
Как равное объединять.

И в этой безумной пляске
До боли мне жалко нас,
Что толку срывать нам маски,
Всё знающим без прикрас?

О, бедная моя Родина!
Как мама, мама старенькая,
Для многих ты просто родинка,
Забывая и маленькая.

Искусственно заселённая,
Эпох в ней идёт притирка,
Похожа на вновь рождённого
Второй раз, но из пробирки.

Отчизна не виновата, —
Кому-то родной не стала,
Сидящим на чемоданах
Из интернационала.

Но виделось мне иное,
Желанное сердцу время,
Разумное и молодое,
Здоровое духом племя,

Презревшее соблазнения
Цинизма и верхоглядства,
Я видел его рождение,
Я видел его богатства.

Поэтому не напрасно
Такое тобою пройдено,
Единственная, прекрасная,
Любимая моя Родина.

Её глаза

Её глаза такого цвета,
Какого не было на свете,
И, может быть, она колдунья,
Моя прекрасная плясунья.

Когда в хорошем настроенье —
Её глаза весны мгновенья,
Чисты, как вешние ручьи,
От счастья моего ключи.

Когда же две звезды темнеют,
От них такой прохладой веет,
Что, если б я закрыл глаза,
Была бы жуткая гроза.

Встречаю взгляд и вмиг робею,
Красноречив, но с ней немею,
Не понимаю, что со мной,
С любой девушкой другой
Смеюсь, шучу, но быть хочу
Лишь с той, с которой я молчу.

Закат

Грустен алый закат,
Унося красоту,
Плачь, заброшенный сад,
В ветер и пустоту.

Ночь идёт от земли,
Из травы и кустов,
Не дожидаться зари
Этой ночью без снов.

Освещает закат
Алым светом листву,
И роняет мой сад
Вялый лист на траву.

Отцветает закат,
Мир уходит во тьму,
Мы с тобою, мой сад,
Не нужны никому.

Из груди немой волною
На бумагу льётся вновь
Озарённый день тобою,
Несказанная любовь.

Долго жить улыбка может,
От неё горят уста.
Миг ушедший мной не прожит,
Без него вся жизнь пуста.

Оттого ль художник тоже
Будит кистью гладь холста,
Скульптор встречи с нею множит,
Как поэт узор листа.

Не пишу ей — не услышит.
Не прошу иных высот.
Я люблю — нет дара выше
Из твоих, о бог, щедрот.

Корабли надежды

Я признался тебе в любви,
С головою в глубокий омут,
Пусть надежды моей корабли
В этих тёмных глазах потонут.

Пусть оставит меня печаль
И рассудит с бескрайним морем,
Пусть даст остров надежды даль,
У жестокой судьбы оспоря.

С ветром в мачтах оставляю мель,
Неизвестности худший жребий,
И шторма не страшны, поверь,
С путеводной звездой в небе.

Ты поверь моим первым словам,
Моим первым словам о тебе,
И твоим я глазам-небесам
Покоряюсь, вверяясь судьбе.

Я признался тебе в любви,
С головою в глубокий омут...

Ловец жемчуга

Я жемчуга ловец и ухожу на дно,
Чтобы добыть, увы, жемчужницы пустые.
Вчера мне повезло, полна моя корзина
Жемчужин белых, редких — чёрных,
Но что ж они не радуют меня?
Как гальку и песок ссыпаю торгашу
И равнодушен к прибыли своей.
Но манит глубина, зовёт, скрывая что-то,
Что не подарит мне, возможно, никогда,
Жемчужину мою, одну из миллиона.

Мне имя гордое — поэт.
Не знаю смерти властью лет,
Я направляю путь комет,
Играю сотнями планет.
Я — мир. Я — бог. Я — солнца свет.
И надо мною власти нет,
У власти я беру ответ.
Несокрушим пред морем бед,
Бываю в битве с веком сед,
Я генерал и я корнет.
Я бард, акын, слепой аэд,
Я стар и молод. Я — поэт!

Ни с чем не сравнимый полёт —
Это сердце моё поёт,
Это где-то летела Земля,
Меж Венерой и Марсом паря,
И тюльпанные склоны холмов,
И цветы вместо тысячи слов,
Это время такое — рассвет,
Редких писем горячечный бред,
Это близость услышанных струн,
Когда каждый волнующе юн,
Когда память годами живёт,
Когда помнят, как сердце поёт.

Одиночество

Утонуть в своём городе,
Таким большим,
Родном и чужом,
Где каждый камень более знаком,
Чем люди за ними живущие.
Поднимаю руки к водной глади,
Как голос к вашему вниманию,
Понимая, как это далеко.

Ожидание

На балу беспечной знати
Вдоль колонн, балконных ниш
Взглядом сумрачным скользишь.

Ты стоишь, а все танцуют,
Ты молчишь, а всё поёт,
На паркета лёд зовёт.

В блеске пышных белых платьев,
В вихре ярких синих глаз,
Зал забивших ватных фраз

Ищешь выхода вслепую.
Душит жёсткий воротник,
Грудь в огне и гнев велик.

Душно, душно! Ищешь Нину,
Что хотела в блеске жить,
Но смогла про бал забыть.

С беспокойною душою,
Презирая всё вокруг,
Слышишь сердца громкий стук.

Вдруг заслонит всё картина,
Что беспомощна, больна
В праздник там она одна.

И с догадкою такую
От веселья серпантина
Ты бежишь, но входит Нина...

Осень

О чём зашептались урюки и сливы?
О чём зашумели бескрайние нивы?
О том ли, что росы напомнят о снеге?
О том ли, что время безудержно в беге?
А может быть, просто спешат говорить,
Спешат досказать, долюбить, не забыть?

Всё меньше погожих и ясных деньков,
Уже не наденут девчушки венков,
И в прошлом купанья при яркой луне,
Байги Наурыза на быстром коне,
Объемлют бескрайние степи ветра,
И нету тепла пожилого утра,
Ленивого солнца всё позже восход,
Медлительно ходит жиреющий скот,
Мальчишка-пастух средь желтеющих трав
Понуро идёт, от работы устав.

Тихо падает вода...

Тихо падает вода
На окно и крышу,
Там, где мокнут провода,
Вешают афишу.

Посерела под дождём
Белая бумага,
Вот закрыла свой проём
Дверь универмага.

Растеклись зонты и лужи,
Опустела улица,
Лишь автобус старый служит,
Дребезжит и кружится.

На обочинах вся грязь
Кем-то разнесётся,
Почва, с холодом простясь,
Силою нальётся.

Тихо падает вода
На окно и крышу,
Выйду из дому, тогда
И весну услышу.

Триолеты

Я растворяюсь в мягком свете
Твоих огромных синих глаз.
Забыв про всё на белом свете,
Я растворяюсь в мягком свете,
Души моей прекрасном лете,
Где райский сад, жизнь сотни раз...
Я растворяюсь в мягком свете
Твоих огромных синих глаз.

Зачем меня пленила ты
Своей обманчивой красой?
С своей небесной высоты
Зачем меня пленила ты?
На жарких угольях мечты
Стою, недвижим, я босой.
Зачем меня пленила ты
Своей обманчивой красой?

Боюсь спугнуть прекрасный миг —
Мгновение, мечтание.
Так светел твой чудесный лик —
Боюсь спугнуть прекрасный миг.
Я сердцем суть любви постиг —
Прекрасное страдание.
Боюсь спугнуть прекрасный миг —
Мгновение, мечтание.

Поздней осенью уж голы ветви до весны.
Спит земля, деревья видят неземные сны.

Ирреальное пространство, люди, города.
Всё вокруг тебя кружится, солнце Фарида.

В тьму уйдя, скажу, недаром прожиты года,
Если я тобой привлечен, свет мой Фарида.

Сном была пустая жизнь. Шёл, скажи, куда?
Ангел мой, спаситель мой, дева Фарида.

Неземное ты создание, ты весна весны,
Краше быть тебя не могут никакие сны.

Отражает тебя сердце — ясная вода.
Прикоснувшись, стал прекрасен, фея Фарида.

Расцветишь пустые краски, оживишь сердца.
А любви и красоте не бывать конца.

Ты сама любовь, я знаю, знаю то всегда,
И молюсь, молюсь любви, счастье Фарида.

г. Тараз.

Светлана НАЗАРОВА

Дача

Рассказ

Малина на нашей даче плодоносила до первого снега. Клубника размером почти с куриное яйцо давала первый урожай в начале июня, второй — в конце августа, но ягоды уже были мельче, зато все без исключения сладкие. Весной на участке цвели тюльпаны, ноготки и ромашки, летом — гладиолусы и розы. Осенью дачу раскрашивало разноцветье астр. Их игольчатые лепестки и в самом деле напоминали лучики звёзд.

Из плодов и овощей на зиму я закручивала в банки компоты, желе, соусы, салаты, икру, соки, приправы для супов и вторых блюд. Этот период муж называл “аврал на маленьком консервном заводе”. Кабачки хранились у нас под кроватями до февраля. Тыква была долгожительницей — она сохранялась до нового урожая, но так долго она нам была не нужна: в апреле мы её выбрасывали, потому что моя мама когда-то говорила, что как только заквакали на прудах лягушки, тыкву есть уже нельзя, надо дожидаться новой...

У нас во владении были пресловутые 6 соток, и это оказалось фантастически много! Всё уживалось: косточковые деревья — абрикосы и вишня (вишня — трёх прославленных российских марок), чернослив венгерского и узбекского сортов (кстати, сливовое дерево на нашем участке было всего лишь одно, но на нём плодоносили разные привитые сорта слив: ренклюд, мирабель, чернослив), черешня (трёх сортов и трёх географических местностей), яблони разных сортов (кроме апорта. Апорта, вульгарно выродившегося теперь в алма-атинских предгорьях из-за плохой экологии и — главное — из-за преданной забвению вдохновенной технологии, требовавшей любви и огромного трудолюбия, выработанной в повседневном труде великими садоводами Никитой Моисеевым и Егором Редько. Вот апорта, долгое время бывшего гордостью города Верного, а потом и Алма-Аты, мы, понимая, что вырастить его под силу лишь истинным садоводам во многих поколениях, не замахивались выращивать). Но у нас росли налитые румянцем и налитые мёдом мягкие груши-“бомбы”, и груши “дюшес”, и изящные груши “талгарская красавица”, кустарники (белая и красная смородина, крыжовник, китайский лимонник, роскошная черёмуха). Урожай всегда — с избытком! Почти три года, пока сад только закладывали и выращивали в основном лишь овощи и бахчевые, мы ездили на дачу с пересадками на общественном транспорте, и потом шли до участка пешком. Рыли ямы, садили деревья, поливали из луж, образовавшихся в полукилометровой низменности, огородные культуры. Отдыхали и ели в тени соседского неогороженного домика. Ночевать нам было негде, и мы проводили на участке только дни субботы и воскресенья, вечером возвращаясь в город. Иногда ночевали у тех соседей, кто уже возвёл крышу над своим дачным домом. Урожай овощей мы собирали уже через год. Через год у нас уже всюду плодоносили клубника и малина. Мы купили чудо автотехники “Запорожец”. Привозя на “ушастом” “Запорожце” дары земли в город, мы не утруждали себя поездками на базар. Стоило мне позвонить в соседние ателье индпошива, магазины, а также соседям, не имеющим дач, — как излишки урожая раскупались. Мы продавали его дешевле, чем на базарах города. Зато не стояли на рынке (что било бы по самолюбию), не гнобили

хорошую, экологически чистую качественную продукцию ради цены. Люди были довольны. Оклады жалования на работе были небольшие, а на вырученные за урожай деньги мы могли себе позволить покупать качественные мясные и молочные продукты на рынке. Позже мы приобрели “Москвич-ИЖ-комби”, и мои дети перестали таскать на себе в несколько приёмов-поездов неподъёмный урожай. Дача щедро одаривала нас вольным воздухом степи, загружала физической работой, навевала неожиданные прозрения и философские размышления, радовала реальным результатом от вложенных трудов. Многообразие и разносторонность её терапии не поддавалась учёту...

Балуя друзей, сначала мы сами собирали для них урожай клубники, вишни, малины и раздаривали им в пластмассовых вёдрах. Потом стали больше уважать свой труд, и уже приглашали их самих собирать урожай. Друзья искренне восхищались порядком на участке, с удовольствием купались в душевой кабине из оцинкованной жести, где осы свили себе грандиозное, похожее на загадочную геометрическую фигуру из серой бумаги гнездо. Мы рассказали друзьям технологию купания: главное — не обижать этих летучих матросиков в полосатых майках. “Не замай — и не замаймым будешы!” — усмехнувшись, кратко сформулировал мой муж технику безопасности в нагретой за день душевой кабинке. Ни одна оса ни разу за 15 лет не цапнула ни нас, хозяев дачи, ни наших гостей. Правда, единожды пострадал наш умненький, но тогда ещё совсем младенец пёс: он, заскучав из-за отсутствия хозяйки, принявшей душ, носом приоткрыл дверь в кабинку и был снайперски клюнут осой в нос. Мой бедный щенок закричал и заплакал, не дал мне донасладиться. Я выбежала, обмотавшись полотенцем, прикладывала к его чёрному кирзовому носу глину, целовала, утешала, налила ему молочка в миску, дала конфетку, приложила снег в чайной ложечке из холодильника...

Кто в советские времена в Алма-Ате имел дачу? Номенклатурные работники партийных и советских органов, “блатные” — председатели и члены высоких экзаменационных комиссий в вузах, умелые автослесари, чьими постоянными клиентами как раз и были чиновники-владельцы “Волг” и “Жигулей”, а также директора ресторанов, официанты, судьи, прокуроры, адвокатура, продавцы и завмаги. Человек, трудящийся где-то в своей конторе, проектном институте, на заводе или фабрике, должен был годами стоять в очереди на выделение дачного участка или искать “связи”. Что давала такая дача простому человеку? Возможность выращивать фрукты и овощи, в первую очередь — снабжать ими свою семью, а ещё иметь небольшой довесок к пенсии или заработку, продавая излишки урожая. Но главное всё-таки, что она давала, — это наслаждение от общения с землёй, которое у многих оседлых народов в крови. Эту землю непросто обихаживать, ублажать, лечить, лелеять, подкармливать, пестовать, разговаривать с нею, матушкой... А какое наслаждение ходить по ней босиком! Вдыхать её аромат после щедрого дождевого или искусственного полива, наблюдать крошечные слабенькие всходы из малюсенького семечка, посеянного тобой с любовью и надеждой!.. Полоть всходы от сорняков, подвязывать юные растения, выхаживая их, как деток, нуждающихся в твоей помощи, исполнять дикий импровизированный гимн всякому проявлению жизни из тоненького прутика вишни, яблоньки, персика, посаженных тобой!.. Ликовать при виде тугого шарика завязи на неуверенных

ещё кусточках помидоров, считать появившиеся листики на огуречной рассаде, удивляться живучести растений-экзотов на полупустынной глинистой растрескавшейся земле, — ведь ты посадил их из чистого авантюризма, вдохновлённого поклонением перед красотой этих зелёных иноземцев, чья родина — за океанами, за далёкими странами!..

Чтобы это всё прижилось и состоялось, мы с мужем переносили на растрескавшуюся глинистую землю несколько “дайманов” навоза! Кто не знает, что такое “дайман”, — справка: это грузовой автомобиль “ЗИЛ-130” с полуприцепом вместимостью в несколько тонн. И этот навоз нужно было перенести на участок, перекопать, смешать с землёй под зиму. И тогда земля берёт для себя всё необходимое, наестся, а благодарная — отдаст “спасибо” в виде урожая.

Когда мой свёкор Борис Ефимович сообщил нам с мужем накануне 8-го Марта, что ему выделили земельный участок на будущем дачном массиве за станцией Чемолган (не путать с родиной Президента!) в 45-ти км от Алма-Аты от кассы взаимопомощи пенсионеров, в которой он состоял, и что он дарит нам его, я была счастлива. Дача была неизведанным для меня полем деятельности в прямом и переносном смысле.

А потом начались бесконечные выплаты: за доставку к массиву (общественный транспорт туда не ходил) и разметку участков, за покупку насоса и рытьё скважины, за проведение электричества, установку опорных столбов и т. д. и т. п. И обязательно, конечно, за полив, с которым, как позже оказалось, были вечные проблемы и несоблюдение графика подачи воды по разным причинам. Но радость от предвкушения неизведанной деятельности и от возможности выезжать из пропитанного гарью города не рассуждала.

Сначала мы ездили на участок автобусом до станции Чемолган и оттуда 5 км шли пешком до своего владения. Потом нам подсказали, что можно на поезде от железнодорожного вокзала Алма-Ата-1 доехать до пункта, откуда топтать всего лишь 3 км до участка. Это было здорово! У меня тогда была инвалидность, через весь столичный город я ехала в мягких домашних тапочках, с костыльком... Передвигаться было сложно. Я перепахивала весь дачный участок на коленях, привязав к ним вырезки из старых ватных одеял. Интересная вещь: когда врачи говорят тебе, что нужно делать, например, 30 приседаний в день, тянуть позвоночник с помощью разных упражнений — ты этого не можешь, тебе больно, и боль заставляет тебя сопротивляться разумным назначениям. А на даче ты не фиксируешь своего внимания на том, сколько раз ты присел (превозмогая боль), сколько раз нагнулся (превозмогая боль), сколько раз потянулся, чтобы срезать ненужную ветку на дереве (превозмогая боль). Результат — без лекарств и инъекций через месяц преодоления боли ты намного активнее, жизнелюбие входит в тебя не горстями — ушатами, тебя переполняет любовь к Творцу...

Мой муж — совершенный человек. В отличие от меня. Он всех любит (а я — не всех), он всех оправдывает (а я — нет). Он способен простить любую подлость и гадость, совершённые по отношению к нему по глупости, тщеславию, зависти и просто так — по велению души совершающего. Я этого не могу и не хочу мочь вопреки своему православному христианству.

Мой муж, занимая достаточно высокую должность на своём производстве в советское и нынешнее время, был и есть образец скромности, великодушия, толерантности. Он никогда и ничего не взял не заработанного им. Никогда не воспользовался своим служебным положением. Никого не подсел. Не рвался к власти. Не требовал. Только отдавал свои знания и опыт. Семья мало видела его, потому что он предан производству. Конечно, мы у него любимые. Но работа отнимала большую часть времени. Дважды мой муж воспользовался своим "положением": он установил металлические оградки и металлические пирамидки-памятники на могиле усопших родителей и приобрёл вот этот самый дачный домик на наш участок, купив его по бросовой цене с Капчагайской зоны отдыха в годы пресловутой горбачёвской перестройки (о распродаже таких домиков, как оказалось, знали немногие). Причём купил втайне от меня.

Среди зимы вдруг мой муж сказал мне: "Поедем на дачу". — "Ты сумасшедший? — спросила я. — Там никого нет. У нас нет крыши. У нас нет где выпить чашку чая. Я больна. Мне трудно ходить, а где я там хотя бы посижу?" — "Не бойсь, лягуха, не утонем, — сказал мой муж свою любимую приговорочку. — Я тебя люблю".

И мы поехали.

Был солнечный и морозный день. Мы взяли с собой нашу юную собаку Гоби. Пять (5!) километров мы топали по дороге, на которую светило солнце, образуя вязкую кашу из снега и придорожной грязи. Щенок время от времени забегал наперерез и просился на руки. Я, садясь в раздолбанную машинами снежную мешанину на обочине, стонала, как в фильмах о партизанах: "Пристрели меня, я не хочу больше мучиться". Муж был жесток и не пристрелил.

Мы подходили уже к нашему участку. И вот вижу — вместо пустыря на нём — жёлтый светлый домик. "Ты что? — закричала я. — Ты рехнулась? Или мне это снится? Убери сейчас же этот мираж, эту фантазматорию, это чудо...". Муж счастливо улыбался в усы. Я обняла то, что могла захватить от этого деревянного сооружения, нереального, как алые паруса капитана Грэя... На этих шести сотках, что спасли тогда меня от полной неподвижности.

Домик — светлый, маленький, деревянный — впрочем, и не домик вовсе, а вагончик, купленный с зоны отдыха в Капчагае, устраивал нас полностью. Вид у него был весёлый, задиристый, он не был похож ни на каменные дома, возведённые путёвыми хозяевами на нашем дачном массиве, ни на деревянные, построенные из шпал или брёвен. Светлая дранка, облицовывавшая его снаружи, была покрыта каким-то лаком, не боящимся влаги и жары. Внутри он был обит пластиком, и его не нужно было белить: стоило по весне помыть стены и потолок — и домик сиял чистотой и новизной. Вмещалось в него всё то, что было необходимо: две кровати, маленькая старая крашеная тумбочка, небольшой складной обеденный столик, закрытая голубой пластиковой панелькой подставка для кастрюль-сковородок, на которой стояла переносная газовая плитка с прилегающим к ней маленьким баллоном с газом, две табуретки, старый сервант для посуды и постельного белья, перевезённый нами за ненужностью из городской квартиры, компактный двухстворчатый платяной

шкаф, две фляги для питьевой воды. Пол в домике был застелен линолеумом, на полу лежал маленький красивый шерстяной коврик. Он был не только для уюта: линолеум, если вымоешь пол, становился очень скользким, и коврик предохранял от падения. Жёлтые шторы в коричневый горох и старенький немецкий ажурный тюль, которому не было износа, завершали наш простой уют. Командором среди этого непритязательного убранства был холодильник “Саратов” 1961 года выпуска, который стойко переносил все сезонные перепады температуры и работал безотказно, как Стаханов. Нам всего хватало. Всё было по душе. Мы не завидовали владельцам замков в Европе и Казахстане. Мы были счастливы.

... Домик сгорел дотла со всем скарбом. Но остался чудесный сад. В нём раскинули круглые пышные кроны деревья, в том числе Владимирская вишня, целых пять роскошных деревьев. В их кроне жили совы — две крупные рыжие особи, очень любопытные и шумные по ночам. Под домиком, который стоял на двух бетонных подставках, обитала дружная семейка ежей, которая очень возбуждала по ночам нашего щенка Губи, лаявшего на них и пытавшегося наказать за беспокойство, но они, к счастью, были защищены колючками.

В саду росли дивные яблони, аромат цветков которых весной и плодов осенью навевал романтические настроения.

Когда домик горел, старики, жившие в то время на даче, пытались пожар затушить. Они провели свои шланги от ёмкостей с припасённой водой и поливали пожар. Напора не хватало. Тогда они стали забрасывать пламя землёй. Не помогло. Потом один из них сказал: “Там же газовый баллон! Он рванёт!”. И они, слава Богу, убежали. А баллон, к счастью, был пуст.

А причину пожара мой муж взвалил на меня. Случались у стариков, живших на нашем массиве, сердечные приступы. Было две смерти. Посёлок, где могли бы оказать хоть какую-то медицинскую помощь, располагался в 5-ти километрах от дачного массива. Совпадало, что когда нужна была необходимая медицинская помощь, соседи стариков, владельцы авто, были уже изрядно подшофе. Везти некому. Сотовых телефонов тогда не было. И я стала привозить с собой одноразовые шприцы и сердечные препараты для инъекций — это кроме таблеток, которые всегда были у нас под рукой. Домик наш взламывали и до пожара 3 раза. Правда, ничего существенного не крали. Даже читали, судя по всему, старые газеты, которые мы привозили с собой для растопки мангала и печки-“буржуйки”. Только забирали шприцы и потрошили все мои порошки — нюхали или пробовали на вкус — не знаю. В тот приезд перед пожаром мы обнаружили взломанную дверь, раскиданные по домику вещи, исчезновение колоды карт, разбитые ампулы анальгина, но-шпы и камфоры... Шприцы опять утащили. Дно нашего ковшика для воды было покрыто какой-то коричневой несмываемой гадостью. Я никогда не оставляла на даче немытую посуду и, естественно, помнила, что и в какой посуде готовила. Поэтому обратила внимание на ковшик. “Это “ханка”. Они варили себе дурман”, — сказал нам бывалый Шпырёв, один из дачников, пришедший попросить у нас сахар. Поэтому мы думаем, что нашу дачу сожгли наркоманы, освоившие к нам путь и неоднократно взламывавшие нашу дверь.

“Вот твои шприцы и сыграли роль, — сказал мне муж. — Они подумали, что тут живёт медработник, и стали наведываться к нам регулярно”. Так это или не так — не имеет сейчас уже значения.

По наивности мы вызвали милицию. Это оказалось сложно — милиция располагалась в Илийском районе. Прибывший через несколько дней милиционер сказал честно: “Кто вам будет искать поджигателей? Никто. А сами кого подозреваете?”. Мы, упаси Бог, никого не подозревали. Но нас несколько разочаровало, что искать преступников никто не будет. “Почему, Нурик?” — спросила я. (“Нурик” — это он нам так представился). — “Потому что капитализм”, — сказал Нурик. — “А если бы был социализм?” — приставала я. Нурик задумчиво смотрел мимо меня. Обдумывал ответ. Потом заговорил на казахском с водителем милицейского “Москвича”, на котором приехал. Вдохнув, Нурик спросил: “У вас попить нету?”. Муж налил ему из термоса домашний компот, ещё не успевший согреться на жуткой жаре. Попив, Нурик уехал.

Дачи на нашем массиве поджигали и раньше. Это всегда была большая беда для их владельцев: приезжает человек в пятницу на выходные из города — а дачи нет! И инфаркты случались у людей: потрачено столько сил, любви, средств на окультуривание этой растрескавшейся глинистой земли, и вот итог.. Не было ни одного случая, когда поджигатели или воры, опустошившие и домики, и сады, были найдены.

С середины 90-х годов русские из Алма-Аты начали массово уезжать в Россию. Многие просто бросали свои дачи или продавали их по смешной цене.

О том, что наша дачка сгорела, я узнала на поэтическом вечере в Доме учёных в мае, который сама и вела. Эти вечера мы с моим другом Володей Гайченей ведём уже несколько лет в Алма-Ате на альтруистских началах: Володя договаривается насчёт аренды зала, потом я обзваниваю героев вечера, вместе оповещаем своих зрителей-слушателей. Пишу сценарий вечера... Вечер прошёл при полном зале. Среди зрителей оказалась моя соседка по даче Марья Ивановна, которая после вечера и сообщила мне горькую весть. Осмыслить её тогда я не могла: тут благодарные зрители подходят, гостей-участников надо проводить, а тут Марья Ивановна...

Мы продали нашу казнённую дачу. С её роскошным, выращенным нами садом на участке без домика. Купили её оралманы. Мы рассказывали им о достоинствах того или иного сорта ягод, плодов, кустарников.

Через два года я поехала на дачный массив, чтобы поздравить с днём рождения свою знакомую и подружку по даче, кандидата философских наук Майну. В перерыве между шашлыками и купанием в её дачном бассейне (она живёт там безвылазно, иначе всё тащат и воруют с участка) я пошла посмотреть на свою бывшую дачу. Мой зелёный, прежде утопавший в деревьях и кустарниках участок был вытоптан донельзя. Глинистая земля была такой, какой я получила её в начале пользования. Саманный домик стоял на участке, пять баранов уныло бродили, толкаясь,

на нём. Несколько грязных, плохо одетых детишек о чём-то спорили. В границах обзора на других участках было то же самое — голая земля. Зелёные островки уцелевших садов выделялись редкими пятнами.

Удручённая, я пришла снова к Маине. “Так они же все деревья на растопку пустили, — сказала Маина. — Раньше, помнишь, тут было 250 русских семей и 30 уйгурских и корейских, и всё цвело и родило. А теперь только оралманы из Каракалпакии, Монголии. Скупили участки за бесценок. И вместе с хорошими домами, и вместе с выращенными садами. А брошенные участки с садами просто так заняли — и всё. Сады повырубали, пустили на растопку. Ни овощей, ни фруктов не выращивают. Они сады не любят. Огородов не признают. Не хотят платить за воду и электричество: говорят, “президент нам обещал всё бесплатно на нашей исторической родине”... Вот хочу отлучиться в город, чтоб цивилизной жизни вдохнуть, — так нельзя ведь! Тащат всё: лопаты, вёдра, мотыги. Не говоря уж о домашнем скарбе. Вот, звоню сыну — он приезжает и сторожит вместе с нашей овчаркой. Да и то опасно. Что делать — не знаю: продавать за бесценок — трудов жалко. Остаться — и того хуже...”.

Я не захотела дожидаться родственников Маины, которые на своей машине должны были отвезти меня в Алма-Ату. Вышла на трассу (3 км до неё), остановила попутный грузовик, чтоб довёз до станции Алма-Ата-1, откуда ходят автобусы во все районы города.

Села в кабину. Вспоминала, как моя внучка-малышка носила со мной после зимы опавшие сухие сучья в костёр. Как мы из-за отсутствия электричества и газа жарили с ней нанизанные на яблоневые прутьики беккеровские сардельки на костре. Как сидели с ней на крыльце, а в кроне вишен пели соловьи, и звёзды падали на крыльцо, и искры от костра растворялись в тёмной синеве обнимающего нас неба... Я вспомнила свою грациозную, хрупкую кошку Мусю, которая ходила за мной по даче след в след и располагалась именно там, где я находила себе работу, улёгшись рядом в тенёчке и, щуря свои зелёные колдовские глаза, выказывала знаки удовольствия пушистым хвостом, время от времени перекладывая его справа налево, и маленького, младше моей Муси, красавца Гоби — щенка чепрачной же, как и Муся (когда она спала у него между передними лапами, невозможно было разобрать, где кончается Гоби и начинается Муся) окраски, который перетаскивал свою лакомую косточку именно туда, где в это время на дачном участке была занята я... У нас был хороший ковчег. Мы не брали в него “всякой твари по паре”. Были только любимые.

Шофёр, поглядывавший на меня время от времени, глухо произнёс: “Ну ты чего, мать? Ты извини, что я тебе говорю “мать” — ты на вид молодая (тут я взбодрилась: мне было приятно искреннее заблуждение шофёра)... Ну было иное время. Сейчас время оралманов... Землю, конечно, жалко — она ж родить должна, сочная, девственная... Ей только любовь да забота нужна, как хорошей женщине... Ну не повезло. Так чего плачешь? Это они плакать начнут, когда спохватятся...”.

Он довёз меня до железнодорожного вокзала. Там мне надо было пересаживаться...

г. Алматы.

Наталья ГЕЛЛЕРТ,
депутат Мажилиса Парламента РК

О чём напомнили фотографии

Так уж сложилась моя судьба, что мне посчастливилось встречаться, общаться и даже совместно работать со многими выдающимися людьми нашего времени, начиная с семидесятых годов прошлого столетия. Об этом свидетельствуют сотни фотографий, бережно сохраняемых в моём домашнем архиве. И я горжусь тем, что на некоторых снимках я запечатлена фотообъективом рядом с Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. Самая старая по времени люби-

тельская, чёрно-белая не профессиональная фотография, сделанная в Кремле во второй половине восьмидесятых годов. Мы, депутаты Верховного Совета СССР, изображены вдвоём: председатель Совета Министров Казахской ССР Н. Назарбаев и я — механизатор совхоза имени Амангельды Кургальджинского района Целиноградской области. Этот простой и неказистый по исполнению снимок очень дорог мне — ведь я стою рядом с человеком, ещё не зная, что именно он будущий Первый Президент Республики Казахстан, Президент моей Родины. И, конечно же, я и предположить тогда не могла, что через много лет я буду с Нурсултаном Абишевичем в одной команде.

Но сначала считаю необходимым вкратце перелистать страницы моей биографии. Родилась я 20 марта 1953 года в городе Казалинске Кызылординской области в многодетной семье Владимира Ивановича и Марты Львовны Геллерт. Через несколько лет родители переехали на целину — в совхоз имени Амангельды Кургальджинского района, с которым и связана значительная часть моей трудовой жизни. После восьмилетки я окончила курсы механизаторов и с апреля 1969 года 21 год работала трактористкой, преимущественно на могучих “Кировцах” — К-700 и К-701. В ту пору механизаторских кадров на селе не хватало, и поэтому приобщение женщин к нелёгкой, но почётной хлеборобской профессии всячески поощрялось. В начале семидесятых годов получило широкое распространение по инициативе комсомола движение “Девушки — на трактор!”. И таких было немало. Наибольшую известность в области получили трудолюбивые и старательные мои подруги Тамара Акулич и Таттыбала Бейсембекова. Нас называли наследницами знаменитой Паши Ангелиной, в масштабах страны даже был учреждён для женщин-механизаторов специальный приз её имени, которого я была удостоена. Да и в степном Приишимье было с кого брать пример, чьи традиции продолжать. В нашем районе, кстати, жила первая в области казашка-трактористка Дикен Шинкеева, которая с 1935 по 1966 год работала

на тракторе, комбайне и автомашине, получила звание заслуженного механизатора Казахской ССР, избиралась депутатом Верховного Совета республики. В Алексеевском районе с 1943 года работала механизатором Каролина Карловна Егель, получившая в 1966 году звание Героя Социалистического Труда. А Кустанайская область по праву гордилась трактористкой Камшат Доненбаевой, тоже ставшей Героем Социалистического Труда, неоднократно избиравшейся депутатом Верховного Совета СССР. Кстати, с ней мне довелось часто общаться и даже сдружиться, несмотря на разницу в возрасте.

Конечно, даже на современных для той поры мощных “Кировцах” работать было не так-то просто, приходилось напрягать все силы, проявлять волю и терпение, зато результаты напряжённого труда на хлебном поле радовали нас и получали соответствующую оценку. Уже в 1971 году я получила свою первую награду — медаль “За трудовую доблесть”, в 1975 году была удостоена ордена Трудового Красного Знамени, ещё через два года — ордена Ленина, а в 1981 году получила орден Дружбы народов. Неоднократно избиралась делегатом комсомольских и партийных съездов, с 1986 по 1989 год была членом ЦК КПСС. В общем, вся моя хлеборобская деятельность была на виду у всего народа.

Не знаю, как это у меня получилось, но вопреки невероятной занятости я сумела заочно окончить Целиноградский совхоз-техникум и получила специальность агронома, а затем в 1990 году Целиноградский сельскохозяйственный институт, став инженером-механиком.

В 1979 году меня избрали депутатом Верховного Совета СССР (десятого созыва), а потом мне вручили депутатский мандат и на второй срок — по 1989 год.

На сессиях Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва мы, депутаты от Казахстана, часто встречались с Н. А. Назарбаевым, который в

1984 году возглавил Совет Министров нашей республики и потом тоже был избран депутатом высшего законодательного органа страны. Тогда-то — не помню, в каком году, но, кажется, в 1987-м, нас впервые и сфотографировали вдвоём.

А вот фотография, сделанная в одном из залов Кремля, на сессии, проходившей 24-26 мая 1988 года. Здесь нас шестеро депутатов-казахстанцев, и опять же я стою рядом с Нурсултаном Абишевичем. В тот период он уже приобрёл большой политический вес и значительный авторитет во всём Советском Союзе, и популярность его в народе день ото

дня возрастала. Естественно, мы тогда и не ведали, что уже через два года сначала Верховный Совет республики изберёт Н. А. Назарбаева Первым Президентом, а в декабре 1991 года в ходе всенародных выборов он станет первым в истории независимого Казахстана главой государства. Волевой, сосредоточенный, деятельный, в то же время при общении с нами, депутатами, он был внимательным, тактичным, доброжелательным, держался просто и непринуждённо, с удовольствием шутил...

Следующие несколько фотографий мысленно переносят меня... в Бонн. Как же я там оказалась и где мы встретились с Нурсултаном Абишевичем?

Дело в том, что двадцать лет назад в моей судьбе произошли кардинальные перемены. С июля 1990 по август 1991 года я работала в родном совхозе уже не на тракторе, а инженером по охране труда и технике безопасности. Потом каким-то чудом (сама до сих пор удивляюсь) поступила слушателем в Дипломатическую академию МИД Российской Федерации, которую окончила в феврале 1994 года, став по выданному мне диплому специалистом в области гуманитарных проблем в международных отношениях. После чего из Москвы прибыла в Алматы, несколько месяцев работала в аппарате Министерства иностранных дел РК, а затем была направлена в г. Бонн вторым секретарём посольства Республики Казахстан в ФРГ.

24-26 ноября 1997 года состоялся официальный визит Президента РК Н. А. Назарбаева в Германию. В ходе этого визита лидер нашей страны встретился с Федеральным президентом Германии Р. Херцогом, Федеральным канцлером Г. Колем, президентом Бундестага Р. Зюссмут, министром иностранных дел К. Кинкелем, министром экономики Г. Рексродтом, министром финансов Т. Вайгелем и другими высокопоставленными лицами. В результате состоявшихся переговоров стороны подписали ряд важных документов: Соглашение об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество; Соглашение о техническом сотрудничестве; Соглашение о финансовом сотрудничестве, а также О направлении германских преподавателей в школы Казахстана, О международных автомобильных перевозках пассажиров и грузов; Совместное заявление о сотрудничестве в области экологии.

По окончании визита Президента в нашем посольстве был устроен большой приём, в котором участвовали все сотрудники дипломатического представительства. По этому торжественному случаю мы, женщины, были

облачены в красочные национальные казахские наряды. С небывалым волнением ожидали прибытия Нурсултана Абишевича. Когда мы всем персоналом встретили его, он к всеобщему удивлению подошёл ко мне, протянул руку и, не скрывая изумления, спросил по-казахски (помя, что я хорошо владею

языком, к тому же мой муж по национальности казах): “Сен осында айдан жүрсін?” — “А ты что здесь делаешь?”. Я смущённо ответила, что работаю вторым секретарём посольства после окончания Дипакадемии в Москве. Тут же все наши женщины стали упрашивать меня, чтобы я обратилась к Нурсултану Абишевичу с просьбой сфотографироваться с нами. Я осмелилась сказать ему о желании женской половины посольства. Президент огляделся и ответил, что здесь темновато и фотографии могут не получиться. Действительно, освещение в зале не было ярким, что и видно на снимках. Я разочарованно произнесла: “Вы думаете, не получится?..” — и в этот момент он согласился. Тут все наши женщины мгновенно оказались около Президента, а я осталась в стороне. Увидев это, Нурсултан

Абишевич снова спросил по-казахски: “«зі! айда алды!»?” — “А сама-то ты где?”. И пригласил меня встать рядом с ним. Мы коротко с ним поговорили. А потом я сказала: “Нурсултан Абишевич, а ведь это наша вторая совместная фотография”. Он поинтересовался: а когда же была сделана первая? Я ответила: “В Кремле, в Верховном Совете СССР, тогда Вы были председателем Совета Министров Казахстана”. Президент проникновенно произнёс: “Спасибо, Наташа, что помнишь”. А я про себя подумала: “Как же мне не помнить, — ведь Вы у нас один”...

С той памятной для меня встречи прошло ещё десять лет. С августа 1998 года я снова работала в центральном аппарате МИД РК, с июля 2001 года в течение почти четырёх лет занимала должность первого секретаря посольства РК в Республике Беларусь, потом опять в аппарате МИД в Астане, а в августе 2007 года была избрана депутатом Мажилиса Парламента Республики Казахстан по партийному списку НДП “Нур Отан”. Полагаю, что в очередном повороте моей судьбы не обошлось без участия Нурсултана Абишевича, отличающегося великолепной памятью и бережным отношением к людям, которых он хорошо знает.

И вот очередная незабываемая встреча. Как раз должны были огласить результаты парламентских выборов. Все выстроились на площади в ожидании Президента. Он появился перед собравшимися, направляясь по ковровой дорожке к сцене, на миг повернулся к нам — а я стояла с подругами во втором ряду — подал мне руку и, приветливо улыбаясь, сказал: “Давно я тебя не видел”. От неожиданности я потеряла дар речи, ведь действительно, с последней нашей встречи пролетело уже десять лет.

Ещё одна бесценная фотография, относительно недавняя по времени. В конце 2008 года Президент принимал группу депутатов мажилиса, в их числе была и я. Разговор шёл о деятельности парламента, Комитета по международным делам, обороне и безопасности, в составе которого я работаю, о положении в аграрном секторе экономики, о других вопросах государственной важности. А когда беседа закончилась, по установившейся традиции предстояло сфотографироваться на память с Президентом. Нурсултан Абишевич подозвал меня к себе, взял мою ладонь и с восхищением и удивлением спросил: “И этими руками, этими хрупкими и тонкими пальчиками ты управляла огромными тракторами?!”. И столько было теплоты и сердечности в этих простых участливых словах! Невозможно описать, какие чувства испытывала я тогда.

Вот такие встречи, навсегда врезавшиеся в мою память, даровала мне судьба, встречи с человеком редкостного благородства, исключительного обаяния, высочайшей мудрости и прозорливости — Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым, Первым Президентом суверенного Казахстана, признанным лидером нации, воплотившем в себе лучшие качества своего народа. И мы, казахстанцы, гордимся тем, что наш глава государства по праву считается выдающимся политическим деятелем современности.

г. Астана.

Надежда БЕССОНОВА

Военные истории моей семьи

Её любовь хранила, берегла...

Моей маме

Ей очень хотелось летать, подобно прославленным лётчицам Валентине Гризодубовой, Полине Осипенко, Марине Расковой подняться в небо. А ещё стать диктором на радио. Но ни в лётное, ни в театральное училище её не приняли. Расстроенная, Ольга долго бродила по московским улицам, пока на Петровке не наткнулась на табличку “Московский электротехнический институт связи”.

“А почему бы и нет?” — подумала она, направляясь в приёмную комиссию и тихонько напевая свою любимую “А ну-ка, девушки, а ну, красавицы”. Экзамены в институт она сдала на “отлично”. Олиному поступлению радовалась вся семья, особенно мама, школьная учительница физики.

Жизнерадостная, красивая, энергичная, Ольга сразу стала любимцей курса. Она режиссировала студенческие спектакли, участвовала в художественной самодеятельности...

22 июня 1941 года всё рухнуло: фашистская Германия напала на нашу страну. Мирной жизни больше не существовало, пошёл отсчёт нового, военного времени. Началась Великая Отечественная война. В октябре её ураган донёсся до Москвы.

В городе с каждым днём нарастали тревога и напряжение, стремительно расплзались слухи о готовящейся сдаче столицы. Многие москвичи поспешно покидали город, но Ольга уезжать из Москвы не собиралась. Ей предложили вести занятия в техникуме при институте, однако судьба распорядилась иначе.

Надежда Павловна БЕССОНОВА

— московский журналист, литератор. С отличием окончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова и докторантуру Белградского института журналистики (Югославия). В профессии почти полвека. Работала корреспондентом Центрального телевидения, Всесоюзного радио и Иновещания, АПН, ряда центральных газет и журналов. В настоящее время продолжает публиковаться в центральной российской прессе.

Автор книги по искусству “Москва: встречи с прекрасным”, которая в 1980-е годы разошлась по всему миру. Большую часть тиража закупил Моссовет для подарков гостям столицы.

В 1999 г. во время НАТОвской агрессии против Югославии вела репортажи из Подгорицы (Черногория) для радиостанции “Маяк”.

В 2005 г. — победитель литературного конкурса правительства Москвы и Союза журналистов РФ, посвящённого 60-летию Победы в Великой Отечественной войне.

С 1985 г. член московского Комитета профессиональных литераторов Литфонда России.

Утром 16 октября, услышав по радио, что немецкие танки находятся уже в нескольких километрах от Москвы, она, взволнованная, ехала на занятия. На улицах — неразбериха, хаос, паника. Трамвайные пути то и дело перекрывали толпы беженцев. Удушливая гарь дымящихся со всех сторон уличных костров врывалась в вагонные окна. Кругом вереницы нагруженного транспорта.

Все занятия были отменены. Во дворе пылал костёр — жгли архивы. Возле него толпились студенты, пытаясь спасти свои документы. Ольге повезло, ей сразу попалась на глаза папка с её фамилией. Схватив её, она побежала разыскивать своих друзей-однокурсников.

В пустом актовом зале она увидела одиноко сидящего на крышке рояля молодого лейтенанта, небольшого роста, в синем комбинезоне с двумя топориками в петлицах на воротнике и с огромной кобурой на боку. Рассмеялась.

— Уж больно смешон он был в тот момент, — вспоминает Ольга Иннокентьевна. — Сдержаться я не смогла. Он улыбнулся мне в ответ. Так мы и познакомились. Друг другу понравились сразу.

Павел, оказавшийся проездом в Москве, заехал попрощаться со своим другом и ждал его в зале. Тот вырос перед ними в компании студентов. Оказалось, что именно их-то и разыскивала Ольга. Вместо прощания Павел предложил всем, не теряя ни минуты, уезжать из Москвы вместе с ним. Прямо сейчас. Его военный грузовик стоял во дворе.

Уже в машине, медленно ползущей в колонне по шоссе Энтузиастов, единственной оставшейся свободной дороге на Восток, Ольга ругала себя за легкомыслие. Но расставаться с этим незнакомцем, неожиданно ворвавшимся в её жизнь, она не хотела. В его словах “всё будет хорошо” были и искренность, и надёжность, и защищённость. Не поверить им и сияющим его глазам, добрым, благожелательным, Ольга не смогла. Согласившись на это безумное путешествие — в полную неизвестность — она ловила себя на мысли, что с Павлом поедет куда угодно, лишь бы быть рядом с ним.

Путь был длинным и долгим в сплошном потоке машин с беженцами, ранеными, с каким-то оборудованием, накрытом брезентом. В Казани студенты решили попытать счастья в местном университете. Прощаясь с Ольгой, понимая, что это навсегда, Павел неожиданно выпалил: “Выходи за меня замуж!”.

В Златоуст — пункт его назначения — они приехали мужем и женой. Их поселили в маленькой восьмиметровой комнатухе офицерского общежития, где стояли стол с табуреткой да железная кровать. Выдали казённое армейское имущество: постельные принадлежности, алюминиевые чайник, две кружки, две ложки и две миски. Так началась их семейная жизнь, казавшаяся им в то время настоящим раем. Ольга нашла себе работу на телефонной станции. Их не покидала уверенность, что всё у них впереди.

В 42-м Павла вновь отправили на фронт. Провожая мужа, Ольга положила в левый карман его гимнастёрки свой оберег — затёртый серебряный рубль, подаренный ей на счастье бабушкой. Никогда Ольга с ним не расставалась, считала, что он приносит удачу.

Сберёг талисман и её любимого Павлушу. Спас. Заслонил от вражеской пули, летящей прямо ему в сердце. Но об этом она узнает только после

войны и, спустя годы, будет показывать эту небольшую монету с вмятиной посередине — бесценную семейную реликвию — своим детям, а затем внукам и правнукам. Рассказывать, как в крошечном аду она спасла жизнь их отцу, деду и прадеду.

Март 43-го в Златоусте выдался холодным. Ртутный столбик зашкаливало за -40. На солдатском одеяле Ольгу несли в больницу. Роды начались преждевременно. Ни машин, ни даже носилок, ни места в переполненных ранеными городских больницах не оказалось. Ей ещё здорово повезло. Единственная врач загородной больницы, куда Ольгу принесли, пожилая женщина, эвакуированная из Харькова, была опытной акушером. Роды были очень тяжёлыми, кроме йода и бинтов в больнице никаких медикаментов не было.

— Это чудо просто какое-то, — глаза Ольги Иннокентьевны озаряются радостными огоньками, — врач сумела в тех тяжелейших условиях сделать всё, чтобы сохранить нам троим жизнь. К сожалению, я даже имени её не знаю. Моя благодарность ей безмерна. Я теряла очень много крови. Положение детей было неправильным. Если бы не она...

“Двойню будем рожать, голубушка”, — ласково и как можно спокойнее сказала врач. Ольгу охватили страх и паника. Ей одного-то ребёнка завернуть и положить было не во что. А двоих?

Суровое солдатское одеяло разрежут пополам, армейские простыни и наволочки разорвут на пелёнки. В этом она, голодная, обессиленная, едва держащаяся на ногах, вынесет своих крошечек на лютый уральский мороз.

— Дети меня спасли, — говорит Ольга Иннокентьевна. — О себе думать было некогда. Мне думать надо было о них. Где положить, во что завернуть, чем кормить? Молока у меня не было, разжёвывала кусочки хлеба, заворачивала в тряпочку и давала детям сосать.

Кто-то посоветовал ей кормить детей пережаренной мукой, немного молока выделили на кухне детского питания, эвакуационный центр помог с пелёнками и распашонками, даже корытце и марганцовка для купания детей нашлись.

— Люди были тогда намного добрее, отзывчивее, — рассказывает Ольга Иннокентьевна. — Отдавали последнее, стараясь помочь друг другу всем, чем могли.

Но надеялась она всегда только на себя. Своих детей никому не доверяла, боялась выпустить из рук.

Осенью 43-го Ольга неожиданно получила ответ на свой давний, уже забытый в заботах о детях, запрос в Москву. Её вызывали для продолжения учёбы в институте.

Проходящие переполненные поезда в Златоусте брали штурмом. Ей помогли и в вагон протиснуться с двумя малютками на руках, и место уступили. Но до Москвы они не доехали. В Куйбышеве их вагон отцепили.

Зал ожидания был забит битком. Начальник станции, увидев её с двумя орущими свёртками на руках, предложил угол за занавеской, где работал местный художник — рисовал портреты членов Политбюро к ноябрьским праздникам. Десять дней, проведённые на вокзале, показались вечностью. И художник ещё каждый день донимал: отдай да отдай ему ту, которая поспокойнее, посмышлёнее — Наташеньку.

— Всё равно двоих до Москвы не довезёшь, — то и дело приставал он. И продукты приносил, и козу приволок за занавеску, всё твердя: “Отдай! Не передумала”?

Нет, она не передумала, не отдала. Обоих, вопреки всему, здоровыми привезла в Москву.

— Не представляю, как это своё дитя, свою кровиночку кому-то можно отдать, — говорить об этом без волнения Ольга Иннокентьевна не может до сих пор. — Мне было очень трудно с ними. От голода девочки орали день и ночь в два голоса сразу. Уложить их спать, утомонить было настоящей мукой. Одну держала на руке, другую клала на колени, пытаюсь убавлять, а они орали и орали.

9 мая 1945 года в 6 часов утра, услышав по радио о капитуляции Германии, Ольга выбежала во двор, полный ликующих, кричащих: “Ура! Победа!”, обнимающихся и целующих друг друга людей. В том же 45-м она успешно окончила свой институт, получила диплом инженера-экономиста.

— Все эти годы я жила только одним, — вспоминает Ольга Иннокентьевна, — думами о том, как мои девочки встретятся со своим отцом, как он будет им рад.

О рождении своих дочерей-двойняшек Павел узнал из заветного фронтового треугольничка в самом пекле битвы под Курском. Радостное известие ошеломило его. Такого поворота судьбы он никак не ожидал. Ребёнок был очень желанным для него, не важно, кто — мальчик или девочка — но чтобы сразу двое! Не представляя себя ещё в роли отца, Павел мысленно был там, на Урале, с ними тремя, самыми дорогими и любимыми. Он должен был выжить в этой мясорубке, должен увидеть своих дочерей.

Они встретились. Но не в победном 45-м в Москве, а в 47-м в Германии, где Павла оставили служить после окончания войны. Увидев двух одинаковых девчушек, в одинаковых сереньких шубках и таких же меховых шапочках, бодро спрыгивающих с подножки вагона, Павел впервые в жизни растерялся. А те при виде незнакомого дяди, крепко обнимающего и целующего их маму, громко заплакали в два голоса, как это они умели дружно делать — на весь берлинский вокзал.

Так они стояли в оцепенении, пока та, что побойчее, Надюша, не подошла к нему и, шмыгая носиком, не спросила:

— Ты, правда, наш папа?

— Правда, — ответил майор, протягивая им руки.

Ольга и Павел, прижимая к себе дочерей, счастливые шли по перрону.

Выстояв в то лихолетье, победив в борьбе за жизнь, за будущее своих детей, они, окружённые заботой и любовью своей большой семьи, до сих пор вместе.

В Германии у них родилась ещё и Танечка. Уже и бриллиантовая свадьба давно отпразднована. Вот уже и трое внуков стали взрослыми. А в канун 65-летия Победы в своей новой просторной квартире они бережно держали на натруженных руках только что родившегося третьего правнука.

— Это такое безгранично радостное событие, — взволнованно говорят они, — которое можно пережить только в семье, и особенно, когда вся твоя семья собирается вместе. Мы счастливы, что дети дарят нам эту великую радость.

О своём мгновенно принятом осенью 41-го года решении Ольга ни разу не пожалела. Их вспыхнувшее чувство закалилось войной. Их любовь выдержала все испытания. 90-летние Ольга и Павел радуются жизни и сегодня. Он по-прежнему приглашает свою Олюшу на тур вальса, а она посвящает ему свои стихи. Они счастливы, несмотря на все сложности сегодняшней жизни. За их плечами долгая и достойная жизнь.

Лучшие дни его молодости...

Моему отцу

На него дважды приходила похоронка. Но в смерть весельчака-одессита, души любой компании Пашки никто не верил. А материнское сердце даже не впускало в себя эту трагическую весть, выстукивая без конца: "Жив, жив твой Павка! Жди!". И она верила. Ждала и молилась. И дождалась...

Он прыгнул с подножки медленно подходящего к перрону поезда и бросился к ней навстречу. А она, маленькая, сгорбленная, растерянная, без конца смахивала дрожащей рукой набегающие слёзы и не могла поверить, что возникший перед ней офицер — совсем уже взрослый, отпустивший, как когда-то его отец, усы — её долгожданный сыночек, которого она помнила босоногим, с вечно разбитыми коленками. Живой! Невредимый! Без единой царапины. С погонями майора на военном кителе, увешанном орденами и медалями.

Рядом с ним, сияющим, радостным, появилась из поезда молодая красавица-жена и две маленькие дочурки-двойняшки. Он и тут сумел отличиться...

Родственники и друзья подхватили его на руки и так, утопающего в море цветов, среди которых его, небольшого ростом, худощавого, и видно-то не было, одни только горящие счастьем, озорные, как в детстве, глаза, несли до самого дома под восторженные приветствия прохожих. Наконец-то он дома, на родной земле, где каждый кустик знаком с детства. На его ласковой, хлебосольной Украине, где он не был целых десять лет...

Нам, дочерям, о войне отец, кадровый военный, рассказывать не любил. Мы и после войны ещё долго месяцами не видели его. То он строил один военный аэродром, то другой. То прокладывал в непроходимых местах дороги.

К наградам боевым прибавлялись награды трудовые. А в редкие часы его пребывания дома все наши просьбы рассказать о войне по-прежнему оставались без ответа или наталкивались на скупые короткие фразы:

— Никаких подвигов я не совершал. Я просто выполнял свою работу, защищал Родину. И эту работу старался делать как можно лучше...

Родился он в крестьянской семье в украинском селе Вытягайловка, где все друг другу были родственниками, и фамилия у всех была одна и та же — Вытягайловские.

Отца помнит плохо. Тот, вернувшись инвалидом с Первой мировой войны, умер рано, оставив на руках жены троих малолетних детей.

Жили впроголодь. Хлеб и тот был большой редкостью, пока Пашка не подраблывал разгружать мешки с мукой для соседней пекарни. За это он получал от хозяина буханку свежеспеченного чёрного хлеба, с которой, сломя голову, нёсся домой, чтобы ещё горячей вручить её маме, чем очень

гордился в свои двенадцать лет. Чувствуя себя ответственным за семью после смерти отца, видя, как нелегко жилось матери, он старался помогать ей во всём.

Вкус этого чёрного хлеба, да ещё маминого украинского борща, да самой дешёвой рыбы — камбалы, селёдки, бычков — Павел помнит до сих пор. И сегодня это его самая любимая еда, которую он с удовольствием готовит сам. Он всегда всё делал сам, с удовольствием и от души. И радовался, когда получалось.

Жажда деятельности его обуревала. Он мог стать врачом, ему очень хотелось вылечить больную маму. Или художником, он хорошо рисовал. Или инженером, он любил технику и прекрасно в ней разбирался. Поваром, наконец...

Не став дожидаться окончания школы, он пошёл работать, учился на рабфаке, а через год поехал в Москву поступать в военное училище.

Конкурс был большой. Профессия военного в те годы была одной из самых привлекательных. Не попробовать себя в ней Павел просто не мог. Военизированный дух времени наполнял повседневную жизнь. Маршевые песни И. Дунаевского из популярных кинофильмов моментально подхватывались и пелись повсюду. Пашка тоже, не переставая, напевал себе под нос: "Эй, вратарь, готовься к бою! Часовым ты поставлен у ворот...".

Он очень обрадовался, когда в списке счастливчиков, принятых в московское военно-инженерное училище, увидел свою фамилию. Учился Павел на одни пятёрки.

А в январе 40-го, после досрочной сдачи выпускных экзаменов, новоиспечённого лейтенанта прямо из учебных классов отправили на войну — Финскую, где он и получил своё боевое крещение, прорывая знаменитую "линию Маннергейма".

Зима в Финляндии в тот год была лютой. Температура воздуха падала до -45. В густых лесах было много снега, идти по которому можно было только на лыжах. За нашими бойцами охотились финские снайперы.

В сапёрном взводе, которым командовал Павел, оказались в основном пожилые рабочие с калининских заводов, которые ему в отцы годились. Они не только не знали, как обращаться с минами, но и винтовки-то в руках держать как следует не умели. Ему приходилось учить их прямо на передовой.

Своё зимнее офицерское обмундирование — меховую ушанку, тулуп, валенки — он раздал старшим по возрасту. Его вполне устраивала одежда рядового — стёганные брюки и телогрейка.

Через три месяца эта, как её называли, "зимняя", а для него — его первая война, закончилась. Они вышли из окопов. Тишина. Солнце светит. Белый снег искрится. Ослеплённые бескрайней белизной, радостные, они разлеглись на льду Финского залива, наслаждаясь окружающей красотой...

Вскоре батальон Павла погрузили в товарные вагоны и перебросили в Латвию, а затем — в Белоруссию, на самую границу.

Жизнь на границе текла спокойно. Обычная армейская жизнь с кино и футболом по воскресеньям. Жили в палатках. Строили землянки, блиндажи, укрепляли огневые позиции. Готовились к учениям высшего командного состава Белорусского военного округа, которые были назначены на июнь.

В воскресенье, как обычно, играли в футбол. Пашкина команда, в которой он был неизменным капитаном, впервые одержала победу. Ликовали почти до рассвета.

А с рассветом их, сонных, разметал ливень авиационных бомб. Земля вставала дыбом. Так, 22 июня 1941 года, с первым налётом фашистской авиации и началась для Павла Великая Отечественная война...

Этот налёт убелённый сединами ветеран-полковник в отставке помнит в мельчайших подробностях и сегодня.

— Мы бежали кто в чём и кто куда, — рассказывает он внимательно слушающему внуку. — С самолётов строчили пулемёты. Убитых и раненых было много. Командиры помчались в свои части. Я успел схватить сапоги и форму. Одевался в каком-то овраге...

Враг рвался к столице. Павла откомандировали в Москву. А вскоре он снова был на фронте, в 14-й Новгород-Северской инженерно-сапёрной бригаде 65-й армии 2-го Белорусского фронта, которым командовал Константин Рокоссовский.

В составе этой армии он попадёт в мясорубку Курской дуги, будет теснить немцев с Брянщины, форсировать Днепр, освобождать Белоруссию, Польшу, дойдёт до Берлина. После победы его оставят служить в Германии ещё на 2 года.

На вопрос, где было труднее всего, отец отвечает:

— Трудно было везде. Война — очень опасная и тяжёлая работа. А в работе сапёра даже малейшая оплошность грозит смертью. Мы были всё время на передовой. Приходили первыми, а уходили последними, обеспечивая продвижение наших войск вперёд. Немцы всё время охотились за нами. Не давали продыху ни днём, ни ночью. Мы строили, а они тут же разрушали. Мы снова строили. Они снова рушили. И так без конца, а от меня все требовали: "Быстрее, крепче, надёжнее!". Действовать приходилось по ситуации.

По ситуации... сколько раз он и в болоте увязал, и бросался в ледяную воду, чтобы вытащить рухнувшую с переправы повозку или машину, спасая боеприпасы, брал в руки и лопату, и лом, заменяя под ураганом свистящих пуль убитых или раненых солдат, сам устанавливал мины. Однажды в Белоруссии из-за этих мин, вовремя не подвезённых на передовую, он даже сгоряча был приговорён к расстрелу. Но связной успел прибежать с сообщением об отмене приказа: наши снова пошли в наступление, мины не потребовались.

— А орденам и медалям, которые ты получал, был рад? — спрашивает внук.

— Было как-то не до этого. Никто о них тогда особенно и не думал. Главное было защитить свой дом, своих родных, скорее прогнать врага со своей земли. Это был наш долг, и мы его выполнили до конца.

... Сколько построено им во время войны переправ и мостов, установлено и разминировано мин, вырыто блиндажей и землянок, взорвано и сооружено дотов и дзотов, сколько километров гатей проложено по труднопроходимым болотам, топям — и всё это под непрерывным огнём противника — не подсчитано никем.

Зато сам он точно знает, что страшная и кровавая Вторая мировая война вырвала из его жизни 1460 самых лучших дней его молодости, вспоминать которые ему тяжело до сих пор.

Деда Кеша

Моему деду, школьному учителю

В 1941 году, когда фашистские самолёты бомбили Москву, в наш большой московский двор в центре столицы, окружённый тремя стройными корпусами знаменитого дома “Коммуны”, упала бомба. К счастью, не разорвалась, благополучно была извлечена из земли сапёрами и вывезена, оставив после себя лишь глубокий след — воронку — напоминание о грозных днях войны.

Кому пришла идея соорудить на этом месте фонтан, теперь сказать трудно, но когда жители дома стали возвращаться из эвакуации, их ждал сюрприз — сияя и искрясь на солнце многоцветной радугой, их встречал фонтан. Он стал самым любимым местом нашего детства. Здесь мы просиживали часами, любуясь его переливающимися, нежными струйками. Вокруг него затевались нехитрые детские игры, а в жаркие дни детвора с огромным удовольствием плескалась в его прохладной воде.

Как-то к фонтану пришёл деда Кеша и выпустил в него маленьких золотых рыбёшек. Нашей радости и удивлению не было конца. Этого шуплого, невысокого старичка с седой, клинышком, бородкой и очень добрыми, лучезарными глазами мы все хорошо знали и любили. Он часто разговаривал с нами, его заботила наша жизнь, чем мы занимаемся, чему учимся, как и с кем проводим время, чем интересуемся. На подоконнике его окна на первом этаже стоял огромный аквариум с яркой подсветкой. Разноцветные рыбки, плававшие в нём, привлекали детвору, завораживая и не отпуская.

О рыбах деда Кеша и начал свой рассказ у фонтана, а потом — о цветах, пчёлах, деревьях. Да так увлечённо! Увлекая за собой в таинственно прекрасный мир, который нас окружал, и о котором мы пока ещё мало знали.

Мы слушали его, затаив дыхание, забыв про все свои игры. Расходиться не хотелось. Вот так бы и стояли вокруг волшебника, каким представлялся нам в тот момент деда Кеша, воображая себя то пчёлками, перелетающими с цветка на цветок, то раскрывающимися бутонами на веточках сирени, то падающими в осеннюю пору жёлтыми кружащимися листьями, то глубоководными рыбами, бороздящими океаны.

Сны в эту ночь виделись нам одни и те же. А наутро дедушка принёс маленькие лопатки, грабли, вёдра, сделанные им самим, и закипела во дворе работа. Вместе с дедом Кешей ребята дружно чистили двор, убирали мусор, копали землю, сажали цветы, кустарники, деревья. Больше всего цветов посадили, конечно же, вокруг своего любимого фонтана.

Когда по всему двору всё дружно зацвело, засияло красочным разнообразием, ни у кого не поднялась рука нарушить это великолепие — сорвать, сломать, затоптать.

Мы не переставали любоваться нашим фонтаном, окружённым цветами — красотой, сотворённой собственными руками. А деда Кеша продолжал увлечённо учить нас ухаживать за цветами, говорил, что они живые и у каждого — своя душа. Им нельзя причинить боль, нельзя обидеть, о них нужно заботиться. Их надо любить, и тогда они будут отвечать тем же, долго будут цвести, радуя нас.

Яркими лиловыми гроздьями распустилась сирень. Необыкновенно душистая. Невозможно было пройти, не остановившись, чтобы вдохнуть в себя её чарующий запах, насладиться и видом. За сиренью в пышный бело-розовый наряд оделись вишня с яблонями, заблагоухал жасмин... До чего же красив в это время был наш двор, наполненный чудесными весенними ароматами!

Садовых участков тогда ещё ни у кого не было. Первые плоды, созревшие на наших глазах, да ещё в городском дворе, все встречали восторженно. Не скрывал своей радости и деда Кеша, раздавая нам прямо с дерева спелые сочные фрукты. Срывать их сами ребята не решались — было стыдно.

Детворы, военной и послевоенной, в огромном доме было много. Жили мы дружно, скучать и унывать было некогда. Мы не знали, что такое сидеть без дела. Занимались и музыкой, и танцами, бегали в секции и кружки. Было их ещё мало, но мы лепили и рисовали, пели и вышивали.

А вот жизни учил нас деда Кеша. Как-то осторожно, ненавязчиво. Даже последние плоды он умудрялся разрезать своим перочинным ножичком, с которым никогда не расставался, на равные дольки так, чтобы никого не обидеть. Авторитетом он был для нас абсолютным. На детей никогда не кричал, даже голоса не повышал, но умел посмотреть так строго и требовательно, что делалось не по себе. Пререкаться, ослушаться деду Кешу мы не смели, он был посвящён во все наши тайны. Выслушивал нас подолгу, не торопя, заинтересованно.

Между собой, конечно же, мы и ссорились, но беззлобно. Обижались, но тут же мирились. Друг за друга стояли горой. Тогда понятие “двор” было равнозначно “братству”. Ябед и ехид не любили: с ними не дружили и не играли. А играли часто двор на двор. И в “казаки-разбойники”, и в лапту, и в футбол. Выстраивались шеренгами друг против друга, громко запевая: “Бояре, а мы к вам пришли!”, крепко держась за руки. Вставали в длинный хвост, чтобы проскочить под тяжёлой крутящейся верёвкой, единственной на весь двор. Играли и в догонялки, и в прятки, и в жмурки...

Во многие игры учил нас играть деда Кеша. Выиграть у него партию в городки или шашки никто не мог. Для команды-победительницы у него всегда наготове был свой специальный приз — рамка густого янтарного мёда в сотах. Высшего блаженства, чем облизывание этого ароматного, живительного лакомства, мы в ту пору не знали.

Неугомонный, неравнодушный ко всему, этот человек не переставал нас постоянно чем-то удивлять. Он и улей для пчёл смастерил у себя под окном одним из первых в Москве. А в карманах его выпцветшей неизменной телогрейки, которую он, за неимением другого, носил, не снимая, всегда находилось что-то, на первый взгляд несуразное, а для нас — неожиданное, любопытное, мудрёное.

Медленно доставая это “что-то”, растягивая удовольствие, обводя нас интригующим взглядом с удивительно добродушной, свойственной только ему хитринкой, от которого мы замирали в предвкушении восторга, он говорил таинственно и загадочно: “Ну-с, кто угадает, что это такое?”. И на свет по очереди появлялись многочисленные металлические штучки, невероятные головоломки, которые он сам придумывал и мастерил. Нам предлагалось то собирать, то разбирать их.

Был он учителем математики, до войны преподавал в школе. Занимаясь с нами, был уже тяжело больным человеком, инвалидом. Но мы, дети, и не догадывались об этом. Не знали мы, что наш дед Кеша — Иннокентий Николаевич Бессонов — в 37-м году был по гнусному доносу осуждён и сослан в ГУЛАГ, где провёл несколько страшных лет. Был выброшен за ворота дистрофиком с отбитыми внутренними органами и напутствием: “Иди, всё равно по дороге сдохнешь”. Но он выжил и пешком (!) добрался домой, в Москву. Не озлобился, не ушёл в себя. Занялся пчеловодством, фотографией, спеша запечатлеть, оставить потомкам каждое мгновение прекрасного, стараясь сделать свою жизнь и жизнь окружающих его людей наполненнее и полезнее, светлее и чище.

Дворовые ребята тянулись к нему, повсюду ходили за ним толпой, вовлекаемые им то в одно, то в другое занятие. Откуда он брал силы, терпение, выдержку, мужество, мы не знали. Знали мы только одно: нам с дедой Кешей — жизнерадостным, доброжелательным и щедрым человеком, создающим вокруг себя благостную атмосферу, — спокойно, уютно, надёжно и очень интересно. Его влияние на нас было огромным, с ним мы становились другими — честными, добрыми, старающимися во всём ему подражать. Даже кепки носили “под него” и друг друга называли “сударь” и “сударыня”, как это делал он.

Однажды дед Кеша принёс во двор по тем временам настоящее чудо — старенький, поизносившийся, потёртый, но работающий фотоаппарат — и стал обучать нас фотоделу. Снимки тех лет я храню до сих пор. Хотя качества они и не высокого, но мне они дороги как память о моём детстве, дворе, любимом фонтане, о добродушном и сердечном дед Кеше — замечательном человеке.

Ещё более потрясающим и радостным событием стало для нас появление такого же старого велосипеда. Где его дед раздобыл? Говорили, что откопал на какой-то свалке, починил, покрасил, смазал моторным маслом. Ездить на нём сам он уже не мог, но нас научил всех. Помню, как впервые села на этот велосипед, разогналась, остановиться не могу, кричу: “Всё! Разобьюсь!”. А меня уже держат крепкие дедушкины руки. Катался на этом велосипеде весь двор, строго по одному кругу. Никто не хитрил, дружба была дороже.

А сколько книг из деды Кешиных рук переходило вот также по кругу от одного к другому из нас. Сам он читал запоем, его маленькая комнатка была сплошь завалена книгами. Дед то и дело и нам подсовывал что-нибудь интересное, и мы зачитывали книжки до дыр. Но дедушка никогда не забывал расспросить о прочитанном, одновременно обучая нас “лечить” книжки, переплетая их заново и возвращая им прежний вид.

Немало времени потратил он, чтобы приобщить к чтению двоюродного Владика Беспалова. Какие только книги не предлагал. Участвовали в этом и мы, дружно включившиеся тогда в движение “книгонош”, безвозмездно разносивших книги по квартирам, помогая их распространению. Но всё было напрасно. И всё-таки мы увидели Владика с книгой в руках! Как деду Кеше удалось убедить его, осталось загадкой. Только через много лет мы узнали, что этот самый Владик стал известным литературным критиком. Крупным учёным-океанологом стал впоследствии Гена Назаров, в детстве разбивший первый огромный деду Кеши аквариум с любимыми золотыми рыбками, что стоял у него на подоконнике.

Вышли в люди, состоялись абсолютно все ребята нашего двора. Нам здорово повезло. Рядом с нами всегда был мудрый человек — Учитель — деда Кеша, чьи уроки постижения прекрасного мы запомнили на всю жизнь, а благодарная память о нём до сих пор греет наши сердца.

Детей спасая от войны...

Моей бабушке, директору школы

Поезд медленно, рывками в беспросветной тьме набирал скорость, увозя московских детей всё дальше и дальше от столицы. Шёл октябрь 1941 года, четвёртый месяц Великой Отечественной войны. Время было суровое. Сводки Информбюро скупые и тревожные: фашистские орды всё ближе подступали к Москве.

Надежда Васильевна почти не спала уже несколько суток. Давили тревожные мысли: “Что же будет? Сколько ещё я буду с ними одна? Куда теперь нас везут”? Какой уж тут сон! Запасы еды, лекарств, мыла, взятые с собой, давно закончились. Одежда у детей за три месяца износилась...

Ей вспомнился июль 41-го. Тогда начались ежедневные бомбардировки Москвы, и её, учительницу физики, срочно вызвали в школу. Сказали, что принято решение о немедленной эвакуации школьников младших классов из столицы и что она будет сопровождать детей. “Отвечаешь за каждого!” — строго наказали ей.

На сборы дали ровно сутки. Раздумывать было некогда. Надежда Васильевна быстро собрала небольшой чемоданчик, школьный портфель всегда стоял наготове на стуле за письменным столом.

Утром поехала на Красную площадь, прошлась по московским улицам, а когда прибежала на Казанский вокзал, весь перрон уже был заполнен детьми и женщинами. Мужчин почти не было. На лицах — растерянность, тревога, печаль, боль. Стояли молча, крепко обнимая друг друга. Никогда Надежда Васильевна не видела такими серьёзными лица малышей. Сердце сжималось от этой пронзительной тишины.

И только когда раздалась команда: “По вагонам!”, чувства, сдерживаемые всеми силами души, разом хлынули наружу. Что тут началось! Суета, крики, плач. Больно вспоминать...

Нет, не могла Надежда Васильевна больше думать об этом. Терзать своё сердце. Она встала, поправила причёску, пытаясь оборвать нахлынувшие воспоминания. “Что было, то было, — сказала она себе. — Сейчас надо думать, как будем жить дальше”. Она медленно пошла по вагону, всматриваясь в лица спящих ребят.

С ней было сто мальчиков и девочек, разлучённых войной с домом, с родными, с привычной для каждого из них жизнью. И ей одной надо было решать, во что их одеть, обусть, чем накормить, чем лечить. Хоть головой о косяк бейся! Думай, не думай, впереди полная неизвестность. Сказали, привезут, а куда? Что ждёт их на новом месте?

Поезд шёл очень медленно. Останавливался на каждой развилке, у каждого полустанка, пропуская длинные эшелоны, идущие в сторону Москвы. На крупных станциях удавалось выпросить немного еды в дорогу, но только как разделить эти крохи на всех? На стоянках, где позволяло время, Надежда Васильевна организовывала выступления детей. Кто стихи читал, кто пел, кто танцевал. За это их кормили горячей

картошкой, хлебом, поили молоком, даже щей горячих давали ребятишкам. Ну кто же мог предположить, что их дорога так затянется и превратится в сплошную муку...

Сажая детей в этот злополучный поезд, на её вопрос: “Как жить они будут дальше?”, ответили: “По обстановке. Видишь, что творится? Немец прёт на Москву. Не до тебя. Поезжай!”.

— Куда?

— Куда сможем, туда и отправим. Уедете. За это я ручаюсь, — сказал начальник рязанского вокзала. — Детей в первую очередь отправим. Можешь не волноваться. А дальше уж сама, голубушка. Как поведёт. Понимаю, что трудно, но не в силах больше тебе ничем помочь. Благодарю Бога, что сегодня хоть есть на чём вас вывезти. А что будет завтра, не знает никто.

Погружённая в свои мысли, она шла по вагону, привычным заботливым взглядом проверяя, всё ли в порядке. Дети спали, прижавшись, положив головы друг другу на плечи, спрятав маленькие кулачки в рукава пальто от холода. Надежда Васильевна хорошо знала их всех. Уже три месяца они жили как одна большая семья.

Тогда, в июле 41-го, их отвезли под Рязань, поселили в школе одного из колхозов, на полях которого ребята работали каждый день. Спать приходилось прямо на полу, не раздеваясь. Но в то время их хоть как-то кормили. Было трудно, голодно, но не так, как сейчас.

Обстановка на фронте с каждым днём становилась всё тревожнее. Враг остервенело рвался к Москве. Оставаться в приютившем их колхозе становилось опасно. Её с детьми в срочном порядке снова погрузили в поезд, который увозил их теперь всё дальше и дальше от войны.

“Неужели не выстоим, неужели сдадим Москву? — терзали её тревожные мысли. — Нет, не может этого быть. Не бывать Гитлеру в Москве!” — успокаивала она себя.

Надежда Васильевна вспомнила, как она с мужем приехала из Хабаровска по направлению в Москву учиться в педагогическом институте. Как они вместе по вечерам бродили по площадям, бульварам и улицам города и не могли налюбоваться его красотой. Вспомнила Спасскую башню Кремля, Большой театр, Воробьёвы горы, набережные Москвы-реки, и слёзы полились сами собой.

— Надежда Васильевна! — позвал кто-то из ребят.

Она встрепенулась, рассердясь на себя за минутную слабость. Быстро вытерла глаза. Дети не должны видеть её слёз. “Что бы ни случилось, только не плакать. Держись!” — сказала она себе.

— Надежда Васильевна, мы в Москву едем, да? — глядя ей в глаза, с надеждой спрашивала девятилетняя Оля. — Я хочу домой, к маме. Я соскучилась! Очень! — рыдала девчушка, уткнувшись в колени учительнице.

— Спи, Оленька, спи, милая. Скоро приедем, — поглаживая вздрагивающее исхудавшее тельце, только и смогла она сказать девочке.

Самое трудное было для неё отвечать на детские вопросы. Обманывать ребят, отводя взгляд от их ожидающих, доверчивых глаз, она не могла. Детская душа так чувствительна, так ранима! “Хорошие вы мои, — подумала она, — если бы я сама знала, куда мы едем, и что с нами будет”.

Каким же трудом давались ей сейчас внешнее спокойствие, естественная ласковая улыбка. Она знала, что ребята ей доверяют. Её

светящимся добрым глазам всегда можно было верить. Они никогда не подводили.

Начинало светать. “Надо чем-то занять ребят”, — решила Надежда Васильевна. Она стала снова вспоминать различные загадки, считалки, игры.

Их-то она знала великое множество ещё с детства, когда в Верхне-Удинске, где она выросла, ей приходилось присматривать за своими братьями и сёстрами. Она была старшей из восьми детей в семье, и заботы о младших Наденька, как её ласково все звали, делила вместе с родителями.

Может быть, именно тогда и пришло к ней решение стать учительницей. Ей нравилось заниматься с детьми. Она всегда умела увлечь их, заинтересовать, успокоить, решить конфликт по справедливости.

Мама не переставала удивляться, как Наденька мило справлялась даже с самым озорным непоседой — 12-летним братом Лёней. Неугомонный фантазёр, он обожал свою старшую сестру и постоянно ходил вокруг неё, прося: “Надь, а Надь, давай что-нибудь смастерим. Ну, Наденька, пожалуйста!” Она смотрела в озорные, горящие любопытством глаза брата и тут же соглашалась. И они начинали мастерить. Чаше всего — “оловянных” солдатиков.

Наденька ловко вырезала фигурки из картона, кроила для них мундирчики, а Лёня брался за краски. Тут же к ним присоединялись остальные дети, и работа кипела. Так же дружно они садились под её руководством за изготовление ёлочных украшений к Новому году. Новогодняя ёлка в доме всегда была не менее двух метров.

А потом она закончила педагогический класс гимназии. Было это ещё до революции. Её, как лучшую ученицу, направили преподавать в младшие классы. Детвора и там ходила за ней, самой любимой учительницей, гурьбой...

— Доброе утро! Доброе утро! — говорила Надежда Васильевна рассыпавшимся детям, проходя по вагону и держа в руке маленького солдатика, в раскрашенном мундирчике, того самого, из своего детства, с которым никогда не расставалась.

Ребятишки приветливо махали руками маленькому солдатику, в их глазёнках появлялись радостные искорки. Они улыбались. Начался новый день. Один за другим дети собирались возле неё. Поезд остановился.

— Мы приехали? Почему мы стоим? — наперебой спрашивали дети.

Надежда Васильевна выглянула в окно и увидела здание вокзала. На нём было написано: Алма-Ата.

— Кто здесь уполномоченный? Выгружай детей! Приехали! — услышала она голоса с перрона.

Платформа была полна встречающих. Жители ближайших казахских аулов с цветами в руках встречали прибывших ребят, которых сердечно приняли в свои семьи.

Для многих, приехавших с тем поездом, Казахстан стал родным домом, где они до сих пор живут, создав свои семьи, вырастив детей и внуков.

г. Москва.

Геннадий ЛУНЁВ

Дочь Арала

Повесть

*Посвящаю землякам-аральцам,
погибшим в первые месяцы войны,
защищая Москву.*

Глава первая

В середине апреля, когда степи Кызылкумов ещё не успевают покрыться голубыми тюльпанами, как всегда, неожиданно налетел холодный юго-восточный ветер. Вода в култуке (заливе) вмиг покрылась мелкими волнами.

Старый рыбак Ербол Бикжанов, смоливший на берегу днище лодки-плоскодонки, впервые за многие годы даже обрадовался, что задул Бескунак. В это время Арал сильно штормит, и редко кто из рыбаков отважится выйти в море на промысел. Да и бесполезно: студёный ветер отгоняет рыбу на большую глубину, а там её ставными сетями не достать.

Всю зиму Ербол провалялся на печи с острой болью в пояснице — сказала старая простуда, потому и не подготовился, как следует, к весенней путине. И вот появилась теперь возможность доделать недоделанное — законопатить и просмолить кипящей смолой днище лодки. Конечно, будь жива старая Злиха, она бы давно вылечила его: натёрла бы спину мужа на ночь горячим бараньим жиром со жгучей рыбьей жёлчью, затем с шутками и поговорками заботливо укрыла бы его сухой козьей шкурой, глядишь, к утру боль в пояснице сняло бы как рукой.

В рыбацком посёлке давно приметили: после смерти Злихи в Ерболе словно надломился стальной стержень, поддерживавший в нём многие годы жизненную энергию. За зиму он сильно поседел, словно голову обдало морской пеной, стал сильно горбиться, а в разговоре появилась хриплая одышка. А ведь когда-то слыл самым сильным парнем на всём северном побережье Арала, никто в округе не мог противостоять силе Ербола. Да и Злиху, стройную и черноглазую девушку — дочь местного железнодорожника-путейца, он покорила лихой удалью в гонках на лодке на заливе недалеко от железнодорожной станции во время весеннего праздника мусульман Наурыза.

**Геннадий
Григорьевич
ЛУНЁВ**

— почётный журналист Казахстана, свыше 40 лет работал в СМИ: заведующим отделами в газетах “Вечерняя Алма-Ата” и “Огни Алатау”, затем заместителем, главным редактором газеты “Вечерняя Алма-Ата”, около семи лет заместителем главного редактора в Казахском государственном информационном агентстве (КазТАГ). Часто в составе пресс-службы освещал поездки Президента Казахстана Н. Назарбаева за рубеж и по стране, его деловые встречи с главами государств, политическими деятелями, дипломатами, аккредитованными в Казахстане. Неоднократно брал интервью у президентов России, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Киргизии, у глав государств дальнего зарубежья, у многих иностранных дипломатов.

Живёт в Алматы. В “Ниве” выступает впервые.

Их любили с шиком устраивать весной до революции, едва море освобождалось ото льда, здешние купцы-рыбопромышленники Песнев и Артыкбаев. Все жители окрестных аулов и железнодорожной станции собирались в тот день на берегу залива, где ряд в ряд, корма к корме, рыбаки выстраивали свои лодки, терпеливо ожидая, когда из белой юрты в окружении угодливых слуг появится Артыкбаев. Он выходил, как всегда, в нарядной, небрежно накинутой на плечи дорогой шубе, подбитой красным шёлком (за такую шубу можно было выменять два парусных баркаса, шёпотом поговаривали между собой местные рыбаки), на голове — огненный лисий малахай, лицо было красным от выпитой водки и крепкого чая. Поддерживаемый под руки угодливой свитой, Артыкбаев степенно, с важным видом садился на кучу цветных одеял из тонкой верблюжьей шерсти.

Наступала тишина — все знали: сейчас из свиты купца выйдет его верный десятник и дружок — красавец-мужчина Мырзатай Жайляубаев. Ох, скольких рыбацких вдов обесчестил в ауле этот холуй и развратник, судачили в посёлке между собой бабы, и заплетающимся языком объявит, какой приз получит из рук самого Артыкбаева тот рыбак, кто первым преодолееет на лодке расстояние от берега до четырёх красных бакенов.

Первые бакены появились в заливе летом в далёком 1905 году, когда вдоль Арала проложили железную дорогу из Оренбурга в Ташкент. В тот год на торжества по случаю открытия железнодорожной станции Аральское море должен был приехать высокий чиновник то ли из Москвы, то ли из Оренбурга. Поэтому местное железнодорожное начальство и рыбопромышленники в честь приезда высокого гостя намеревались устроить пышный пикник на берегу моря. Артыкбаев ради этого не пожалел десятка курдючных баранов из своей отары, а Песневу доставили из Оренбурга два ящика дорогого французского вина. Затем, после обильного угощения, они намеревались покатать высокого столичного гостя на паровом катере по заливу. И четыре ярко-оранжевых бакена на середине залива они установили скорее ради зрелищного эффекта, чем из надобности. Потому что местные рыбаки и без навигационных карт, и без лоций, как пять своих пальцев, знали, где какая глубина, где отмели в заливах.

Но высокий чиновник на открытие станции почему-то не приехал, а выцветшие от времени и изъеденные солёной морской водой бакены с того самого дня так и болтаются на волнах посреди залива на радость местным мальчишкам, которые во время купания ныряют с них в воду. Да ещё изредка в непогоду шумливые чайки садятся на бакены передохнуть после дальних перелётов.

И всё же не приз — полдюжины новых сетей и столько же баранов — прельщал рыбаков. Победить на гонках во время Наурыза была большая честь. Каждый парень и мужчина в рыбацком посёлке в тот день мечтал блеснуть в глазах земляков своей силой и лихой удалей. Были ещё и другие, более веские причины, подталкивающие их на данный поступок. После победы батыру долго будут оказывать в посёлке и аулах уважение и почести. А парень может без боязни засылать сватов в любой дом, где подросла невеста. Её родители сочтут за честь выдать дочь замуж за самого ловкого и сильного джигита на северном Арале.

Ербол ещё с детства знал: местные девчата, выросшие на Арале и воспитанные жестоким рыбацким бытом, не очень-то баловали вниманием парней-неудачников и трусов. Вон, Мырзатай Жайляубаев, однажды в

начале весенней путины, когда рыба в период нереста, как говорят рыбаки, сама лезет в сети, вернулся с промысла без улова. Так потом весь аул чуть ли не целый год потешался над ним, особенно девчата и молодые женщины. Дескать, Мырзатай всю ночь не рыбу ловил, а полоскал сети в море, оттого, мол, и вернулся с промысла без добычи. Поэтому местная девушка скорее утонет в море, чем станет женой мужа-неудачника. Не зря же крутой обрыв, что точно каменной стеной возвышается на многие километры вдоль залива Сары-Шаганак, нарекли Девичьим.

В долгие зимние вечера, когда рыбаки, собравшись в чьей-либо саманной избушке, латали порванные осенними штормами сети, старики не раз рассказывали, будто в далёкие времена красивую дочь одного здешнего рыбака, которая любила местного парня, силой выдали замуж за сына богатого купца — торговца скотом. Однако девушка не вынесла разлуки с любимым и в отчаянии бросилась с обрыва в море. Но не утонула, как гласит древняя рыбацкая легенда, а превратилась в белую чайку. С тех пор, мол, и летает она с жалобным стоном над Аралом.

А ещё старики со страхом утверждали, призывая свидетелем Всевышнего, будто бы в чайках селятся души не вернувшихся с промысла и сгинувших во время шторма в солёной пучине моря рыбаков. Дескать, не зря же эти птицы никогда не расстаются с морем. Так или не так, но никто из рыбаков не пытался оспаривать легенды, дабы не накликать на себя беду.

За работой, как и многие пожилые люди, Ербол любил предаваться воспоминаниям: дело спорится, да и время бежит незаметно. Правда, с годами многое уже забылось, но главные вехи жизненного пути накрепко осели в памяти. Сколько их, радостных и мрачных событий, промелькнуло за 75 лет! Э-хе-хе, годы, годы! Сколько человеческих жизней вы унесли за это время в мир иной! Вон уже целый аул вырос из могил вдоль железной дороги на сторону города Казалинска. Это только седой, полный рыбы, могучий Арал вечен и неподвластен времени. Прошло не одно тысячелетие, а он по-прежнему плещется всё в тех же берегах, и не оскудел на рыбу. Старики хорошо помнят, в годы войны Арал снабжал рыбой и рыбными консервами треть страны и фронт, да и жители города Аральска, а также близлежащих посёлков выжили благодаря тому, что люди ловили рыбу и питались практически только ею. Рыба в лихолетье заменяла людям и хлеб, и мясо, и картошку. И за это они вечно благодарны Аралу.

За делами и думами Ербол не заметил, как подошёл Савелий Макарович Шнуров — сосед по дому.

— Может, подсобить тебе, Ербол? — спросил он, присаживаясь рядом на перевернутый вверх дном бочонок из-под воды. — Мы-то свой баркас, почитай, дён десять назад как спустили на воду, — обрадованным голосом сообщил он.

Приход Савелия Шнурова приободрил Ербола. Как ни крути, а от долгих, наедине, дум на душе становится мрачно, ведь порой в такие минуты всякие недобрые мысли приходят в голову. Потому и обрадовался он приходу старого соседа. Как-никак, а вот уже, почитай, лет тридцать пять их саманные дома стоят рядом — стенка к стенке, нередко по утрам они вместе выходят на промысел в море. Правда, Ербол на своей лодке-плоскодонке дальше четвёртого култука не рискует ставить сети: в непогоду в открытом море его лёгкую посудину вмиг может захлестнуть крутой волной. На промысел в открытое море выходят на крутобоких, с острым килем,

баркасах, таких, какой у Шнуровых. Ербол знал: все рыбаки в рыбацком посёлке, да и на железнодорожной станции втайне завидовали им.

Да и строили Шнуровы свой баркас по специальным заводским чертежам на городской судовой верфи. Лес для него — доска к доске, без единого сучка и трещины — подбирал сам глава семьи — покойный Макар Игнатьевич, отец Савелия, высокий, сухоощавый, ещё красивый тогда лицом старик.

— Чуть ли не на зуб, вразина, пробует каждую доску, брусся, — шёпотом матерились между собой мастера.

Откуда Шнуровы приехали в Аральск в начале 30-х годов, никто толком не мог объяснить. Ходили слухи, будто бы полтора века их род держал на Каспии, в устье реки Урал, рыбный промысел, поставлял к высочайшему столу дома Романовых чёрную икру, вяленую и копчёную осетрину, знаменитую астраханскую сельдь, торговал отменными балыками из усака и белорыбицы с границей. А ещё, шептались между собой железнодорожники, в 20-м году советская власть будто бы силой конфисковала у Шнуровых этот самый промысел. Тогда в перестрелке с чекистами якобы погибли два сына и зять — муж дочери Глафиры. А сам глава семьи — Макар Игнатьевич — был тяжело ранен. С той поры, мол, и появился у него на лице глубокий шрам от удара клинка.

Где правда, а где домыслы, кто её разберёт за давностью лет, но в рыбацкой Шнуровы действительно знали толк. Они быстро прижились к Аралу, изучили все места, где, в какое время года нерестятся вобла и шемая, лещ и сазан, жирует знаменитый усака, когда лучше в открытом море ловятся на перемёт судак и сом. Странную привычку Шнуровых — рыбачить в одиночку — местные рыбаки вначале не одобряли: мол, не артельные они люди. Потом поняли: на весельных лодках за двухпарусным баркасом никому не угнаться. Да и в отличие от многих рыбаков Шнуровы никогда не торговали рыбой на берегу, а весь улов сдавали в буфет на железнодорожной станции. В назначенное время у берега их всегда поджидала разбитая телега, в которую был запряжён лохматый одногорбый верблюд. Весело переговариваясь со старым извозчиком Абилайдой, Шнуровы проворно перегружали в повозку огромных судаков, сомов, другую рыбу. Сколько они потом получали за улов денег, для всех оставалось тайной. Эта-то неизвестность больше всего мучила и угнетала завистливых рыбаков.

Да и жили Шнуровы как-то тихо, незаметно, ни с кем в рыбацком посёлке не знались и не водились. Каждое воскресенье всей семьёй посещали в городе церковь и тем самым как бы демонстративно подчёркивали, что верят в Бога и не признают нынешних, революционных праздников.

Однажды Первого мая кто-то из местных комсомольцев неумно подшутил над Шнуровыми — закрепил на воротах их дома красный флаг. Но провисел он недолго: вышедшая из калитки старая бабка — мать Макара Игнатьевича — со злобой сорвала красное полотнище и скрылась за воротами. Об этом случае кто-то донёс в железнодорожное отделение НКВД. Вечером в их доме появились двое милиционеров и увели с собой Шнурова-старшего.

Несколько дней улица не видела Макара Игнатьевича, а через неделю жена и невестка под руки привели старика домой. Переходивший им улицу рабочий с местной водокачки Пашка Кириллов проводил Шнуровых недобрый взглядом.

— Небось в НэКэВэДэ враз научат местных буржуёв уважать наши революционные пролетарские праздники, — со злобой бросил он им вслед.

С годами выяснилось: именно этот невысокого роста, завистливый и злобный мужичок, активно помогавший в 1929 году работникам местного НКВД раскулачивать зажиточных рыбаков и которого с Аральского рыбокомбината выгнали за безделье и пьянку в рабочее время, донёс на Шнуровых в милицию. А в 1937 году писал в НКВД подлые доносы на широко образованных и интеллигентных горожан, работавших ведущими специалистами в морском порту, на железной дороге, в системе образования, будто они клеветают на советскую власть. В первый месяц начала Великой Отечественной войны его призвали на фронт. Но через два месяца Пашка дезертировал из военной школы на станции Донгузская, недалеко от Оренбурга, где проходил курс молодого бойца. С эшелонам эвакуированных жителей из Украины, Ленинграда, других городов России тайно добрался до Аральска. С такими же, как сам, дезертирами жил в степи в землянке, ночами на ближнем разъезде грабил вагоны с продуктами, зерном, следовавшими в товарных поездах, а у жителей в аулах воровал скот. В конце 1944 года банда была задержана, все её участники по решению военного трибунала были расстреляны как враги народа.

... Под утро Макару Игнатьевичу стало совсем худо. Испугавшись беды, растерянные жена и сноха прибежали за помощью к Бикжановым. Злиха в это время была дома — нанизывала на бечеву вяленых лещей и воблу для продажи на пристанционном базарчике. Выслушав взволнованных соседей, она достала из сундука бутылку с какой-то коричневой жидкостью — и бегом к Шнуровым. Старик, бледный и осунувшийся, лежал на кровати под образами, рядом на стуле стоял тазик с холодной водой. Тут же, на спинке стула, висело окровавленное полотенце.

— Всю ночь у него хлещет кровь горлом, — пояснила жена Макара Игнатьевича. — Видно, в милиции всё нутро отбили старику, — в один голос запричитали женщины.

Злиха дала выпить Макару Игнатьевичу отвара, настоящего на степных травах, который научили делать её покойные бабушка и мать, затем вместе с соседками натёрли тело Макара Игнатьевича водкой с горячим рыбьим жиром.

Больше месяца Шнуров-старший провалялся в постели, а когда выздоровел, впервые за многие годы переступил порог дома своих соседей — Бикжановых, принявших горячее участие в его лечении.

— Буквально с того света вытащили нашего деда, — со слезами на глазах рассказывала всем в посёлке жена Макара Игнатьевича.

Злиха и Ербол даже растерялись от неожиданности и не знали, как вести себя с Макаром Игнатьевичем. Жители пристанционного рыбацкого посёлка давно шептались между собой, что Шнуров-старший будто бы обладает магической силой, которая якобы отрицательно воздействует во время встречи с ним на его собеседников. За многие годы соседства Ерболу не раз доводилось быть свидетелем, когда встретившиеся с Макаром Игнатьевичем на улице жители посёлка пугались его сурового и пронзительного взгляда и торопливо уступали ему дорогу. Теперь похожее тревожное чувство пришлось испытать ему самому.

Гнетущую тишину первым нарушил Макар Игнатьевич.

— Вот зашёл, чтобы отблагодарить вас за вашу доброту и человеколюбие, — сказал Макар Игнатьевич.

Не глядя в глаза Злихе и Ерболу, он торопливо достал из кожаной сумки красивый платок, связанный из тонкого козьего пуха, меховую безрукавку, отороченную по краям затейливой рюшкой, и положил на стол.

— Это всё вам, — сказал он и торопливо направился к выходу.

Сколько ни уговаривали Злиха и Ербол соседа остаться, выпить с ними по чашке чая с горячими баурсаками, но Макара Игнатьевич отказался. Погладив по голове их единственную семилетнюю дочь, которая испуганно жалась к ноге отца, он спросил её, улыбаясь одними глазами:

— Небось так же, как и отец, рыбачкой станешь, Карлыгаш?

— Трудно сказать, кем она станет. Жизнь на Арале вон как круто поворачивает в лучшую сторону. К следующей осени подрастёт — пойдёт в школу, а там, глядишь, после окончания десятилетки поедет учиться в Оренбург, хочет стать врачом, как ваша дочь Глафира, — добродушно заулыбался Ербол.

Нелегко далась Карлыгаш чете Бикжановых. Целых семнадцать лет Ербол и Злиха жили надеждой, что Всевышний наконец смилостивится над ними и наградит детьми. Каждый год была на сносях Злиха, да всё завершалось выкидышами. Преждевременные роды вконец извели Злиху, с годами она стала как-то виновато смотреть на Ербола, что не осчастливила мужа детьми. Своей печальной женской долей она однажды поделилась с дочерью Макара Игнатьевича — Глафирой, высокой, красивой, образованной женщиной. На станции поговаривали, что это её муж погиб в перестрелке с чекистами на Каспии. А ещё русские бабы — жёны железнодорожников — рассказывали, будто она в 1910 году окончила в Санкт-Петербурге медицинские курсы, а после работала в городе рыбаков на реке Урал — Гурьеве акушеркой в земской больнице.

Выслушав Злиху, Глафира, как и многие женщины, обделённые простым материнским счастьем, загорелась желанием ей помочь. Поговорив по душам с соседкой, она стала учить Злиху, как следует ей беречься, когда почувствует, что понесла в себе ребёнка, и та беспрекословно придерживалась всех советов Глафиры. Глафира сама же и принимала роды. К счастью, Злиха разрешилась благополучно. Дочь родилась вылитой в мать — такой же белолицей и черноглазой, только крутые скулы да ямочки на щеках были точь-в-точь как у Ербола.

После родов Глафира учила Злиху, как по часам кормить, пеленать, купать малютку, а когда ездила по делам в Оренбург, то привезла в подарок дюжину разноцветных резиновых сосок и стопку мягких фланелевых распашонок. Позже все свои нерастраченные материнские чувства и нежность Глафира перенесла на соседскую дочь, которая, когда подросла, нередко целыми днями пропадала в доме Шнуровых. В шесть лет Карлыгаш уже чисто говорила по-русски, в семь — Глафира научила её читать и писать, а ещё позже привила любовь к книгам, научила нехитрому женскому рукоделию — вышивке крестом на полотне, девичьей аккуратности.

Злиха в душе болезненно ревновала, а порой сердилась, когда Карлыгаш, будучи ученицей пятого класса, возвращаясь из школы, в первую очередь забежала к Шнуровым и делилась со второй мамой, как она называла Глафиру, своими успехами в учёбе.

Однажды Злиха в порыве припадка жгучей ревности попыталась высказать накопившую за все годы обиду взрослеющей дочери, как надоумила её старшая сестра — тётка Карлыгаш, но Ербол вовремя остановил жену.

С годами Злиха привыкла к чувству, что её родная дочь временами чаще тянется к соседке Глафире, чем к ней, родной матери. Но всё же нашла в себе силы и мудрость — переступить через свою душевную ревность и по достоинству оценить ту искреннюю заботу о дочери, которую вот уже 16 лет проявляла и проявляет о ней простая русская женщина.

Глава вторая

Из всех уроков ученики девятого “А” больше всего любили физику и математику. Эти предметы вёл сам директор школы Алексей Иванович Козлов. За глаза школьники называли его “лютиком едким”. Озорное прозвище старшеклассники “присобачили” директору, как они выражались, за то, что он всегда болезненно морщился, когда ученик, не выучив урок, мямлил у доски, переминаясь с ноги на ногу. Вся школа знала: Алексей Иванович терпеть не мог лодырей и не скрывал этого. И когда выставлял им в дневнике за невыученный урок жирную двойку, его лицо светилось непонятной радостью. Зато обожал отличников и спустя рукава смотрел на их шалости и проделки.

Но занятия директор вёл блестяще: когда объяснял новую тему — в классе стояла мёртвая тишина, даже было слышно, как в конце школьного двора гремели пустыми вёдрами уборщицы. Свои рассказы о новом законе физики или математики он непременно подкреплял интересными эпизодами из жизни учёных, кто их открыл. Именно от Алексея Ивановича в восьмом классе “А” ученики впервые слышали о великом сыне Греции — Архимеде, который был знаменит не только тем, что, садясь в ванну с водой, открыл один из важнейших законов физики и выбежал, в чём мать родила, на улицу с криком “Эврика!” — “Я нашёл!”. Но и ещё о том, что этот гений был патриотом своей отчизны. Когда его родной город Сиракузы осадили полки римлян, учёный сконструировал десятки механических катапульт, которые метали на головы врагов огромные камни и тучи тяжёлых копий. А когда предатели открыли врагам ворота в город, Архимед погиб, как солдат, от меча римского легионера.

Именно от директора ученики восьмого класса “А” впервые узнали о том, что великий математик Ньютон, открывший закон всемирного тяготения, слыл поразительным домоседом. Он ни на один день не покидал родную Англию и никогда не был женат. Да и влюбился великий математик, по утверждению биографов, лишь раз, мальчишкой, когда учился в Королевской школе в городе Грэнтэме. Эта девочка — была единственная романтическая любовь в его жизни, и верность ей он сохранил навсегда. И когда она в старости осталась одна, Ньютон регулярно навещал в деревне старушку, в которую превратилась ранее привлекательная девочка.

А после рассказа Алексея Ивановича о великом русском учёном — Михайле Васильевиче Ломоносове, создателе первого университета в России, весь восьмой “А” класс решил побывать летом в его родном селе Холмогорах, что в Архангельской области. Ребята намеревались подарить музею серию фотографий о знаменитых рыбаках Арала. Как-никак, ведь предки Ломоносова — поморы — тоже были бесстрашными рыбаками. А подбивал на это ребят Еркен Сулейменов — единственный в классе отличник по математике.

В классе он появился в прошлом году в конце первой четверти, до этого их семья жила в Астрахани. Но не прошло месяца, как всему классу стало ясно, что новичок буквально на лету схватывает новую программу, всегда предлагает несколько своих вариантов решения теорем, задач по алгебре, физике. А однажды и вовсе удивил одноклассников своей эрудицией. Это когда Алексей Иванович неожиданно запомнил фамилию создателя первой в мире динамомшины. Пока он морщил лоб, напрягая усталую память, Еркен подсказал, что это был Майкл Фарадей. Лицо Алексея Ивановича озарилось счастливой улыбкой.

— Откуда тебе известно, что это Фарадей? — удивлённым голосом спросил он у Сулейменова.

— У отца есть книга о знаменитых физиках и математиках мира. Там и почерпнул я эти сведения, — как-то по-взрослому ответил Еркен.

— Ты принеси, а мы почитаем её всем классом, — попросил Алексей Иванович.

— Хорошо, — ответил тот.

Карлыгаш Бикжанова до сих пор не может забыть свою первую встречу с Еркеном в конце сентября в прошлом году. А когда вспоминает, лицо мгновенно от смущения заливают горячая краска. И на то были свои причины.

... Первые поезда из России в Ташкент и обратно через станцию Аральское море пошли летом 1905 года, когда здесь проложили железную дорогу. Именно с той поры жёны, дети местных рыбаков стали торговать у пассажирских поездов рыбой. Стоило почтовому поезду прибыть на станцию, как к вагонам наперегонки друг с другом устремлялись толпы шумных торговков, предлагавшие пассажирам за бесценок вяленые и копчёные балыки, связки лоснящихся от жира знаменитых аральских лещей и воблы.

Вместе с соседскими девчонками бойко торговала рыбой и Карлыгаш. Именно той злополучной осенью она предложила Еркену и его отцу купить у неё вяленого усача, когда те с огромными баулами в руках едва сошли из вагона на перрон. Отстранив рукой назойливых торговков, отец Еркена тут же направился в сторону вокзала, а его сын, наоборот, начал прицениваться к рыбе, которую предлагала ему миловидная местная девушка.

Услышав цену, он стал энергично торговаться с ней. Карлыгаш не подозревала, что юноша просто решил разыграть её. После небольшой перепалки он предложил свою цену за рыбу, однако она оказалась в три раза меньше той цены, чем назвала Карлыгаш. Сверкнув чёрными глазами, она вырвала из рук парня рыбину, сказала сердито:

— Сразу видно, что кроме солёной кильки ты ничего в жизни не видел. Обидные слова больно задели самолюбие парня.

— Тоже мне, рыбацка, — оскорбился Еркен. — Мы с отцом на Каспии не таких усачей и белуг ловили, а с тебя ростом, — бросил он вслед девчонке. Но Карлыгаш не слышала его обидных слов, к её рыбе уже приценивались пассажиры из других вагонов.

... На следующий день перед началом занятий в классе появилась Раиса Фёдоровна, завуч школы, за ней в дверь робко протиснулся незнакомый парень лет пятнадцати-шестнадцати.

— Это наш новый ученик, а ваш — новый школьный товарищ Еркен Сулейменов. В наш город он приехал из Астрахани, — представила завуч новичка. И, обращаясь почему-то к Витьке Кузьмину, спросила у него:

— Будь добр, Кузьмин, подскажи нам, пожалуйста, где находится вышеназванный город?

Ученики недолюбливали Раису Фёдоровну за официальный и нравоучительный тон в обращении с ними и одновременно побаивались её. Тот, не вставая из-за парты, ответил.

— Верно, Кузьмин, на берегу великой реки в России — Волге. Однако, когда отвечаешь, — надо непременно вставать из-за парты, — скрипучим голосом отчитала завуч Кузьмина.

У Карлыгаш сильно забилося сердце, когда она увидела новичка: ведь это был именно тот парень, которому она вчера у московского поезда настойчиво предлагала купить у неё рыбу. Еркен также узнал Карлыгаш, и когда на большой перемене в проходе между партами столкнулся лицом к лицу с ней, неожиданно спросил:

— Ну как, вчера выгодно продала своего усача?

Лицо Карлыгаш вмиг покрылось густой краской, она впервые не нашлась, что ответить, и выбежала из класса. Потом весь следующий урок девчонки через мальчишек передавали ей записки, в которых спрашивали: о чём разговаривал с ней новичок. Но Карлыгаш скорее бросила бы школу, чем поделилась с подружками своей первой девичьей тайной.

С приходом Еркена Сулейменова девятый “А” постепенно распался на четыре группы любимых наук. В той, где больше всего было мальчишек, любимыми были физика и математика, а её признанным лидером сразу стал Еркен. Группу будущих литераторов возглавила Карлыгаш, химиков — Зинка Богатырёва, а историков — Гульнара Байсеитова. Особняком от всех стоял Витька Кузьмин, он больше всего обожал географию и ещё с самого раннего детства втайне мечтал стать путешественником, как Миклухо-Маклай обследовать неизвестные острова в Индийском океане.

Появившаяся с годами у учащихся целеустремлённость — глубже познать законы физики и математики — больше всего обрадовала Алексея Ивановича, и в этих устремлениях директор горячо поддержал девятый “А”. Он порой до глубокой ночи засиживался с учениками в классе, терпеливо разбирая с ними у доски сложнейшие задачи по физике и алгебре из учебников по высшей математике, азартно, до хрипоты спорил с детьми, предлагая свой вариант их решения. И присутствуя на занятиях незнакомый человек, он бы не сразу отличил среди спорщиков, кто из них ученик, а кто — директор.

Алексей Иванович, как и многие преподаватели из глубинки, был охвачен пламенной страстью: хорошо подготовить своих учеников к очередной математической олимпиаде школьников, которую ежегодно проводили в Оренбурге под патронатом областного отдела народного образования. И тем самым хотел доказать её инспекторам, что и в глубинке подготовка школьников поставлена не хуже, чем в больших городах.

(*В советское время город Оренбург в 30-40-50-е годы прошлого века носил имя В. Чкалова).

И добился своего: Еркен Сулейменов и ещё двое ребят из восьмого класса в июле стали победителями школьной олимпиады по математике среди учащихся восьмых и девярых классов. Целую неделю Алексей Иванович ходил по городу со счастливым лицом — теперь ему было чем козырять перед коллегами на августовском областном совещании учителей в Кызыл-Орде. Ведь Аральская железнодорожная средняя школа — единственная на Оренбургской железной дороге, чьи ученики завоевали медали на олимпиаде в Оренбурге. Этой радостной вестью Карлыгаш в первую очередь поделилась с Глафирой.

— Весь класс переживал за наших ребят, когда те уехали на олимпиаду. Мы даже два дня не ходили на море купаться, ожидая вестей из Оренбурга. Но больше всего я с подружками волновалась за Сулейменова: ведь он поехал на олимпиаду больной. Разве я вам не говорила, что Еркен сильно повредил руку, когда играл в волейбол? — горячо волнуясь, рассказывала Карлыгаш.

Глафира особым женским чутьём давно поняла, что из всех парней в классе Карлыгаш нравится Еркен. Сама, того не замечая, девушка часто откровенно рассказывала о нём Глафире — о его учёбе и поступках, и когда говорила, от волнения начинала слегка заикаться. Однажды, набравшись смелости, Глафира как бы ненароком спросила у своей воспитанницы: мол,

как давно между ней и Еркеном пробежала искра первых юношеских чувств? Но Карлыгаш, прыснув в ладони и закрыв лицо от смущения школьным фартуком, выбежала из комнаты. С того дня Карлыгаш впервые поняла, что простилась с детством и вступила в новую фазу своей жизни — юность.

Глава третья

Встречать победителей математической олимпиады на железнодорожную станцию пришли не только учащиеся старших классов, но и их родители во главе с директором школы Алексеем Ивановичем Козловым. Глафира задержалась в больнице и подошла позже. Именно она настояла, чтобы Карлыгаш по такому торжественному случаю надела модное платье, сшитое у знакомой портнихи-модистки к началу нового учебного года. Именно в тот день Злиха впервые по-настоящему заметила, как за последний год и за лето вытянулась и похорошела её единственная дочь. Даже постоянно недовольная чем-то ворчливая Дарига — её старшая сестра — и та, укорачивая подол длинного платья, которое Злиха обменяла на связку вяленой воблы у пассажира с московского поезда, заметила:

— Хороша у тебя дочь, Злиха. Она напоминает мне тебя в юности, такую же стройную и красивую, как распутившийся весной молодой тополь. Смотри, такая девушка-невеста, как Карлыгаш, долго в доме не засидится!

Но Злиха, смеясь, отшутилась:

— Нынче не те времена, чтобы в шестнадцать лет спешить замуж, — ответила она.

— Годы над любовью не властны, — с сомнением и тревогой в голосе заметила старшая сестра.

Дарига и сама в молодости слыла красавицей в посёлке. И замуж вышла рано и по любви за стройного и весёлого парня — рыбака из соседнего аула. Да вот не повезло ей в жизни: через год муж утонул в открытом море во время сильного шторма, когда возвращался с рыбного промысла. Сломленная тяжёлым горем, Дарига пыталась даже покончить с собой. Тайком от родных на верблюде она добралась до мыса Девичий, что каменной стеной возвышался над заливом Сары-Шаганак, и, не раздумывая, с закрытыми глазами и жутким стоном бросилась с обрыва в бушующие волны. Сильное подводное течение легко подхватило тело молодой женщины и понесло в открытое море. Но русские рыбаки, ставившие в этом месте сети, спасли Даригу.

После перенесённой трагедии она два месяца металась в белой горячке, Злиха сутками не отходила от сестры, пока та не поправилась. Позже Дарига намеревалась уехать на строительство рабочего посёлка нефтяников в районе реки Эмба, что в Актюбинской области. Добраться до рабочего посёлка по соседству с открытым нефтяным месторождением она намеревалась с караваном верблюдов, поставлявшим в эти места рыбу и соль. Но затем неожиданно для родных отказалась от этой мысли.

Лишь позже Злиха догадалась, почему. Однажды вечером она услышала осторожный стук в окно, на который тут же отозвалась Дарига. Чтобы не разбудить родителей и младшую сестру, она быстро накинула на голову отцовскую шубейку и по-кошачьи тихо через окно шмыгнула во двор.

Через неделю все бабы в ауле шептались между собой, что Дарига — дочь уважаемого всеми в посёлке старого рыбака Жумабая — спуталась

с Мырзатаем Жайляубаевым — развратником здешних баб, служившим десятником у местного рыбопромышленника. Эту новость с перекошенным от злобы лицом первой по посёлку разнесла его болезненная и невзрачная на вид жена Джамал. Родители Дариги долго не хотели верить тому, о чём давно судачили в посёлке злые языки. Но вскоре Злиха приметила, с каким аппетитом старшая сестра ест по утрам вяленую воблу и солёные ржаные баранки, которыми торговали в Аральске заезжие купцы из Казалинска. Злословить в посёлке перестали лишь после того, как вскоре Дарига родила сына, как две капли воды похожего на Мырзатаю, а ещё через полтора года — дочь.

Но жить на свете малышам довелось недолго. Обрушившаяся в 1897 году на Северное Приаралье эпидемия страшной болезни — холеры, как косой скосила чуть ли не всех малых детей в посёлке и прилегающих аулах. После смерти сына и дочери Дарига вся почернела, замкнулась, редко стала появляться на улице. Годы ушли на то, пока она оправилась от этого страшного удара. Однако с того самого чёрного дня никто не видел, чтобы она продолжала встречаться с Мырзатаем, хотя тот долгие годы упорно преследовал молодую вдову. Но вскоре неожиданное трагическое обстоятельство избавило Даригу от назойливого ухажёра.

В 1914 году началась война России с Германией, и Мырзатая, как единственного мало-мальски грамотного человека в посёлке, призвали на военную службу в кавалерию. Конный полк, сформированный в основном из местных казаков, был расквартирован на железнодорожной станции Донгузская в двадцати трёх километрах от Оренбурга. Через два года в посёлок пришла чёрная весть о том, что Мырзатай погиб в одном из боёв с немцами под Петербургом. Целую неделю двор рода Жайляубаевых сотрясал вой и плач женщин, три дня его жена Джамал билась на земле, захлёбываясь в истошном крике. Но больше всего местные бабы были сильно удивлены тем, что эта скорбная весть не задела лишь одну Даригу.

... Скорый поезд «Москва — Алма-Ата» задерживался, и ребята от нечего делать прямо на перроне затеяли литературную викторину. Инициатором была Зинка Богатырёва, а вела игру Карлыгаш. Она рассказывала отрывок из какого-нибудь литературного произведения или читала стихи, а участники викторины должны были либо назвать автора книги или стиха, либо название рассказа. Кто ошибался, того заставляли трижды прокукарекать петухом или захрюкать поросёнком.

Постепенно, не без помощи Глафиры, в игру втянулись взрослые. И тут Карлыгаш во второй раз так близко увидела отца и мать Еркена. В классе знали, что Сулейменов-старший работает главным инженером на судоремонтном заводе, а мать, астраханская казачка, — инспектором в районном отделе народного образования. Среди многих родителей они выделялись интеллигентным видом и глубокими познаниями в истории и литературе — поэтому чаще других выходили победителями в игре. А за других проигравших родителей, по правилам игры, петухом кричали и по-поросёчьи визжали их дети. Смех в эти минуты на перроне стоял невообразимый. За игрой встечавшие участников олимпиады не заметили, как прошло время.

Вскоре паровозный гудок известил о прибытии скорого пассажирского поезда, перрон тут же заполнили толпы женщин и подростков, торгующих рыбой. Когда паровоз миновал входные стрелки, из-за поворота показалась изогнутая дугой зелёная цепочка вагонов, Карлыгаш увидела

Еркена. Высунувшись из окна четвёртого вагона, он радостно размахивал рукой. Алексей Иванович, а следом за ним ученики и родители с криками “ура” побежали навстречу поезду. Карлыгаш впервые почувствовала, как её охватило непонятное радостное волнение. В суматохе она не заметила, что Еркен и трое ребят — победители математической олимпиады — прямо на ходу выпрыгнули из вагона, подбежали к Алексею Ивановичу, подхватили его на руки и стали подбрасывать в воздух. На помощь пришли их родители. Растроганный неожиданным вниманием, директор умолял учеников и их родителей “прекратить детские шалости”.

Кто-то из взрослых заметил, что по такому торжественному случаю неплохо было бы провести митинг. Станционные работники тут же принесли из зала ожидания небольшой стол, на крышке которого были вырезаны огромные буквы — НКПС — Народный комиссариат путей сообщения. Открывший митинг Алексей Иванович говорил сбивчиво и постоянно запинаясь от волнения:

— Отныне наш провинциальный городишко, наш город Аральск, — начал он, — войдёт в историю проведения математических школьных олимпиад в Оренбурге. Впервые трое учеников здешней железнодорожной школы стали её победителями и тем самым навечно прославили и наш город, и нашу школу...

Тут Алексей Иванович неожиданно прервал свою речь, видимо, подыскивая нужные слова, а затем добавил:

— Вскоре их имена, я уверен, золотой строкой будут вписаны в летопись нашего учебного заведения. Если нашу инициативу не поддержат в районном отделе народного образования, то это сделаю я — лично напишу их фамилии на фронтоне здания школы, — храбро заявил он.

Присутствующим идея Алексея Ивановича понравилась, они тут же наградили директора аплодисментами. Затем с дрожью в голосе он перечислил фамилии учеников-победителей математической олимпиады. Первым был назван Еркен Сулейменов.

Простые и тёплые слова директора школы о своих учениках до слёз растрогали родителей, и они, подхватив виновников торжества на руки, стали подбрасывать их в воздух. Прибежавший на шум и суматоху заведующий станционным буфетом поинтересовался, в честь кого на перроне устроили такой шумный митинг, а когда узнал в чём дело, помчался в буфет, принёс огромную бутылку с лимонадом и стал бесплатно угощать вкусным напитком собравшихся.

Когда торжественные страсти на перроне улеглись, отец Еркена предложил продолжить это знаменательное событие — устроить вечером на берегу моря, как выразился он, “пикник — с костром, ухой, чаем и вечерним купанием”. Его идею одобрили Алексей Иванович, ученики, их родители. А Витька Кузьмин первым вызвался развести огромный костёр и принести для ухи рыбу.

— Мой дед сегодня утром вернулся с рыбалки и привёз дюжину огромных сазанов, — радостно сообщил он.

Его слова утонули в одобрительном рёве восторженных голосов.

Организацией пикника на берегу залива руководил отец Еркена, а помогали ему Глафира и Алексей Иванович. По всему чувствовалось, что это занятие для них привычное.

В июле вечера на Арале чаще безветренные. Дневную духоту начала вытеснять наступающая с моря прохлада. Вечерняя мгла, словно чёрной

вуалью, постепенно окутывала местность. Взошедшая на небе яркая луна в один миг разукрасила поверхность залива серебряными бликами от одного берега до другого, а Млечный путь широкой жёлтой полосой разделил его на две половины. Вслед за звёздами на воде весело заплясали и огни огромного костра.

Приготовлением ухи занимались Глафира и мать Еркена, вскоре ароматный запах аппетитно разлился по побережью. Когда уха поспела, на стол, сооружённый прямо на земле из широких досок, по принятому в старину рыбацкому обычаю вывалили рыбу.

Карлыгаш и Зинка Богатырёва помогали женщинам разносить юшку в эмалированных чашках. Первым, естественно, поднесли виновникам торжества — победителям олимпиады. Когда Карлыгаш подавала чашку Еркену, он, принимая посудину с дымящейся ухой, на мгновение задержал в своих ладонях её руки. Хорошо, что было темно, и никто не заметил, как запылало огнём лицо девушки.

Весь вечер Карлыгаш не сводила глаз с Еркена. Но стоило парню посмотреть на неё, как она тут же отворачивалась и затевала с кем-нибудь из подруг поспешный разговор. Вот и днём на станции, когда одноклассники гурьбой кинулись поздравлять Еркена с победой и рассматривать золотую медаль, она одиноко стояла в стороне, пока отец Еркена не окликнул её:

— А ты, Карлыгаш, разве не хочешь поздравить одноклассника? — удивлённо спросил он.

За неё ответил Витька Кузьмин:

— Она у нас, Марат Сулейменович, увлекается литературой, поэтому математиков и путешественников считает людьми тихо помешанными, — съязвил он.

— Вон в чём, оказывается, причина, — улыбнулся отец Еркена. — Однако увлечение другими науками не должно служить препятствием для того, чтобы поздравить школьного товарища с успехом на математической олимпиаде, — заметил он.

— Болтун ты, Витька, — рассердилась на него Карлыгаш и, резко повернувшись, заторопилась к Глафире.

Она шла и каждой клеткой тела чувствовала, что ей в спину смотрит Еркен.

Глава четвёртая

Когда костёр догорел, а аппетитная уха была с шутками и смехом съедена, Алексей Иванович пригласил участников пикника купаться.

Те, кто многие годы прожил у берегов Арала, знает, какая тёплая в море вода июльскими вечерами. Особенно на большой глубине. И купаться в это время одно удовольствие. Мужчины и мальчишки быстро сбросили верхнюю одежду и побежали к воде, за ними устремились женщины. У догорающего костра остались лишь девчата. Однако никто из них не спешил раздеваться.

Так уж было заведено в те годы на Арале: девчонки и мальчишки 13-15 лет никогда не купались вместе, да и раздевались на берегу на приличном расстоянии друг от друга. Купаться в компании взрослеющих подростков девчата позволяли себе лишь после того, когда, став постарше, уже начинали прикрывать груди, как налитые соком ранние яблоки, лифчиками из простенького ситца. Карлыгаш сегодня впервые, под присмотром

Глафиры, надела нагрудник, потому и чувствовала себя в нём неудобно, и не решалась сбросить с себя платье.

Ситуацию разрядили парни: они принесли несколько вёдер с водой и принялись поливать ею девчат. Те с криками кинулись в разные стороны. Больше всех досталось Карлыгаш: её Еркен окатил водой с ног до головы. Она с визгом бросилась за ним, но в темноте споткнулась о кучу сухого камыша, и оба растянулись на земле. Еркен быстро вскочил на ноги, протянул Карлыгаш руку, помог ей подняться.

— С ума, что ли, сошли вы, мальчишки? — расстроено спросила она.

— Ну, не сердись! Я нечаянно. Давай помогу стряхнуть песок с платья, — виновато предложил он.

Карлыгаш покорно повернулась к нему спиной. Еркен стал усердно хлестать ладонью по подолу платья. Он пытался заговорить с ней, но не находил нужных слов. Вот ведь как иногда получается в жизни. В школе ему ничего не стоило завести беседу с любой девчонкой из параллельного класса, а тут вдруг оробел. С чего бы это? Ведь сегодня на станции он сам искал с ней встречи. А когда выпал такой момент, язык словно одеревенел.

Да и на олимпиаде Еркен постоянно думал о Карлыгаш, воспоминание о ней заставляло его сердце тревожно биться. Он вмиг представлял её стройную, гибкую фигуру, добрый взгляд близоруко прищуренных глаз. Однажды даже поймал себя на мысли, что воспоминания о Карлыгаш придают ему дополнительные внутренние силы и огромное желание найти оригинальное решение задач по физике и математике. Поэтому свою победу, считал он, справедливо делил с Карлыгаш. А когда ребята возвращались из Оренбурга домой, эти трое суток, что они провели в поезде, показались ему целой вечностью.

Но заговорить Еркену с Карлыгаш так и не удалось. Подбежала Зинка Богатырёва. Она уже успела раздеться, выжать мокрое платье.

— Эй вы, отшельники, идёте купаться, все уже давно плещутся в море!

Зинка схватила Еркена за руку и потянула за собой к берегу.

— Давай с тобой соревноваться, кто быстрее доплывёт до красного бакена, — предложила она. Потом, видимо, сообразив, что нехорошо оставлять подружку одну, спросила у Карлыгаш: — А ты разве не хочешь купаться?

— Вы идите, я сейчас только сброшу платье и догоню вас, — ответила она и направилась к тому месту, где только что разделись взрослые.

Зинка и Еркен наперегонки побежали к воде.

Карлыгаш растерянно посмотрела им вслед, её во второй раз обожгло доселе незнакомое чувство жгучей девичьей ревности. Ранее схожее душевное состояние однажды она уже испытала, когда на уроке ботаники Еркен неожиданно сел за парту рядом с Гульнаррой Байсеитовой и стал с ней о чём-то горячо шептаться. Об этом случае Карлыгаш доверчиво поделилась с Глафирой.

— Э, да ты, голубушка, оказывается, влюблена! — догадалась та.

Карлыгаш едва удержалась, чтобы не выбежать из комнаты Глафиры. Но та, увидев, как смутилась её воспитанница, сказала после длинной паузы и, как показало девушке, дрогнувшим голосом:

— Завидую я тебе, Карлыгаш. Самые чистые и светлые чувства бывают только раз в жизни — в юные годы, — с грустью заметила Глафира.

Глава пятая

Еркен оказался отличным пловцом. Он, словно дельфин, легко скользил в воде, отталкиваясь от её поверхности широкими и сильными ладонями рук. Зинка и Карлыгаш вначале едва поспевали за ним, но затем, устав, стали отставать. А когда до красных бакенов осталось метров двести, девушки окончательно выбились из сил и, чтобы передохнуть, словно русалки распластались на поверхности воды.

Догадавшись, что девушки отстали, Еркен повернул назад.

— Устали, подружки? — спросил он, подплывая к ним.

Но те не отозвались на его голос. В это время из-за облаков показалась полная луна, и мокрые лица девушек заискрились серебристым цветом. В ямочках на щеках Карлыгаш задержались капельки воды, в отблесках лунного света казавшиеся застывшими хрусталиками. В эту минуту её лицо показалось Еркену особенно красивым.

Не дождавшись ответа, Еркен ударил ладонью по воде так, чтобы направить струи брызг на их лица. Девчата завизжали и с шумом набросились на парня, стали в шутку топить его. Но их борьбу прервал протяжный крик Алексея Ивановича, оповещающая, что пора возвращаться домой. Еркен первым повернул к берегу, за ним, торопливо шлёпая ладонями по воде, поплыли Зинка и Карлыгаш.

Домой участники пикника возвращались шумной толпой. Все были довольны, особенно Алексей Иванович, тем, как непринуждённо и весело прошёл праздник. По дороге он принялся уговаривать Сулейменова-старшего, чтобы его сын после окончания десятилетки поступил учиться в Московский университет имени Ломоносова.

— Поймите, — горячился Алексей Иванович, — ваш сын очень любит физику, у него талант математика-исследователя. Экзамены в МГУ он одолеет с лёгкостью и тем самым ещё раз прославит Аральск.

— После университета выдающимся физиком, как датчанин Нильс Бор, мой сын наверняка не станет — кишка тонка, — возражал Сулейменов-старший, — а вот стать хорошим инженером-строителем морских судов, как его дед, ему по силам.

Спор между Долгеем Ивановичем и Сулейменовым-старшим продолжался бы ещё долго, не вмешайся в него мать Еркена.

— Спасибо вам, Алексей Иванович, за добрые слова напутствия и заботу о нашем сыне! Однако вначале хотелось бы услышать от самого Еркена, какую профессию он намерен получить. А пока сын ещё не определился, какой гранит науки в будущем он намерен грызть. То хочет стать учёным-математиком, то инженером, как его дедушка, который работает главным конструктором на судостроительном заводе в Астрахани. Да вот, боюсь, как бы на следующий год, после окончания средней школы, его не забрали на военную службу. В последнее время уж больно часто стали поговаривать, что в воздухе опять пахнет порохом. Как утверждают военные, неровен час, после захвата Польши Гитлер может двинуть войска на Восток.

— Тогда все парни нашего класса добровольно пойдут на фронт, чтобы защитить Родину от врагов! — запальчиво выкрикнул Витька Кузьмин.

Его поддержали все ребята. Но их патристический порыв остудил Алексей Иванович. Он уверенно заявил, что доблестная Красная Армия дальше границы Советского Союза врага не пустит. Разве мог Алексей

Иванович тогда — душным июльским вечером 1940 года — предположить, что война с Германией буквально на пороге, и они действительно скоро всем городом будут провожать парней-добровольцев — выпускников десятого класса казахской и русской средних школ на фронт. Конечно, нет!

Ближе к железнодорожной станции участники пикника как-то незаметно разбились на парочки. Еркен даже не успел глазом моргнуть, как Глафира под разными предлогами хитро увела Карлыгаш из окружения девчат и попросила его проводить их до дому. Сулейменову-старшему ничего не оставалось делать, как поддержать её просьбу.

Еркен ещё с первых дней знакомства приметил, что Карлыгаш относилась к нему не так, как к другим парням из их класса. Девушка в разговоре с ним часто бывала капризной, нередко беспричинно спорила по любому пустяку, но быстро сдавалась, если он даже был не прав. Он давно осознал, что между ними зарождалось какое-то необъяснимое чувство, которое, точно магнит, притягивало их друг к другу. Поэтому сегодня он неслучайно с обидой смотрел на Карлыгаш, когда та с азартом помогала Витьке Кузьмину чистить огромных сазанов для ухи. И когда рыба чешуя прилипла к его лицу, она стала заботливо сдвигать её со щеки парня, едва не касаясь губами. И этого было достаточно, чтобы потом весь вечер Еркен беспричинно дулся на одноклассника.

По дороге в рыбацкий посёлок Глафира, как опытная женщина, заметила, что в отношениях между Карлыгаш и Еркеном напряжённая скованность, что всегда возникает между юными парами, которым впервые, после томительных мук и ожиданий, представилась возможность остаться наедине. Чтобы развеять напряжённость, Глафира, вспомнив свою безмятежную молодость, стала вспоминать отрывки из повести Гюголя “Вечера на хуторе близ Диканьки”, какие запечатлелись в памяти ещё со времён учёбы на женских медицинских курсах в Петербурге.

— “Знаете ли вы украинскую ночь? — обратилась она к Карлыгаш и Еркену. И сама ответила: — О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в неё. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся ещё необъятнее. Горит и дышит он...”.

— “Земля вся в серебряном свете, — подхватила Карлыгаш. — И чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя...”.

Еркен тысячу раз был благодарен Глафире, когда она вскоре как бы мимоходом предложила им “ещё немного прогуляться под покровом благоухающей аральской ночи”, а сама быстро и незаметно скрылась в соседнем переулке, словно растворилась в ночной мгле. Еркен внезапно почувствовал прилив смелости. Он взял Карлыгаш за руку и крепко сжал её ладонь.

— Теперь домой я отпущу тебя не скоро, — сказал он и как бы нечаянно прижался головой к плечу девушки. От этого прикосновения у Карлыгаш разлился по спине пульсирующий огонь, девушка слышала, как Еркен теплотой своего дыхания обжигал её плечо и шею, но она словно не замечала этого.

Карлыгаш буквально опешила от настойчивости Еркена. Она испугалась, а что подумают о ней мать с отцом, когда их дочь заявится домой в двенадцатом часу ночи. Ведь до этого дня она никогда не задерживалась на улице дольше восьми часов вечера. Карлыгаш ещё с детства усвоила,

как недобро отзывались в посёлке о рано загулявших с парнями девушках. Однажды весной их незамужнюю соседку Камал старые женщины несколько раз видели, как она поздним вечером украдкой возвращалась домой с работы на рыбоконсервном заводе с женатым мужчиной. И пошли, завертелись по посёлку грязные сплетни. Ехидные улыбочки, косые взгляды, колкие слова знакомых женщин при встречах с Камал. Так её пожилая мать, устыдившись позора улицы, едва не прогнала родную дочь со двора. От этого поступка её с трудом удержала Дарига — тётя Карлыгаш.

... Затем вдруг, словно спохватившись, Карлыгаш неожиданно спросила:

— А что скажут мои родители? Они же волноваться будут, если я задержусь. Да и тебе, Еркен, домой пора, — виновато заметила она.

— Ну а до калитки дома-то тебя проводить можно? — обиженно поинтересовался он.

— До калитки — пожалуйста, — смущённо ответила Карлыгаш.

Возле дома Еркен и Карлыгаш остановились. Впервые оказавшись с девушкой наедине, Еркен торопливо подбирал нужные слова, тяжело дышал и волновался. Карлыгаш же, наоборот, инстинктивно замерла в ожидании от Еркена признания в первых обжигающих словах любви, которые так приятно волнуют сердца юных девушек. И страшно боялась этого признания.

Потребность в любви у неё вспыхнула неожиданно, сама собой, в шестнадцать лет, как и у многих девушек в её возрасте. И это первое неизведанное чувство настойчиво напомнило о себе, когда она в прошлом году встретила на перроне Еркена. Потом оно запылало в груди ещё сильнее, когда увидела его в классе вместе с завучем Раисой Фёдоровной. Новичок тоже сразу узнал в ней ту девушку, которую впервые встретил на вокзале, и очень мило улыбнулся ей, как давней знакомой. Правда, эта девушка была намного красивее той, что он встретил на перроне вокзала. Волосы на её голове были аккуратно прибраны в роскошную косу, которая по всей длине спадала на грудь. Загорелые щёки и дугой изогнутые тонкие, как стрелы, брови делали её лицо милым и завораживающе привлекательным...

Карлыгаш спохватилась первой. Чтобы ненароком не обидеть Еркена, она предложила ему утром пойти на море купаться.

— Вдвоём или, как всегда, как цыгане шумною толпою? — уточнил Еркен.

— Только вдвоём, — многозначительно подтвердила Карлыгаш. Обрадовавшись, Еркен на радостях попытался неловко обнять её, но она, вежливо отстранив его, поспешно скрылась в калитке.

Домой Еркен не шёл, а словно летел на крыльях. “До чего же прекрасна жизнь, чёрт возьми, когда всё в ней складывается удачно”, — размышлял он.

Глава шестая

Раннее июльское утро на Арале было безветренным и прохладным. В это время, куда ни кинь взгляд, голубая гладь моря уходила далеко за горизонт и широкой полосой сливалась с кромкой синего неба. И казалось, будто Аралу нет конца и края. На востоке, где в огненном пожарище нехотя всплывало солнце, ещё не растаяли серые предрассветные тучи, отбрасывая мрачные тени на подступающие плотно к берегу песчаные барханы,

поросшие корявым саксаульником. Лишь созданные самой природой полосы прибрежных пляжей особняком выбивались из общей гармонии слившихся воедино степного простора и гигантского водного бассейна. Озарённые первыми утренними лучами восходящего солнца, они казались усыпанными тонкой золотой пылью.

Утренняя прохлада отдавала терпким запахом влажной морской травы, выброшенной на берег ночным штормом, и горьким привкусом степной полыни. После ночного шторма Арал ещё не успокоился и продолжал шуметь накатывающимися на берег мягкими волнами.

Природа благосклонно отнеслась к Аралу в отличие от Каспия и Чёрного моря. Северный, западный и восточный его берега на сотни километров были окаймлены прекрасными песчаными пляжами. В иных местах песчаники далеко вдавались в море, образуя идеальные места для купания. Вода в море была настолько чистой и прозрачной, что можно было без труда разглядеть на глубине 20-30 метров плавающие в поисках корма серебристые косяки мелких рыб.

Прошло полчаса, как Еркен пришёл на то место к морю, где условились встретиться с Карлыгаш, однако она почему-то запаздывала, и эта неизвестность пугала парня.

Чтобы успокоиться, он стал рисовать пальцем на мокром песке разные затейливые детские рожицы. И когда оторвался от рисунков, то увидел, как в колыхающемся утреннем мареве из-за песчаных холмов показалась, точно сказочная фея, в лёгком летнем платье Карлыгаш. Нетерпеливым ищущим взглядом она окидывала берег. Увидев Еркена, радостно помахала ему рукой и ускорила шаг. И тут какая-то неведомая сила точно сорвала Еркена с места и понесла навстречу Карлыгаш. Поравнявшись с ней, он крепко стиснул девушку в объятиях. Карлыгаш закрыла глаза и, измученная бессонной ночью и томительными ожиданиями встречи, покорно прижалась к его плечу головой. В эту минуту она стала для Еркена каким-то святым существом. Сам того не понимая, что делает, он несмело поцеловал её в слегка приоткрытые губы. И неожиданно остолбенел от такого поступка. Заметив его растерянность, Карлыгаш, закрыв глаза, обняла его за шею и неумело поцеловала в щёку.

... И всё это утро для Еркена и Карлыгаш превратилось в счастливую сказку. Они долго лежали на песке, ещё не покинувшем ночную прохладу, и, не проронив ни единого слова, с замирающими от волнения сердцами, жадно целовали друг друга. Еркену в это счастливое утро многое хотелось сказать девушке. И о том, как он сильно тосковал о ней в Оренбурге. И что он влюблён в математику и физику, и что ему нравится, как Карлыгаш с выражением читает стихи Пушкина, особенно главы из "Евгения Онегина". И что любовь к девушке не есть просто эпизод в жизни юноши, а большое внутреннее чувство, которое заставляет парня ради неё совершать отчаянные поступки, но всё спуталось в голове.

Что касается Карлыгаш, то она также была обескуражена собственной смелостью, что с первой встречи позволила парню обнять себя. Хорошо ещё, что этого не видели Глафира и её родители. Ведь в школе она обычно робела, терялась при встрече с Еркеном. А тут... Она ли та девчонка, которую все женщины в посёлке считали тихоней и скромницей? Но казнила себя в мыслях Карлыгаш недолго, успокоив тем, что её одноклассницы уже давно целуются с мальчишками, с которыми дружат. А тут свидетелями

их первого свидания были лишь могучий Арал да прилетевшая стая белокрылых шумливых чаек, которая долго кружила над ними. Но разве море и птицы способны отвлечь два влюблённых сердца друг от друга!

— Я тоже думала, что не дождусь утра, — с детской откровенностью призналась Карлыгаш, краснея. Чтобы скрыть смущение, она закрыла лицо руками. А Еркен с трогательной радостью прижался к её горячему лицу щекой.

Он долго любовался Карлыгаш, так была она красива. Девушка молча лежала на песке с закрытыми глазами, точно дремала. Большая коса спадала до пояса, а слегка согнутые в коленях босые ноги отдавали смуглым загаром. Она не открыла глаза даже тогда, когда Еркен стал кончиком косы щекотать ей уши, нос, губы. А когда он осторожно приподнял её, чтобы подложить ей под голову снятую с себя рубашку, Карлыгаш неожиданно притянула его к себе, и они задохнулись в жарком и долгом поцелуе.

Успокоившееся после ночного шторма море засверкало голубыми красками. Вдали показались паруса первых рыбацких лодок. Еркену неожиданно пришла в голову озорная идея: он вскочил и, сложив рупором ладони рук, закричал что есть мочи:

— Солнце и твои косые лучи, будьте свидетелями, как я люблю Карлыгаш! Арал, ты слышишь, как я люблю эту девушку? Тебе, древний и могучий Арал, я кланяюсь в пояс за то, что ты на своём берегу в едином порыве соединил наши сердца и души. И я буду вечно благодарен тебе, Арал, за это! Ты слышишь меня, о море!

Его слова гулким эхом отозвались по всему побережью и, перекатываясь среди песчаных барханов, понеслись дальше в степь, разнося историю о первой светлой любви юных аральцев.

Карлыгаш приподнялась на колени.

— Ты с ума сошёл, Еркен, — сказала она испуганным голосом. — Люди же услышат, — и стала в шутку закрывать ему рот ладонями.

— Ну и пусть знают, как я сильно люблю тебя. Что в этом постыдного? — спросил Еркен. И сам себе ответил: — Ничего!

В тот день парень и девушка поклялись никогда не расставаться друг с другом. А в свидетели их искренности своих слов призывали опять же седой Арал, на берегу которого на мокром песке они крупными буквами вывели "Еркен + Карлыгаш = любовь! 27 июля 1940 года".

Вечерний прилив, а вместе с ним нахлынувшие волны вскоре смыли строку признания парня и девушки в пылкой любви, но было поздно. Все жители железнодорожной станции и посёлка уже знали, что дочь старого рыбака Ербола Бикжанова и сын главного инженера судоремонтного завода Сулейменова, оказывается, встречаются как жених и невеста. Эту весть принесли мальчишки и девчонки, которые в первой половине дня ходили купаться на море.

Но никто из жителей станции и посёлка не знал главного: в то утро парень и девушка дали на берегу моря обет верности друг другу, что никакие трудности, обстоятельства в жизни не разлучат их. И куда бы потом ни забросила их судьба после окончания средней школы, они всегда будут помнить об Арале, на берегу которого они объяснились в своей любви.

Окончание в следующем номере.

Акылбек ШАЯХМЕТ

Кунтимес — родина Чокана

Великий казахский учёный, просветитель-демократ, писатель и художник Чокан Валиханов (1835 — 1865) вошёл в историю казахской литературы как исследователь культуры народов Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана. Некоторые его труды можно назвать шедеврами публицистики. Он является первым переводчиком киргизского героического эпоса “Манас” на русский язык. Многие устные сказания были собраны им в родной степи.

Чокан, одним из первых из казахской среды сумевший подняться до вершин научного и общественного прогресса России XIX века, является нашим земляком. И костанайцы вправе гордиться, что наша степь дала миру таких замечательных людей, как Валиханов и Алтынсарин. Я остановлюсь только на малоизвестных фактах биографии Чокана.

Акылбек Кожаяулы ШАЯХМЕТ

родился 17 июня 1951 года в селе Забеловка Джетыгаринского района Кустанайской области. Известный казахский писатель, журналист-публицист, поэт, драматург, переводчик.

Окончив казахскую среднюю школу, был чабаном в совхозе “Шевченковский”. С 1968 года работал в Аулиекольской районной газете, впоследствии — корректором, корреспондентом, заведующим отделом редакции газет “Жетысу” (Алма-Ата) и “Костанай таны” (Кустанай). Закончил факультет журналистики КазГУ и Литературный институт в Москве. С 1982 года — редактор Кустанайской телерадиокомпании, с 1986 — литературный консультант Союза писателей Казахстана по Кустанайской и Тургайской областям, председатель правления областной организации общества “Казах тили”. С 1994 г. — заместитель начальника Костанайского областного управления по языкам. В дальнейшем работал заместителем председателя областного комитета по национальной политике, заместителем начальника областного управления культуры, заместителем директора областного департамента образования, директором института казахской и русской филологии КГУ имени Ахмета Байтурсынова, деканом

факультета журналистики, директором медиа-центра КГУ. Кандидат филологических наук.

Акылбек Шаяхмет — член Союза писателей СССР с 1983 года. Член правления Союза писателей Казахстана. Был делегатом Всемирного 1-го и 3-го курултая казахов, республиканского форума народа Казахстана, членом Ассамблеи народов РК.

Лауреат Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества, республиканских поэтических состязаний (мушайры). Победитель республиканских конкурсов “Астана-Байтерек” (2007 и 2008 г.).

Автор 25 книг, среди которых широко известны “Пирамида”, “Моя орбита”, “Земля-колыбель”.

Плодотворно работает и в жанре драматургии. Его перу принадлежит несколько пьес. Автор книг для детей дошкольного возраста. Некоторые произведения из них включены в учебники.

Акылбек Шаяхмет переводил на казахский язык стихи Расула Гамзатова, Якуба Коласа, Ивана Драча, Арсения Тарковского, поэтов Северного Кавказа. Выпустил документальную повесть о жизни общественного деятеля Елдеса Омарулы. Издал книгу поэта Нуржана Наушабайулы “Алаш”.

А. К. Шаяхмет — давний автор “Нивы”.

В 1984 году Главной редакцией Казахской Советской Энциклопедии в честь 150-летия со дня рождения Ч. Валиханова был осуществлён выпуск юбилейного издания — пятитомного собрания сочинений. В очерке жизни и деятельности казахского просветителя-демократа, написанном выдающимся учёным, академиком Алкеем Маргуланом, говорится: “Чокан Валиханов родился в ноябре 1835 года в крепости Кушмурун. Об этом свидетельствует формулярный список о службе Чокана Валиханова, хранящийся в архиве Министерства иностранных дел СССР”.

Исходя из этого, во всех источниках и публикациях местом рождения Чокана указывается Кушмурун, хотя сам академик Маргулан не раз говорил, что Чокан родился вблизи Кушмурунской крепости в местности Кунтимес. Об этом свидетельствует книга журналиста-публициста Жарылкапа Бейсенбаева “Судьба Чокана”, выпущенная издательством “Жалын” (1987 г.).

В 1881 году в Омске в типографии окружного штаба был напечатан составленный есаулом Н. Г. Путинцевым хронологический список “Из истории сибирских казачьих войск”, где приводятся краткие комментарии, начиная с 1789 года. В этом списке указано, что после 1844 года Аманкарагайский округ был ликвидирован и стал называться Кушмурунским.

“Этот факт доказывает, — пишет Бейсенбаев, — что не соответствуют истине утверждения, будто Аманкарагайский округ стал называться Кушмурунским в 1835 году и семья Чингиса Валиханова поселилась в крепости. Следовательно, когда Чокан родился, Кушмурунская крепость ещё не была построена. Здесь надо учитывать, что старший султан округа не всегда жил в крепости и нередко ставка его размещалась поблизости от неё, где он мог держать хозяйство, а в крепости проживали войска казачьего гарнизона во главе с командиром, то есть помощником старшего султана — русским офицером. Точно так же, когда отца Чокана назначили старшим султаном Кокчетавского округа, он жил не в самой станице, а в Сырымбете — усадьбе своей матери, находившейся в 80-ти километрах от центра округа”.

И самым главным аргументом, что Чокан родился не в Кушмуруне, а в Кунтимесе, является карта самого Чокана, где местность Кунтимес названа “биздин уй” — “наш дом”. “Там Чингиз собирал своих русских друзей, там с ним беседовали учёные, журналисты и многочисленные инженеры”, — писал Алкей Маргулан.

Кунтимес в застойные времена переименовали в Сосновку. Теперь историческое название “Кунтимес” (“Солнце не падает”) возвращено бывшей ставке отца Чокана, расположенной на территории Краснодонского конезавода Сарыкольского района. Здесь нетрудно найти и остатки фундамента дома европейского образца, колодцев для питьевой воды и отдельно для скота.

В книге “История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков” (8 том, часть 1-я. Алматы, Дайк-Пресс, 2006 г. 143 стр.) в архивных документах написано: “Чингис Валиханов, султан, 29 лет. Умён и скромн. Достаточен. Уваковской волости, рода и отделения янсаринского. Старшим султаном Аман-Карагайского окружного приказа — с 1834 г., августа 30-го дня, состоит оным и донине. Был награждён чином майора в 1838 г. Под судом не был, предан. Летние кочёвки при реках Ишим и Акан-Бурлук, от 70 до 80 вёрст на юго-восток, зимние — на урочищах Куньтимес, Куян, в 40 верстах на восток от приказа”. Из этого документа становится ясным, что Кунтимес был зимовьем.

Таким образом, нет сомнения, что местом рождения Чокана является Кунтимес.

В рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге хранится “Карта киргизской степи, подведомственной сибирскому начальству”, составленная в штабе отдельного Сибирского корпуса, где указаны примерные места кочёвок различных казахских родов.

Крепость Кушмурун, несомненно, тоже имеет непосредственное отношение к биографии Ч. Валиханова. Здесь Чокан часто бывал, учился в местной казахской школе, овладел основами арабского письма и научился рисовать.

Султанские дети, по обычаю, должны были знать языки не менее семи народов. И, как видно из архивных данных, Чокан умел читать на кипчакском и чагатайском наречиях, занимался тюркскими языками, хорошо усвоил не только арабскую, но и уйгурскую грамоту. “Жети журттын тилин билгенин, жети кырдан асканын”, — гласит народная мудрость. В подстрочном переводе это звучит так: “Кто изучит языки семи народов, тот преодолеет семь перевалов”.

В книге известного учёного, кандидата философских наук Тулеша Сулейменова (“Сегіз-сері”, “Аңер”, 1991) подробно описываются обстоятельства, при которых дали имя новорождённому. Известный акын и композитор, легендарный народный герой Мухамедканания Шакшаков (Сегіз-серэ — его прозвище) был самым близким другом отца Чокана — султана Чингиса. Он, укрываясь от гонения царских властей, в середине ноября 1835 года находился в гостях в местности Кунтимес. И именно в этот день Зейнеп-ханум родила сына, а в честь высокого гостя дали ему имя — Мухамедканания. Эти достоверные сведения взяты из архивных данных, которые хранятся в Институте истории и этнологии имени Ч. Валиханова Академии наук Республики Казахстан (из рукописного фонда, по материалам К. Сураганова и М. Ахметова).

Академик А. Маргулан позже изменил своё мнение и утверждал, что местом рождения учёного является Кунтимес. Но некоторые исследователи биографии учёного пытаются доказать обратное, ссылаясь на прежние очерки А. Маргулана, где Кунтимес описывается как летняя ставка на джайляу. И в книге Ирины Стрелковой из серии ЖЗЛ указывается, что “первенец султана Чингиса и Зейнеп родился в ноябре 1835 года — точно день неизвестен — в крепости Кушмурун”.

Хочу обратить внимание на то, что и Маргулан, и Стрелкова в жизни не посещали ни Кушмурун, ни Кунтимес, а автобиографические данные учёного были взяты из формулярного списка. Если учитывать природу северного края, то в ноябре на джайляу могли находиться только бедные джатаки. О том, что Кунтимес является зимовьем, свидетельствуют и воспоминания жителей этого аула.

Хотелось бы полностью познакомить читателей с письмом Института истории и этнологии имени Ч. Валиханова Академии наук Республики Казахстан, которое подписали директор института академик М. Козыбаев, научные сотрудники, кандидаты исторических наук Е. Валиханов и С. Утениязов: “О том, что великий учёный казахского народа Ч. Валиханов родился в Кушмуруне, писали его первые биографы Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев. Этот факт оставался без изменения до А. Маргулана. Самый крупный чокановед нашего века Маргулан открыл многие неизвестные страницы жизни и научной деятельности учёного. Он также изменил своё мнение о месте и годе рождения, названных до него, подчеркнул, что Чокан родился в Кунтимесе.

На самом деле, если опираться на архивные документы, Аманкарагайский округ был основан 30 августа 1834 года, старшим султаном округа

избран Чингис Валиханов (ЦГАРК, фонд 338, папка 1, дело 31, стр.74). Осенью 1835 г., когда появился на свет Ч. Валиханов, центр Аманкарагайского округа находился в Кунтимесе, Кушмурунской крепости тогда не было. Где же тогда должен родиться Чокан, кроме Кунтимеса? Переезд в Кушмурун начался в 1840 году, а школа в крепости была построена в 1842-1843 гг. (ЦГАРК, фонд 374, папка 1, дело 1083).

В 1844 году в связи с переводом Аманкарагайского округа в Кушмурунскую крепость и округ стали называть Кушмурунским (смотрите книгу "История Сибирского казачьего войска", Омск, 1891 г., составитель Н. Г. Путинцев). Поэтому во всех документах до 1844 г. округ именуется Аманкарагайским, а после этого года — Кушмурунским. <...>

Конечно, Кунтимес и Кушмурун являются местами, где прошли детские годы Чокана. Чингис в Кушмуруне открыл школу, обучал грамоте многих казахских детей вместе со своим сыном. Названные населённые пункты занимают особое место в истории Казахстана. Если в одном родился великий учёный казахского народа, то во втором прошли его детские годы. Поэтому нет почвы для спора". (Письмо датировано 04.08.94 г., №54/139).

Тем не менее, не утихают страсти вокруг исторических местностей. Этот спор порою напоминает взгляды на Каспийское море: если одни Каспий считают морем, то другие называют его озером. Но Каспий есть Каспий, а Чокан Валиханов — всемирно известная личность, которую нельзя втиснуть в узкие рамки какой-нибудь местности.

К большому сожалению, до сих пор не увековечена память великого учёного на его родине. Памятник Чокану в Кокшетау установлен на земле его предков, построен мемориальный музей и установлен памятник в Алтынемеле — где покоится прах Чокана. А что касается Костаная, то разводим руками.

Статья доктора исторических наук, профессора Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова Кадыржана Абуева "Неизвестный мир Чокана", опубликованная в газете "Казахстанская правда" за 3 декабря 2005 года (№ 333-334), вызвала удивление. Нужно внести ясность по данной публикации, потому что предположения уважаемого историка о месте рождения Чокана вызывают некоторое удивление у общественности республики. Ранее твёрдо убеждённый в том, что Чокан действительно родился в окрестностях озера Кушмурун (он сам же пишет, что в своих докладах неоднократно об этом говорил), вдруг решил дать новые сведения, не совпадающие с ранее выверенными историческими свидетельствами.

С. Муканов в книге "Промелькнувший метеор" и Ж. Бектуров в своих статьях утверждали, что Чокан родился в Кунтимесе. Ж. Бектуров считал, что местность Кунтимес находится на территории Аулиекольского (бывшего Семиозёрного) района. На самом деле аул Кунтимес расположен в Сарыкольском (бывшем Урицком) районе.

Нельзя согласиться с утверждением К. Абуева о том, что Чингис — отец Чокана жил в Кушмуруне лишь до 1842 года. Откуда взяты такие данные, где затерялись ещё 11 лет из биографии Чингиса Валиханова — бывшего старшего султана Кушмурунского, а затем Кокшетауского округа? Хотя, согласно царскому положению, старших султанов избирали только на 3 года и на один срок, Чингис как грамотный служащий, уважаемый народом степи правитель (родов атыгай, керей, кипчак, уак, расположенных у берегов рек Обаган, Кундызды, Терисбукат и вокруг озера Кушмурун) избирался на эту должность 6 раз подряд в течение 19 лет.

Чингис Валиханов в должности старшего султана находился до 1853 года. На выборах, состоявшихся в том же году, администрация Западной Сибири больше не пропустила его на пост старшего султана.

Одной из причин такого решения царских властей стало якобы то, что султан как образованный человек нужен был в Омске. В архивах есть документ, подписанный от имени царя Николая Первого: “Старший султан Кушмурунского округа... выступает в должности советника областного правления Сибирских киргизов, но впредь до нового распоряжения может оставаться в кочевьях своих”.

Всей республике известно, что представители интеллигенции Кокшетау приложили много усилий для увековечения памяти великого сына казахского народа, глашатая дружбы между русским и казахским народами, просветителя, историка, этнографа, путешественника, художника Чокана Валиханова, его имя дорого не только казахам, но и всем казахстанцам и россиянам.

Глубокие знания казахского, русского и других европейских языков дали возможность Чокану сказать, что в Европе до сих пор господствует ложное понятие, представляющее кочевые племена в виде свирепых орд и беспорядочных дикарей. Понятие о кочевом монголе или киргизе тесно связано с идеей грубого и скотоподобного варвара. Между тем большая часть этих “варваров” имеет свою литературу и сказания — письменные или изустные.

Прекрасного писателя, удивительного художника можно назвать наилучшим переводчиком своего времени. Например, многие поговорки на русский язык он перевёл так точно, что лучше не скажешь. “Ата к рген о жонар, ана к рген тон пішер” — “Видевший отца — будет точить стрелу, а видевшая мать — кроит шубу”. “Етігі! тар болса, д ниені! ке! дігінен не пайда?” — “Когда сапог тесен, то нет для тебя пользы от благоденствия мира”. “Бас а п ле — тілден”. “Голове откуда беда? От языка!”.

Пожалуй, трудно найти тему, которой не касался бы Чокан в своих исследованиях по этнографии и истории казахов. Это и описание древних могил, насыпей, устройства и убранства казахской юрты и кибиток табунщиков, подробностей изготовления составных частей киргиз-кайсацкого пороха, запись преданий о батырах XVIII века, о системе управления у казахов Старшего жуза.

Интересны взгляды Чокана на хлебопашество, если до него (да и впоследствии) многие утверждали, что кочевники занимались только скотоводством, то он утверждал обратное: “С некоторого времени киргизы, а особенно зажиточные, сеют пшеницу в достаточных размерах для своего существования, вообще хлебопашество появилось в Большой орде со времён Байкабыла, одного из главнейших родоначальников рода джаныс в начале XVIII столетия”. Он замечает, что в Большой орде более чем где-либо развиты понятия о садоводстве и огородничестве.

Прихожу к мысли, что, не прочитав творения Чокана, не состоялся бы как поэт Олжас Сулейменов. Прочитав пояснение Валиханова о том, что “есть круговая жертва — айналма”, жертва три раза обходит существо, для которого люди (это) делают. Так, схватывают птицу, окружают три раза вокруг головы и отпускают. Она берёт все мои несчастья и болезни на себя. Человек, делая то же, принимает и предлагает себя духам. Для выражения любви они говорят айналайын — обойду вокруг”, Олжас написал: “Кружись, айналайын, Земля моя, как никто, я сегодня тебя понимаю, все болезни твои на себя принимаю”...

Чокан Валиханов все эти боли мира принимал на себя.

Розы семьи Сатпаева

В апреле прошлого года мы отмечали 110 лет со дня рождения крупного учёного-геолога, первого президента Академии наук Казахстана Каныша Имантаевича Сатпаева. И, думается, это, наверное, очень символично, что великий сын казахстанской степи родился ранней весной, когда вокруг оживает природа, теплее бьют родники и появляются первые хрупкие цветы — подснежники...

Обычно в такие дни я обязательно получал письмо из Алматы от дочери К. И. Сатпаева Меиз Канышевны с праздничной открыткой-поздравлением с Наурызом. И каждый раз удивлялся, как это Меиз Канышевна, очень занятой человек, доктор минералогических наук, не забывала прислать мне весенний привет. Конечно, я в своё время очень много писал о Сатпаеве, даже посвятил ему свою книгу “Медь Жезказгана”. Но ведь не один я с благодарностью и любовью рассказывал о Каныше Имантаевиче ...

А всё дело в том, что Меиз Канышевна была очень чутким и заботливым человеком. Её можно причислить к тем одарённым людям, которые никак не могут жить без любви и дружбы, без благодарения и общения. Долгие годы переписки с ней меня убедили в том, что она — достойная дочь великого Сатпаева.

Почему я пришёл к такому выводу? Да потому, что ни в одном письме Меиз Канышевна не забывала упомянуть добрым словом своих родителей — отца и мать, которые дали ей большое дыхание жить творчески, привили ей любовь к родной Сары-Арке, к уникальной профессии геолога-минералога.

Читая её письма, я каждый раз заново ловил себя на мысли: а всегда ли мы бываем так же чутки к своим папам и мамам, благодарны им? Мне почему-то вспоминалась беседа с академиком, Героем Социалистического Труда Абылкасом Сагиновичем Сагиновым, когда он с печалью в голосе рассказывал о том, что многие иногородние студенты, поступив в “политех”, забывали поздравить своих родителей с праздником, написать им хотя бы два-три тёплых слова: “Дорогая мама, дорогой отец...”. И те обращались с жалобами прямо к нему, спрашивая, почему дети не пишут, что с ними?

Меиз Канышевна с детства была воспитана на большом поклонении и почтении своих родителей. И это было, как говорится, взаимно, ибо Каныш Имантаевич и Таисия Алексеевна уважительно относились к своим детям, не повышали на них голос, не дёргали попусту и не “наставляли”. Их личный пример трудолюбия, взаимного согласия действовал лучше всяких назидательных и правильных “речей”.

Меиз Канышевна как-то мне написала, что про её отца сочинено, издано очень много, а вот её маму писатели зачастую забывают даже упомянуть. А если пишут о ней, то больше как о заботливой домохозяйке, гостеприимном человеке.

Меиз Канышевна писала: “Мне за мою маму обидно в таком плане: когда пишут о нашем карсакапайском периоде жизни, то почему-то многие

писатели изображают её больше домохозяйкой: то она жарит блинчики, то готовит чай для гостей... И это ведь неправда, всё хозяйство у нас вела бабушка, Фелицата Васильевна... А мама ведь в Карсакпае работала усердно, так же, как папа, в геологическом отделе... она ведь была отличным минералогом и наладила в Карсакпае прекрасную лабораторию, не уступающую столичным (ей-богу!), и создала там редкостный геологический музей. Я в музее часто бывала. Там таинственно пахло, но не цветами, а рудой... Мама умела увлекательно рассказывать о минералах, о их пользе для людей. Я всё это впитывала, как губка".

Далее Меиз Канышевна писала, что давно задумала издать книгу о матери, о её верности и преданности отцу. Если бы ни её трогательная забота о Каныше Имантаевиче, то, может быть, и не засияла бы так ярко и притягательно звезда Сатпаева. Мужчины добиваются успеха только тогда, когда у них есть крепкая семья, надёжный тыл. Таким надёжным тылом для Сатпаева стала Таисия Алексеевна Кошкина, его супруга, друг, соратница по борьбе за Большой Джезказган. Именно благодаря ей в Карсакпае впервые были организованы не только прекрасная минералогическая лаборатория, но и фотолаборатория, отличный минералогический музей.

И я нисколько не удивился, когда получил от Меиз Канышевы абсолютно новую книгу Таисии Алексеевны Сатпаевой о своём великом муже, выпущенную в издательстве "Гылым". Составителем и ответственным редактором этой книги выступила дочь Сатпаева. Она же написала предисловие к книге о своей матери, её совместной жизни с Канышем Имантаевичем, наполненной трудом и большими свершениями во имя процветания Казахстана.

Книга получилась удачной — в ней много нового и полезного для читателя о жизни семьи великого геолога и учёного. Мало кто знает, например, что в 1934 году в Москве на сессии Академии наук СССР, посвящённой проблеме Большого Джезказгана, с докладами о результатах изучения джезказганского месторождения выступали не только Каныш Имантаевич Сатпаев и Михаил Петрович Русаков, но и Таисия Алексеевна Сатпаева (Кошкина). Чуть позже её доклад был опубликован в сборнике "Большой Джезказган".

Однако считаю, что особой заслугой Таисии Алексеевны стало открытие в рудах Джезказгана рения — серебристо-белого тугоплавкого металла. На Джезказганском медьзаводе его получали и получают в виде перенната аммония, рениевой кислоты и металлического порошка. Как известно, это очень ценный металл, его применяют для изготовления деталей электронных приборов, катодов, масс-спектрометров, термодар. Рениевые покрытия служат для защиты других металлов от коррозии...

Не упоминая Таисию Алексеевну в связи с обнаружением рения в джезказганской руде, писатели поступают несправедливо. Тем более, что ей посмертно присвоили за это открытие диплом и медаль Министерства геологии СССР "Первооткрыватель месторождения рения в Джезказгане".

Меиз Канышевна перечисляла в книге и другие заслуги её матери перед отечественной геологией. И тут же добавляла, что не занимайся она наукой, а будь просто супругой Сатпаева, то и тогда бы её имя осталось навечно жить в истории Казахстана. Ведь она оставалась верной подругой

Каныша Имантаевича даже в самые тяжёлые для него годы, поддерживала его морально и вновь поднимала на трудовые подвиги. Особенно это ярко проявилось в те дни, когда Сатпаева сместили с должности президента Академии наук Казахстана, несправедливо упрекнув в развале академии и национализме. Она не дала ему упасть, заболеть, выехав с ним в Москву и Кисловодск. Она же поддержала Каныша Имантаевича в написании письма Сталину, что и спасло его имя, и славу, и честь, и творчество.

Кстати, для окончательного торжества правды надо отметить, что никто из геологов, писателей не сделал больше для увековечения памяти К. И. Сатпаева, чем Таисия Алексеевна. Она стала единственной хранительницей и редактором большинства материалов из личного архива академика, инициатором издания пятитомника его избранных трудов, библиографии, сборника воспоминаний, создания музеев в Карсакпае и Баянауле. Она не жалела времени для встреч с писателями, журналистами, рассказывая о совместной жизни с Канышем Имантаевичем, сама написала две огромных статьи о нём, а затем и документальную повесть “Каныш Имантаевич Сатпаев”, которая впервые опубликована в подаренной мне книге, подготовленной дочерью.

Известный казахстанский поэт Какимбек Салыков назвал период совместной жизни К. И. Сатпаева и Таисии Алексеевны в Карсакпае “временем роз”. Действительно, их сад жизни не был запущенным и сиротливым, они вырастили в нём немало прекрасных цветов, в том числе любящую их Меиз.

Жаль, что в книгу о матери не вошли её эмоциональные воспоминания о Карсакпае, том времени, когда она была ещё маленькой девочкой, делающей свои первые шаги в этот огромный тревожный мир... Между тем в её письмах, адресованных мне, было немало добрых слов о жизни в Карсакпае семьи Сатпаевых. Тепло и взволнованно она описывала, например, первую ёлку, которую по просьбе Каныша Имантаевича отправил из Москвы в Карсакпай самолётом геолог Богданчиков. Она писала:

“Ту ёлку, которую отправил Иосиф Богданчиков, я помнила очень хорошо. Её ведь сбросили в Карсакпай с почтового самолёта — запакованную частями (то есть её распилили в Москве, зашили в мешки и эти мешки сбросили, так как самолёт не смог сесть из-за погоды). И у нас в Карсакпае эти части собрали, привязали к палке, и потом эту ёлку носили показывать из дома в дом, и везде были праздники! Мы, детишки, были все в новогодних костюмах. И костюмы те нам делали не формальные, а очень сложные — бабочки с крыльями стрекозы, цветы и тому подобное...”.

Вообще о Карсакпае, жизни там в те далёкие годы Меиз Канышевна вспоминала с большим удовольствием. “Какие были тогда великолепные балы для старшекласников! — писала она. — Помню, как моя бабушка Фелицата Васильевна задолго до бала начинала шить маскарадные костюмы старшим — сестре Ханисе, Ханен (племянница папы, дочь его брата, жила у нас) и Кемалю (племянник папы, сын его сестры, умершей во время голода в 1932 году, тоже жил у нас). И всегда, к радости всех, всей нашей семьи Ханиса, Ханен и Кемаль получали за костюмы призы. Мы с бабушкой тоже ходили смотреть на эти праздники в школу. И были очень

довольны. В школе тогда существовал “шумовой оркестр” (инструменты для него по поручению коллектива привезли из Москвы мама с папой), драматический кружок (помню, весь посёлок ходил на “Ревизора”, мы с бабушкой тоже). Для школьной ёлки часто отправляли в Улытау машину за арчей, а потом ставили в широком коридоре-зале высоченную палку и привязывали к ней ветки арчи. Аромат был сказочный! А сколько радости...”.

Далее Меиз Канышевна описывала Карсакпай тех времён.

“Карсакпай — это моя родина. Я там жила до второго класса. Это самое удивительное место на земле. В тридцатые годы там жили редкостные люди... Это был центр огромного края, оторванного от Большой земли (связь только через Джусалы — 400 километров по Бетпакдале). И как полнокровно, дружно и жизнерадостно мы там жили!

В Карсакпае в те времена были исключительно умные и сердечные учителя. Например, моя старшая сестра Ханиса Канышевна в 1939 году после окончания Карсакпайской школы с блеском поступила в Алма-Атинский медицинский институт... А мальчик Кемаль, племянник папы, который жил у нас с семилетнего возраста, учился в Карсакпайской школе, стал сейчас известным археологом Кемалем Акишевичем Акишевым. Он был ближайшим сподвижником академика А. Х. Маргулана, одним из авторов книги “Древняя культура Центрального Казахстана”. Именно он открыл “Золотого человека”, о котором нынче знает весь мир. Так любовь Каныша Имантаевича к истории республики передалась его воспитаннику, племяннику Кемалю Акишеву, много лет отдавшему изучению археологии в Сары-Арке, яркой и самобытной культуры казахов в Центральном Казахстане.

Так что, судя по этим двум примерам, можно понять, как был высок уровень преподавания в Карсакпайской школе в то время. И главное, всё было сердечно, не формально. Скажем, нынче люди часами просят телевизор, а тогда телевизоров не было, и все мы, карсакпайцы, по вечерам спешили в клуб. Там показывали фильмы для взрослых и детей... Там у взрослых был свой драматический коллектив, и они ставили в клубе много интересных пьес из классики, и это всегда было событием. Ходили все.

А дедушка Григорий Павлович Зуб, который вырастил великолепный сад в прожжённом солнцем Карсакпае! Мы с бабушкой часто ходили к нему в теплицу — там удивительно таинственно пахло сырой землёй, какими-то необыкновенными растениями.

Сейчас в парке рядом с тем местом — памятник Григорию Павловичу Зубу, я туда обязательно захожу, когда бываю в Карсакпае”.

И далее Меиз Канышевна писала:

“Однажды папа вспомнил, как на отдыхе в Крыму, сидя со мной на лавочке под пальмой, он спросил меня (мне было четыре года): “Мизенька, где лучше — здесь или в Карсакпае?”. На это я ему ответила с жаром: “Конечно, в Карсакпае!”.

И так я считаю до сих пор, так для меня и осталось. И не только для меня — для всех, кто работал вместе с папой, кто жил в Карсакпае...”.

А сколько удивительно тёплых слов, идущих из самых глубин души, находила Меиз Канышевна для своей матери Таисии Алексеевны Кошкиной. К. И. Сатпаев познакомился с ней ещё в Семипалатинске, где она

работала лаборанткой в учительской семинарии. Затем они встретились в Томске, вместе учились в технологическом институте, где решили окончательно связать свои судьбы. Так что в Карсакпай они уже приехали вместе, одной молодой семьёй. И окрылённые любовью и дружбой, они делали на славной земле Сары-Арки открытие за открытием. Имя Сатпаева навсегда будет связано с месторождениями меди и марганца, имя Кошкиной-Сатпаевой — с рением и осмием.

Здесь, в Карсакпае, родилась у них прекрасная и умная дочь Меиз. Она выросла в небольшом домике Сатпаева вместе с его дочерьми Шамшибану и Ханисой. Все они позже, повзрослев, получают высшее образование, станут докторами наук. Шамшибану Канышевна — доктором филологических наук, Ханиса Канышевна — доктором медицинских наук. И только Меиз Канышевна пойдёт по стопам отца и матери, продолжив их большие исследования по изучению джезказганского месторождения. Она успешно защитит докторскую диссертацию о структурно-морфологических особенностях рудообразующих минералов богатых ренийеносных руд Жезказгана по данным световой и электронной микроскопии.

Но вернёмся к письму Меиз Канышевны о “времени роз” в Карсакпае:

“И ещё об одном хотела рассказать вам, Валерий Михайлович. С нами, детьми, наши родители никогда не расставались, даже в школьные каникулы. Большей частью мы отдыхали в Улытау. От Карсакпайского медьзавода там был дом отдыха металлургов с хорошей столовой. Туда же выезжали пионерские лагеря. Папа там ставил юрту для нас с мамой, а сам из геологических маршрутов заезжал к нам. Мы вместе ходили на пионерские костры, впервые там я увидела ягоды — костянику и смородину.

Наша Ханисуша была очень активной пионеркой, а потом пионервожатой в этих лагерях. А в юрту к нам папа часто заезжал со своими друзьями — геологами, лаборантами... И тогда стены вокруг оживали, становились ещё лучше...

Да, прекрасное это было время и удивительные люди. Преодолевая огромные трудности, через лишения шли они к своей заветной цели — Большому Жезказгану. Я восхищаюсь тем временем и теми людьми”.

Почему я решил так подробно рассказать о письмах дочери Сатпаева? Ну, прежде всего, это волнующие сердце, незабываемые документы нашей эпохи... Как-то в суете сует мы забываем о замечательных людях нашей республики, тех первооткрывателях крупных месторождений, кто поднял с колен экономику Казахстана, превратил Сары-Арку в подлинно цветущий край.

Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ,
почётный гражданин города Жезказгана, писатель,
академик Международной академии информатизации.

г. Караганда.

Редакция “Нивы” сердечно поздравляет своего давнего автора, известного писателя и журналиста Валерия Михайловича Могильницкого с 70-летним юбилеем и шлёт наилучшие пожелания счастья, здоровья, неиссякаемой энергии и новых творческих обретений!

“Как важно быть прощённым...”

Вечером 26 мая на 72-м году жизни скоропостижно скончался Владимир Георгиевич Шестериков — член Союза писателей СССР (Казахстана), известный в республике поэт, публицист, переводчик и журналист.

Вся жизнь В.Г. Шестерикова была неразрывно связана с родной ему Северо-Казахстанской областью. После окончания филиала Петропавловского пединститута он был принят на работу в редакцию областной газеты “Ленинское знамя” (ныне “Северный Казахстан”), где плодотворно трудился почти полвека.

Окрылённый сердечным напутствием классика отечественной словесности Ивана Петровича Шухова, всеминувших десятилетия Владимир Шестериков ответственную работу в газете успешно сочетал с литературной деятельностью. Признание в республике он получил как талантливый поэт, автор многих сборников стихов, в которых воспеваются казахстанская хлебная степь, милые сердцу необъятные приишимские просторы, красота окружающей природы, замечательные труженики благодатной земли.

Кроме того, В. Шестериков написал множество глубоких очерков о славных людях родного края и его истории, о деятелях культуры, образования, здравоохранения, о примечательных человеческих судьбах. Тем самым одарённый писатель и журналист преданно служил делу патриотического, духовного и нравственного воспитания населения, укреплению межнационального согласия в нашем общем доме — Республике Казахстан.

Весомы его достижения и в сфере художественного перевода. В частности, он перевёл на русский

язык многие творения классика казахской литературы, великого поэта Магжана Жумабаева, опубликованные в различных книгах и журналах, а также произведения своих братьев по перу Муталлапа Кангожина, Бахыта Мустафина и т. д.

Неоценим вклад В. Шестерикова в подготовку и воспитание молодой литературной смены,

он выпестовал и дал доброе напутствие многим способным поэтам и прозаикам, несколько последних лет являлся главным редактором областного литературного журнала “Провинция”.

С 1991 года В. Шестериков входил в состав редколлегии журнала “Нива”, представляя на его страницах творчество своих земляков, регулярно публикуя и свои произведения.

Весной прошлого года к своему 70-летнему юбилею Владимир Шестериков написал стихотворение “Прощёное воскресенье”, которое можно считать программным. В нём есть и такие мудрые пророческие строки:

*Прощаю всех. И сам прошу прощенья
У тех, кого за что-то не любил,
За все обиды, ссоры и сомненья,
Чему виной я сам, быть может, был.*

*Нам всем, для мира
и добра рождённым,
Воистину бы надо понимать,
Как хорошо, как важно быть
прощённым,
Просить прощенья и уметь прощать!*

Вот таким был и таким останется в нашей памяти Владимир Шестериков — преданный друг, человек светлой души и чистых помыслов, Поэт божьей милостью.

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Байки старого комбайнера

Сейчас совсем другие комбайны, не то что пятьдесят лет тому назад. И кабина комбайнера уютная, и даже кондиционер в ней есть, одним словом, всё для комфорта сельского труженика, чтобы он полностью отдавал себя горячим, но коротким дням жатвы, и не думал ни о чём другом. А бункер, бункер! Вместительный и чуть ли не в два раза больше, чем на СК-3, что означает “Самоходный комбайн-3”, на котором мне приходилось проходить учёбу и практику, а затем и самому работать не один полевой сезон и не одну горячую жатву. А размах жатки намного превышает те наши жатки с подборщиком или без него, на которых мне со своими сверстниками и со старшими сельчанами приходилось косить и подбирать пшеницу.

Вот так год за годом. Зимой небольшой отдых, а с самой ранней весны ремонт сельхозмашин, потом посевная, а затем сенокос, а ещё затем косьба на свал в валки и только после всего этого горячая пора жатвы.

Так и не заметил, как время пролетело. И страна уже другая — суверенный Казахстан. А земля как была пятьдесят-сто лет тому назад, так и остаётся — кормилицей; и по пастбищам, и по посевным. А люди рождаются, растут, стареют, и их хоронят в нашу же землю-матушку. Одно поколение сменяется другим, а память остаётся на года и столетия. Вот и я, проработавший всю жизнь на этой земле, состарился. Мне почти семьдесят лет. Выросли дети и внуки, а родная земля всё равно не отпускает меня далеко от места моего рождения и становления, как механизатора и комбайнера. Не отпускает — и всё тут. Даже в соседнюю столичную область, где недалеко от Астаны живёт мой младший сын. И высоко в небо не отпускает, словно бы говорит, не летай самолётом, а ходи по земле, ну в крайнем случае, на машине или на поезде. А так, в основном, пешком или на коне ходи и чувствуй меня, как раньше познавал, в былые годы.

Вот и хожу, то пешком, то на лошадке, а когда начинается жатва, так совсем дома не сидится. То на ток поеду, то на полевой стан, то просто на дальние пшеничные поля какого-нибудь хозяйства. Здесь все меня знают, да и я всех знаю. Иногда охраняю ток, иногда просто сижу с уставшими молодыми комбайнерами у костра, в короткие часы отдыха. Иногда дам дельный совет, хотя, скажу честно, в новых агрегатах я не разбираюсь. И я просто сижу в кругу парней, которые мне в сыновья годятся. А языки костра развязывают и мой язык. И приходят на ум байки из моей прошлой комбайнерской жизни, особенно с той самой, когда я только начинал постигать эту науку — сеять и убирать хлеб на нашей земле. Что-то, конечно, добавлю от себя, с годами многое реальное стирается из памяти, превращается из были в небылицу. Особенно, если идёшь один или едешь на лошадке с одного поля на другое.

А вечером, хотя сам имею диплом сельхозтехникума, всё равно прошу своего внука, чтобы он записал мою, только что рождённую на ходу байку. Внук всё это старательно записывает, хотя и не верит в то, что я говорю, не верит, но, качая головой, записывает и отдаёт затем эти записи мне,

а я лукаво улыбаюсь и, надев очки, перечитываю его записи моих вольных слов. И сокрушённо удивляюсь, вникая в детский почерк внука:

— Не может быть. Это ты меня не так понял или сочинил от себя!

— Как не может?! — обиженно восклицает внук. — Ты же сам только что говорил об этом.

— Я? Об этом?! Чтобы человек, попав через жатку в копнитель, остался живым?!

— Да! И что он вышел из выгруженной тобой копны. Правда, без одежды, в одних только трусах, — процитировал по памяти свою запись моих шальных слов внук и гневно засопел носом.

— Давай я порву, чтобы люди не подумали, что ты, дед, немного того, — и внук потянулся к тетради, в которую я, улыбаясь, вчитывался.

— Ну зачем же так, — испугался я и, свернув в трубочку, спрятал тетрадку во внутренний карман просторной куртки.

— Всё правда, всё было, как я сказал и как ты написал, — погладил по голове я своего внука.

— Может, и было всё это в твоей далёкой жизни, а в нашей жизни — этого быть не может, — уверенно ответил внук, — всё это сказки из “Тысячи и одной ночи”. Только нет в твоих сказках Аладдина и его волшебной лампы.

— А ты взгляни на меня внимательно. Может, я и есть Аладдин, а ты моя волшебная лампа.

После второго курса сельхозтехникума меня отправили проходить практику, а говоря по-простому, работать помощником комбайнера на период уборки хлеба. Я приехал на совхозную РТС, что означает “Ремонтно-техническая станция”. Хожу-брожу по двору этой самой станции, ищу своего наставника, люди деловито ходят в промасленных комбинезонах, видимо, все готовятся к страде. Копашатся вокруг своих машин, завершают последние приготовления к уборке. Подхожу к одному комбайнеру, который наклонился над мотовилом. Трогаю его за плечо. Не оборачивается. И вообще вместо того чтобы поздороваться за руку, почему-то протягивает ногу, не глядя на меня. Ну, я взял шину заднего колеса комбайна, что валялась рядом и, не долго думая, повесил на протянутую мне ногу. Тут же он с негодованием обернулся и погрозил мне гаечным ключом. Ясное дело, не знает он — где мой наставник. Иду дальше. Подхожу к другому комбайнеру, который также занят чем-то, сидя внутри копнителя, и лихо орудует гаечным ключом. Стучу по копнителю. А оттуда мне слышится: “Включи!”.

Ну, я и вбежал на мостик и включил двигатель комбайна, благо рычажок включателя расположен справа от сиденья комбайнера на мостике. Только заурчал движок, как из копнителя выскочил механизатор и орёт:

— Ты что?! Убить меня хочешь?

— Сами же сказали — “Включи!” — вежливо ответил я и на всякий случай выключил движок.

— Не “включи!” а “ключи” — на двадцать четыре и на тридцать два, — заорал механизатор, называя номера гаечных ключей.

— Извините, пожалуйста, — продолжаю строить из себя вежливого студента из города, но без очков, промолвил я, а сам незаметно, невзначай спускаюсь с мостика.

— Я тебе покажу “извините”, я тебе покажу “пожалуйста”, — замахнулся на меня механизатор гаечным ключом. Не помню, не то на “тридцать два”, а может, и более номером.

Я отбежал на приличное расстояние от разгневанного комбайнера. И тут увидел громадную тень моего наставника. Я, как жертва, загипнотизированная змеей, одним словом, как кролик в пасть удаву, пошёл медленным шагом на молчаливый, но требовательный зов своего наставника, доставая из кармана брюк своё направление.

— Практикант?

— Гм.

— Почему опоздал?

Я развёл руки, скорчив кислую мину, собираясь оправдываться.

— Послезавтра уборка. Понятно?

— Тм.

— Комбайн знаешь?

— Дм.

Он повёл меня к нашему общему комбайну, который, разумеется, подружит и сблизит нас, но это будет ой как не скоро. А сейчас этот комбайн громадным красным чудовищем возвышался надо мной и его переднее колесо было на уровне моих испуганных глаз.

Наставник стал объяснять мне расположение и назначение различных шестерёнок, шкивов, ремней передач и вариатора. В его голосе был мягкий восточный акцент, что не вязалось с его грозным видом.

— Копнитель, вариатор, мотовило, шнек... повторяй за мной.

— Шнек, мотовило, вариатор, копнитель, — стал я машинально повторять слова своего наставника, но в обратном порядке.

— Бункер, барабан, дека.

— Дека, барабан, бункер.

— Когда механик приедет? Ремни нужны, — сам себя спрашивает комбайнер-наставник.

— Ремни нужны. Когда механик придёт? — машинально повторяю я.

— Главное — не суй руки или ноги куда не нужно. Убьёт — ничего, а вот калекой останешься — плохо.

Комбайнер-наставник подвёл меня к переднему колесу комбайна, что находилось под штурвалом.

— До завтра, — подавая свою громадную ладонь, попрощался он.

Я, чувствуя себя мужчиной и на равных со своим наставником, размашисто поддал свою руку — и взвыл, подскочив от ужасной боли. Ноги мои в одно мгновение оказались на штурвальном мостике, я повис в почти горизонтальном положении. Моя правая рука умерла от нестерпимой боли в широкой ладони моего наставника.

— Это твоё рабочее место, — флегматично промолвил он и разжал свою руку.

Я сквозь тьму в глазах стал потихоньку приводить свои слипшиеся пальцы в жизнь, отрывая левой рукой палец от пальца правой руки.

И началась жатва.

В первый день уборки меня поразили жёлтые пшеничные поля. Казалось, что им нет ни конца, ни края. По грейдеру движутся вереницы машин. Комбайны красными пятнами то там, то тут ведут обмолот. К ним

подъезжают машины и, нагрузив кузова янтарным зерном, отъезжают в сторону совхозного тока. Палит солнце. На небе ни облачка. Мой наставник, разумеется, вместе со мной косит в стороне, на отдельном массиве. Наставник-комбайнер сидит за штурвалом, сосредоточенно глядя, как стебли пшеницы ложатся под крутящееся мотовило. Он в комбинезоне и в защитных очках. На его голове кожаный картуз. Я же в ковбойке и в спортивных штанах. А на голове у меня сомбреро, купленное в день отъезда в городе. Я стою на мостике, позади своего наставника и мысленно повторяю его движения. От полноты чувств пою какую-то песню из какого-то кинофильма. Точнее, не пою, а ору во всё горло, но меня не слышно, песню мою заглушает рёв мотора. Возле щитка с приборами яркая надпись "Курить запрещается!". А на передней стороне бункера прикреплен щит с социалистическими обязательствами моего комбайнера-наставника:

Я — комбайнер совхоза "Заря Востока" тов. Белимбуганов, обязуюсь скосить 500 га, намолотить 5500 центнеров зерна.

Вызываю на соц. соревнование комбайнера тов. Айналаенова.

Бункер уверенно наполняется крупным, спелым зерном. Вот он уже полон, наставник выключил движок и кивнул мне.

Я беру длинный шест и машу им. Стоявшая на обочине машина вскоре подъезжает к нам. Зерно из бункера по выгрузному шнеку сыплется в кузов машины. Шофёр подаёт путёвку моему наставнику, и тот с хозяйским видом расписывается. Я тоже, конечно, хотел бы расписаться и даже потянулся было к путёвке шофёра, но грозный взгляд наставника остановил мои благие намерения.

Был уже третий день уборки, а наставник всё ещё ни разу не разрешил мне сесть за штурвал комбайна. Мне уже стало надоедать всё время стоять за спиной моего наставника, и когда наполняется бункер, вызывать шестом машину. Я стал иногда отпрашиваться у своего наставника сбегать на полевой стан, чтобы там пообедать, а не в поле, в тени комбайна, куда также привозили обед. Но обедать вместе с молчаливым и неразговорчивым наставником — это одно, а на полевом стане, где есть и молодые девчонки-поварихи, — это совсем другое. Да и там, на полевом стане, можно и добавки попросить, и лишний стакан компота, да ещё взять с собой этот самый компот и принести наставнику, всё равно он от него откажется, так как водители грузовых машин привозили ему ближе к вечеру пиво, а иногда и водку. Вот так мы и утоляли свою жажду: днём чаем и компотом, а ближе к ночи я опять компотом, а мой наставник всем остальным. И то это бывает тогда, когда мы ночуем в поле, а не в совхозе, где мне дали место в общежитии механизаторов.

Однажды после жаркого полудня уж очень запыхтел наш движок. И наставник, подойдя к нему, покачал головой:

— Да-а, радиатор шумит. Надо бы воды долить.

— Давайте я схожу, — от радости, что можно прогуляться, предложил я.

— Бери канистру и иди к обочине, там должен быть придорожный арык, а я потихоньку продолжу косить, направляясь в твою сторону.

Я, устав стоять на мостике за своим наставником и лицезреть только его громадную покатуую спину, вприпрыжку побежал в сторону обочины, размахивая пустой канистрой.

Комбайн, грозно пыхтя двигателем, который вот-вот должен лопнуть от натуги и кипения воды в радиаторе, медленно полз следом за мной.

От радости, что я один-одинёшенек посреди всего поля, я стал вытворять различные выкрутасы, то ныряя в пшеницу и исчезая в ней, то вновь выскакивая из неё, которая была мне по грудь.

Комбайн остался далеко позади. И мне было невдомёк, что мой наставник, забыв про кипящий радиатор, был в полном недоумении, как это я то исчезну в пшенице, то опять появлюсь, прикрывшись канистрой, которая из-за своего серого цвета была почти не видна среди стеблей созревшего хлеба.

Комбайнер-наставник проехал то место, где минуту назад исчез и потом опять появился я. Он, не выключая комбайн, покинул штурвал и подошёл к этому месту. Это место ровное. Пшеница почти на метр поднимается над землёю. Нет ни ямки.

Комбайнер-наставник озадачен.

А за его спиной находится радиатор.

Крышка вот-вот сорвётся. И тут мой наставник увидел меня, когда я уже плескался в придорожном арыке, и радостно закричал.

И тут булькающий, кипящий радиатор достиг апогея.

Трах!!!

Струя кипятка, описав дугу, вонзилась в спину моего наставника. Он разинул от боли рот, и тут круглая крышка от радиатора падает с неба и затыкает этот самый рот наставника-комбайнера.

Вытаращенные глаза.

Мои и моего наставника.

Крышка, как кляп, торчит у него во рту. Я бегу с наполненной канистрой и опрокидываю её на спину моего наставника. На его спине багровая полоса. Рубашка разорвана. Он выплёвывает крышку радиатора, и я веду его к арыку. И мы оба плескаемся в нём, радостные, что оба живы и здоровы. А затем наполняем радиатор отстоявшейся водой, находим крышку и, включив агрегаты комбайна, продолжаем скашивать свой хлебный массив.

Я, наверное, видел десятый сон, когда беззаботно спал в общежитии механизаторов, а все давно ушли к комбайнам. Последнее, что я слышал сквозь сон, — это как жужжит муха на пыльном стекле окна. И тут с треском распахнулась дверь и в комнату ворвался мой наставник. Он был одет в новую рубашу. Мой наставник потащил меня вместе с кроватью к выходу. Я, продолжая держать подушку в руках, спал на ходу. Ведро колодезной воды, которое опрокинул на меня наставник, привело меня в чувство. И, захватив одежду, одеваясь на ходу, побежал за наставником, который уже заводил движок комбайна.

Это был первый день моей своеобразной, но настоящей учёбы.

На верхнюю перекладину мостика сел мой наставник-комбайнер. Ноги его легли на мои плечи. Таким образом он учит меня водить комбайн. Я под его началом веду комбайн, который оставляет за собой кривую скошенную полосу.

Мой наставник нажимает правой ногой на моё правое плечо — я поворачиваю вправо. Мой наставник нажимает левой ногой на моё левое плечо — я поворачиваю влево.

Комбайн сначала идёт зигзагами, затем выравнивается. Потом опять зигзагами, затем опять выравнивается. Во всём этом чувствуется, что я

впервые сел за штурвал комбайна, а мой наставник-комбайнер только снисходительно двигает ногами, я же пришибленно повторяю его движения — штурвалом. Вот и наполнен первый бункер.

Я во всём хочу походить на своего наставника и, остановив комбайн, выключив двигатель, жестом, похожим на его жест, велю, чтобы он махал шестом с ветошью, вызывая машину.

Мой наставник-комбайнер вначале выпучил от удивления глаза, а затем, захохотав, взял шест и стал им махать.

Подъехала машина, и шофёр, выйдя из кабины, протянул путёвку моему наставнику, но я, благо сидел ближе к шофёру, перехватил бумагу и подписал.

— Твоя подпись недействительна, — буркнул наставник, отбирая у меня путёвку. И поверх моей подписи поставил свою.

Шофёр подмигнул мне и спросил:

— Учишься?

— Гм.

— Ну как, получается?

— Тм.

— А учитель хороший?

— Дм.

Шофёр отъехал. А мой наставник, сев на своё командное место, начал вновь двигать ногами, которые упирались в мои плечи.

Учёба продолжалась.

Глубокой ночью мой наставник уехал с последней машиной домой, а я остался ночевать в комбайне, а точнее в полузаполненном зерном бункере. Запах зрелой пшеницы смешался с запахом глубокой осенней ночи, когда мохнатые яркие звёзды почти заглядывают в бункер. И тебе кажется, что ты ешь только что испечённый в печи хлеб, а точнее краюху хлеба, круто посыпанную крупной солью звёзд, и запиваешь этот хлеб земной жизни молоком утренних сумерек. И вновь засыпаешь, но уже коротким предрассветным сном в канун нового трудового дня жатвы, когда крупные твёрдые зёрна пшеницы потекут золотым ручьём, наполняя этот самый бункер, в котором ты сейчас спишь и видишь прекрасные сны своей юности. И когда-нибудь по найденному зёрнышку в кармане твоего ватника или твоей спортивной куртки ты вспомнишь эту бездонную ночь с россыпью звёзд и этот бункер с запахом пшеничного зерна, и это, ещё не скошенное поле, которое готовится к долгому зимнему сну до новой весны, когда вспаханная земля примет во мрак чернозёма тобой сбережённое зерно — во имя новых всходов и нового урожая.

Ранним утром, когда с первой машиной приехал мой наставник, я уже проснулся и, сидя за штурвалом, встретил его неким недовольным видом, словно бы говоря, мол, почему опаздываешь, почему я должен ждать тебя?

Быть может, это как-то задело моего наставника, и он не стал устраиваться на своё вчерашнее место командира, а встал позади меня, указывая, что и каким порядком включить тот или иной рычаг, чтобы завести двигатель и тронуться с места, проверив все рабочие агрегаты комбайна.

Вот так я стал косить самостоятельно под чётким руководством своего наставника, который, иногда чертыхаясь, поправлял меня и мои действия.

Ближе к обеду из района подъехал “газик” с открытым верхом, в котором сидел фотокорреспондент. Мой наставник тут же прогнал меня со штурвала, но не с будущего фотокадра, так как я всё время порывался попасть в кадр, пусть даже с заднего плана. Видимо, это всё надоело фотографу и он соизволил заснять меня отдельно, без моего наставника, а на заднем плане были видны выгрузной шнек и кузов машины, куда сыпалось зерно из бункера.

Затем моего наставника решили повезти на полевой стан, где должны были собраться все знатные механизаторы района, для общей беседы и интервью.

Мой наставник второпях вновь показал мне порядок включения агрегатов и сел в открытый “газик”, рядом с шофёром.

Я, понятное дело, испугался. Одно дело косить, пусть самостоятельно, но чувствовать, так сказать, ногу своего наставника, и даже не ногу, но хотя бы плечо, а другое дело, когда его рядом нет.

Я, видя, что машина вот-вот тронется с места, схватил верёвку, которая была прикреплена к пожарному щитку, и, сделав в одно мгновение петлю на конце её, словно лассо, метнул её в сторону машины. Петля точным броском легла на шею невозмутимого моего наставника. Я чуть не вывалился с мостика комбайна. Вцепившись обеими руками в верёвку, я с нечеловеческими усилиями начал тянуть её. Машина забуксовала на месте. А мой наставник-комбайнер, на то он знатный механизатор, сидит, как вкопанный, словно бы влит в эту машину. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Несколько мгновений шла борьба между железной техникой и моим волевым усилием. Я чувствовал свою победу. Машина медленно, но всё же потащилась назад. Я сантиметр за сантиметром тяну и тяну верёвку, а мой наставник сидит себе, представьте, с невозмутимым видом. Он даже не замечает наброшенной на его шею петли. Наверное, он весь уже где-то там, на предстоящей встрече знатных хлеборобов.

Наконец, машина задним ходом подтягивается к мостику, на котором нахожусь я, славный потомок в седьмом колене батыров и палуанов земли казахской, и только тут встаёт со своего места мой наставник-хлебороб и с молчаливым вопросом обращается ко мне.

Отдышавшись, я начинаю суетливо немymi вопросами спрашивать включение и выключение различных механизмов, одновременно трогая их руками.

Мой наставник-комбайнер ещё раз экзаменует меня. Я правильно повторяю все его движения. Наставник возвращается и садится рядом с водителем. Машина отъезжает, но, проехав несколько метров, вновь возвращается. Мой наставник-механизатор поднимается на мостик. Я подумал, что он решил не ехать на полевой стан, и обрадовался этому, но он, сверкнув глазами, забрал мою верёвку и покинул мостик своего корабля.

Машина, наконец-то, уезжает.

Помню, что я еле отдышался от тех усилий, которые затратил на борьбу с машиной. Я держал пачку сигарет в дрожащих руках, несколько мгновений рассматривая её, не решаясь закурить, так как рядом над

приборами алела надпись “Курить запрещается!”, а затем всё-таки решился и, махнув рукой, открыл пачку. Долго теребил в руках сигарету, мять её. Наконец, стал искать спички. А их нигде не было. Ходил по мостику, рылся в ящиках, спичек нет. Стал ходить вокруг двигателя. Дёрнул за ручку зажигания, мотор чихнул и замолчал. Ещё раз дёрнул. Мотор чихнул. Вдруг гениальная мысль сверкнула у меня в глазах. Дёрнул за ручку и сразу же наклонился с сигаретой вовнутрь мотора, выискивая искру, чтобы прикурить сигарету. Всё это я проделал несколько раз. Но безрезультатно. Тягостное уныние застыло на моём лице. Сажу с незажжённой сигаретой за штурвалом. Ноги поднял на поручни. Сажу в позе прохлаждающегося человека. Вдруг — увидел стоявшую на краю поля машину. Она была едва заметна в полуденный зной. Я схватил шест с ветошью и стал усиленно размахивать им. Машина сдвинулась с места и вскоре подъехала, встав под выгрузным шнеком. А в бункере зерна меньше половины.

Шофёр с улыбкой поднимается ко мне на мостик и подаёт путёвку. Я самым невинным образом прошу у него спички. Гром и молния в глазах шофёра, но спички даёт. Я, наконец, закурываю, сердечно благодарю водителя и начинаю косить самостоятельно...

Тут подъезжает комбайнер-наставник на попутной грузовой машине. Увидев наполненный бункер, остаётся довольным.

Мой наставник-комбайнер сам садится за штурвал. После встречи с газетчиком у него вид почётного человека совхоза. Включает скорость. Комбайн стоит. Включает опять. Комбайн стоит. Включает... бесполезно. Ходовая часть комбайна сломана. Он смотрит на меня, а я — на него. Он вновь смотрит на меня, а я вновь на него. И с каждым взглядом всё красноречивее его и моё выражения, но противоположное по значению. Гнев и испуг, ярость и жалость, негодование и недоумение, отчаяние и удивление.

Наставник выключает комбайн. Я следом за ним осторожно спускаюсь и держусь на расстоянии. Мой наставник обходит комбайн и осматривает все механизмы и агрегаты. Я иду следом за ним и также осматриваю всё, что трогает рука моего наставника. Он осматривает сцепления и ремни передач. Я тоже осматриваю их, стараясь нарисовать на своём лице выражение моего наставника. Но у меня ничего не получается. Мой наставник-хлебороб присвистнул. Я, разумеется, тоже присвистнул. От коробки передач, что расположена под вариатором, были растеряны два нижних болта. Нигрол — выработанное масло, капал на скошенное поле, образовав небольшую зеркальную лужицу. Мой наставник-комбайнер достаёт ключи и откручивает кожух от коробки передач. Весь нигрол вытекает. Зеркальная поверхность отражает рассерженный взгляд наставника и мой испуганный взгляд.

Мой наставник-комбайнер ещё раз обходит комбайн и подзывает меня. Мы оба лезем под копнитель. Наставник указывает на заднее колесо и поворотную ось, а затем заставляет меня подкрутить болты. Я остаюсь под копнителем. Моему наставнику видно, как торчат мои ноги из-под копнителя, а руки подняты над головой. Вот в таком неудобном положении я закручиваю гайки и болты.

Мой наставник-механизатор берёт переднюю часть коробки передач и всматривается вдаль. Никаких машин нет. Вдали движутся комбайны. Жара. Мой наставник, вздохнув, взваливает эту самую переднюю часть коробки передач себе на плечи и идёт в сторону совхоза.

Идёт и оглядывается назад, на комбайн, где всё так же торчат из-под копнителя мои ноги. Мне тоже видно, как удаляется фигура моего наставника с коробкой передач на плечах. Я, укрепив свои руки по-удобному на поворотной оси, засыпаю и снится мне вот что:

Часы на волосатой руке моего наставника, которая придерживает эту самую коробку передач на его плече, отсчитывают секунды и минуты, вырастая в драгоценные часы уборки хлеба. Затем эта рука сбрасывает коробку, а самого лица моего наставника мне почему-то не видно. Одна только рука и часы чуть выше запястья. Ожесточённая жестикующая. По этой самой жестикующей можно догадаться, что мой наставник пробивает себе на РТС новую коробку передач. Большая стрелка часов медленно, но заметно движется по циферблату. А рука продолжает жестиковать. И здесь появляется множество рук, словно бы какой-то клубок змей. Видны среди них и белоснежные манжеты мужских рубашек. А в центре выделяется рука моего наставника. Грязная, замасленная, волосатая рука. А на ней часы с неумолимо движущейся стрелкой.

Стрелка уже показывает четыре часа. Мне сквозь сон или во сне видно, что эта самая рука наконец-то получает новую коробку передач и взваливает её на левое плечо моего наставника.

А дальше что было, я уже не помню. Помню, что и я что-то делал со своими руками, когда невзначай проснулся, а затем опять уснул.

А тем временем мой наставник, отдуваясь, подошёл к комбайну и положил новую коробку передач у переднего колеса. Он вытер обильный пот и тут в поле его зрения попадают мои торчащие ноги. Мой наставник смотрит на часы, потом на мои ноги. Прошло больше трёх часов, а они, ноги, всё в том же положении — торчат из-под копнителя. Мой наставник обошёл копнитель. Кашлянул. В ответ ни звука. Постучал по копнителю. Тишина. Кряхтя, залез под копнитель. А я, привязав свои руки к задней оси, самым бессовестным образом спал. И лицо моё было закрыто учебником “Жатки и комбайны”. Со стороны казалось, что я что-то закручиваю на задней оси, так как руки мои были привязаны и возвышались над моим лицом.

Мой наставник сорвал с моего лица книгу и отшатнулся, увидев мои широко раскрытые глаза. Он пока ещё не знал, что я могу спать и с открытыми глазами.

Придя в себя, мой наставник послушал стук моего сердца. Поняв, что сердце моё бьётся, он радостно улыбнулся и в тот же миг его радость сменилась гневом. Развязав руки, он выволок меня за ногу из-под копнителя. Волоча по земле, он дотащил меня до коробки передач. Я встал с виноватым лицом.

Мой наставник, указывая на себя, потом на коробку, затем опять на себя и опять на коробку, ожесточённо показывал в сторону совхоза.

Та же самая рука с часами то сжималась, то разжималась, то сжималась, то разжималась...

В этот самый день мы косили до глубокой ночи. Мой наставник-корбоконоситель немного успокоился. И даже дал мне штурвал по дороге в совхоз. Последний бункер этой ночной смены мы решили выгрузить на совхозном току.

Пыль. Гул. Свет ярких фонарей и прожекторов. Одним словом, битва за урожай.

Мой наставник вышел у весовой и стал наблюдать, как я въезжаю на совхозный ток. Я, подъезжая к гурту зерна, — надо же какая беда, — задел выхлопной трубой, что торчит над двигателем комбайна, провода переноски. Сноп искр. Треск. Весь мой комбайн под напряжением. Меня швырнуло из-под штурвала. Я оказался на земле. Глаза закрыты, в ушах звон.

Схватился за голову мой наставник-учитель. Хочет бежать к комбайну. И тут я, медленно встав на ноги и не отрывая их от земли, кричу:

— Не ходи сюда, здесь шаговое напряжение!

Вижу, что мой наставник застыл на месте. А я, как учили меня на уроках физики, передвигая ступни одну вдоль другой, медленно начал двигаться в сторону общежития механизаторов. Мой наставник стоял, как вкопанный, а я двигался и двигался, даже когда уже вышел из зоны напряжения. Дойдя таким образом до дверей, я мгновенно скрылся за ними. Закрыл дверь на крючок и повалился прямо в одежде спать. И не слышал, как рвался ко мне мой наставник, как колотил дверь кулаками, издавая громкие проклятия и слова благодарности, что я остался жив.

Уборка уже подошла к своей середине. Однажды я пришёл к комбайну раньше своего наставника, держа в руках какой-то подозрительный щит. Посмотрев на соцобязательства моего наставника, я погладил свой щит и укрепил его рядом. На щите была надпись, сделанная мной в прошлую ночь:

Я — Донголеков обязуюсь скосить _____ га и намолотить _____ ц. Вызываю на соц.соревнование тов. Белимбуганова.

Количество гектаров и центнеров пустовало. Я в пустые графы занёс сначала 300 га и 4000 ц., а потом, вздохнув, стёр и написал мелом 500 и 5500.

Подошёл мой наставник, когда я с горделивым видом сел за штурвал нашего комбайна, и жестом указал на мой щит:

— Что это?

Я указал на его обязательства, затем на него самого. Потом таким же жестом на свои обязательства и на себя — и развёл руками.

Мой наставник, горячо жестикулируя, стал объяснять мне, что соревноваться на одном комбайне нельзя. Показывает на комбайн и поднимает один палец. Показывает на себя и на меня и — показывает два пальца. А затем пальцами опять показывает на меня — мол, сопляк ещё, чтобы со мной соревноваться!

Я сижу молча, не внимаю его жестикуляции. А мой наставник, который не сопляк, лезет на бункер, собираясь сорвать мои соцобязательства, да не тут-то было! Я грудью встал, чтобы защитить свои планы и обязательства от таких посягательств, пусть даже он мой наставник вот уже вторую неделю.

Мой наставник, сплюнув, садится за штурвал. Я же, ехидно улыбаясь, держу свою вахту, стоя на мостике нашего степного корабля.

Однажды, когда выгрузили очередной бункер зерна в кузов подъехавшей машины, я заметил, что к нам едет на велосипеде девочка-пионерка. У неё в руках была баночка с белой краской и кисточка. Она подъехала к нашему комбайну, отдала салют, на что я её приветствовал своим сомбреро. Затем поднялась к нам на мостик и рядом с соцобязательствами

моего наставника быстро и аккуратно нарисовала три звёздочки. Мой наставник-комбайнер сердечно улыбается, глядя на звёзды своего труда. Но не тут-то было. Я молча взял у девочки-пионерки баночку с белой краской и сам подрисовал тоже три звёздочки, но под своими сообразительностями и размером, конечно, поменьше, чем звёзды моего учителя, который с недоумением уставился на меня:

— Почему?

Я стал пальцем показывать на него, а затем на три его больших звёзды. А потом на себя и на три моих маленьких, ну прямо очень маленьких звёздочек. Опять немой вопрос в глазах моего наставника.

Я провёл кисточкой вдоль бункера, показывая, что половина бункера с зерном — его, а другая половина — моя.

А мой наставник, мой учитель-механизатор, мой благодетель-хлебороб с негодованием показывает на ряд соломенных копен и указывает на меня, мол, это твоё, а затем дотрагивается до бункера и с гордым видом утверждает, что это — его.

Я вновь провожу белой краской вдоль бункера. Половина — твоя, половина — моя. А комбайнер вновь машет на копны соломы и тычет в меня пальцем. Бедная девочка переводит свой испуганный взгляд то на моего наставника, то на меня, то на моего учителя, то на его ученика, опять-таки на меня.

Мой наставник, сам не зная почему, берёт кисточку и проводит линию поперёк бункера, а я — вдоль. Он поперёк, а я опять — вдоль. Разумеется, что это одно и то же, но дело же в принципе. И тут мой наставник, учитель-благодетель, в сердцах проводит поперёк всего комбайна большую белую линию, т. е. всё, что после бункера, начиная от двигателя — это моё.

Девочка-пионерка, взяв пустую баночку с кисточкой, быстро-быстро уехала на своём велосипеде. А мы, разделённые белой полосой, так называемой демаркационной линией, сидим, каждый сам по себе.

Хмурый мой наставник ведёт наш степной корабль на третьей скорости. Я, стоя на мостике, подпрыгиваю, но терплю, так как нахожусь на своей территории. Мне видна только широкая спина наставника, за которой скрываются обида и негодование от непонятного для нас обоих раздела территории нашего общего корабля полей.

Мотор ревёт. Мотор надрывается. Бешеным дождём падает пшеница в бункер.

Вдруг — треск, грохот, звон. Клубы дыма, и я весь в копоти. Комбайн мгновенно останавливается. Медленно останавливаются и все агрегаты и механизмы.

Дым постепенно рассеивается. От мотора идёт пар. С боку, на кожухе двигателя, зияет рваная дыра. Из неё торчит шатун. Такой же рваной формы зияет дыра на полях моего сомбреро. Я, честно говоря, был в шоке. А комбайнер схватился за голову, сорвал со своей головы кожаный картуз и заплакал.

Из рваной дыры мотора медленно вытекало масло нашего прошлого бытия.

Помню, что сидели в скорбном молчании, не глядя друг другу в глаза.

Полным ходом идёт страда, а наш комбайн, наш корабль полей стоит со своим мёртвым сердцем — разорванным на куски двигателем. Уныло взирали на нас наши сообразительности.

Я не выдержал всего этого и побежал в сторону совхоза. Мой наставник, мой учитель, мой благодетель не стал меня останавливать, да ему было не до меня.

Я на попутной машине примчался на РТС и излил свой поток красно-речия, в результате чего дали мне машину “Техпомощь”, подъёмный кран, а самое главное — новенький мотор-двигатель, который погрузили на отдельную платформу.

Когда я в сопровождении этого эскорта приехал к месту нашей трагедии, мой наставник обнял меня и по его щеке проползла скупая мужская слеза — слеза благодарности.

Мы быстро вместе с ремонтниками открутили болты, которыми был прикреплён наш старый двигатель, подъёмный кран опустил его на придорожный пригорок. Также в один присест установили новый двигатель, закрутили болты. Подъёмный кран и “Техпомощь” уехали, пожелав нам дальнейшей успешной работы. А мой наставник-комбайнер почему-то не спешит заводить комбайн.

Он с печальным видом подошёл к старому движку и с благодарностью поклонился ему.

— Три года мне верой и правдой служил, — со вздохом сказал мой наставник.

Я по траектории полёта осколка кожуха пошёл искать его. И вскоре нашёл и с благоговением положил рядом с нашим старым движком.

И встал, как младший брат, рядом со своим наставником.

Вскоре тишину поля нарушил рёв нашего нового двигателя.

Мотовило, крутящийся шнек, вариатор, копнитель — всё пришло в движение.

Колосья ровными рядками ложились под крутящееся мотовило.

Бункер вновь стал наполняться зерном.

Страда подходила к своему героическому завершению. Я со своим наставником завершал косовицу на нашей делянке. Уже было бабье лето. Небо бездонное и безоблачное. Видно, как в голубом пространстве неба висят паутинки. Мелкие поломки у нашего комбайна случались, и мы сообща исправляли их во имя бесперебойного ритма жатвы. И надо сказать, что никогда больше не ссорились и не делили общий корабль нашей судьбы.

И вновь крутится мотовило, загибая под себя колосья пшеницы. И вновь наполняется бункер. И вновь подъезжает машина и освобождает бункер от зерна.

Мотовило сделало один оборот, ещё один и почему-то остановилось.

Мой наставник, сплунув от досады, спустился вниз и долго копошился под мотовилом. Место за штурвалом занимаю я. У меня лирическое, осеннее настроение. Виден журавлиный клин. Курлычет. Я наблюдаю за журавлями. Одна рука облокотилась на рычаг включателя механизмов. Мне почему-то грустно и я забываю обо всём на свете. Даже о своём наставнике, который всё ещё колдует под мотовилом. Я машу своим дырявым сомбреро журавлям. И не заметил, как другая рука упирается на рычаг включения. И подлый рычаг легко поддаётся упору моей руки.

Включаются все молотильные аппараты.

И тут я очнулся от своей элегии.

Ужас в моих глазах.

Вся жатка работает. Вращается мотовило. Взад-вперёд бегают нож среза колосьев. Мои, полные ужаса глаза. Я вижу, как кожаный картуз моего наставника болтается на мотовиле и как медленно скрываются ноги комбайнера в штиблетах под шнеком.

Комбайн урчит, шумит, работает, набирая обороты.

Картуз, подпрыгнув на лопастях мотовила, скрылся за ногами моего наставника.

Весь корпус комбайна трещит, стучит, грохочет.

Я схватился за голову, а затем поднял руки к солнцу:

— Всевышний, помоги!..

Рву на себе волосы. Слезы на глазах. Комбайн ревет. Я с ужасом сую руку в бункер и достаю оттуда рубашку моего наставника. Она вся изжёвана всеми молотильными механизмами, а затем достаю комбинезон, майку... и самое последнее, что я достал оттуда, из ада, это — изжёванные штиблеты.

Рёв двигателя и мой рёв.

Мой рёв сильнее рёва двигателя.

Я с сумасшедшим взором оборачиваюсь к копнителю.

Копнитель урчит, словно там трамбуется инородное тело, а не солома.

Я бегаю вокруг комбайна. И вновь вбежал на мостик.

С ужасом думаю — куда выгрузить копнитель.

Еду через всё поле к ровному рядку соломенных копен. Правило моего наставника — выгружать только в установленном месте! — я помню даже в эту страшную минуту.

Минута кажется вечностью.

Угнетающе гудит копнитель.

Я наконец подъезжаю к копнам. Объезжаю их, чтобы удобнее выгрузить свой страшный груз. Наконец, выгружаю и глушу двигатель. И с закрытыми глазами подхожу к свежей копне соломы.

Сил больше никаких. Падаю на колени. Неподвижная копна соломы. И вдруг она медленно начинает шевелиться и оживать. Разбрасываются в разные стороны кучки соломы.

И — стоит мой благодетель, мой наставник, мой хлебороб, мой механизатор, мой учитель.

Он что-то хочет сказать, но какой-то предмет мешает ему сделать это. Пошевелив языком, комбайнер сплёвывает на ладонь гайку на 32. Внутри гайки — зуб.

Я медленно и мучительно открываю глаза. А затем подползаю и целую ноги своего наставника.

Я, как лунатик, тяну своего благодетеля к нашему комбайну, к нашему кораблю, на наш с ним родимый мостик. Мой учитель-наставник упирается.

И вдруг комбайн сам подъезжает к нам, задним ходом.

Наконец, мой комбайнер-наставник очнулся. Он трогает себя, потом меня, а потом как-то неуверенно поднимается на мостик нашего корабля, к штурвалу. Я сдираю одну звезду со стенки бункера и прикрепляю её к груди комбайнера-наставника.

Комбайн трогается с места.

— Сказки всё это, со страшилками. Фольклор из жизни сельхозтехники, — заключил молодой комбайнер-механизатор и стал вызывать по сотовому телефону машину для выгрузки зерна из объёмистого бункера.

Вечерело. Языки пламени костра на полевом стане высвечивали наши лица. Многие, сидевшие у костра, годились мне в сыновья. И они все внимательно меня слушали, иногда посмеивались моим вариациям на тему “Уборка урожая пятьдесят лет тому назад”.

Великодушно прощали, если я чересчур заливал, или, наверное, им было просто приятно слушать меня в час короткого привала перед ночной сменой жатвы.

— Ну как это так? — возмущался молодой паренёк, — ты хочешь сказать, что твой наставник прошёл сквозь все эти агрегаты и остался живым и невредимым? Я могу допустить, что крышка от радиатора залетела ему в рот, или шаговое напряжение, но чтобы пройти через копнитель?!

— Я же говорю — эпос и фольклор, — вновь повторил бригадир. — Одним словом, Кобланды или Ер Тостик.

— А что здесь такого удивительного? — улыбнулся я. — Мы же с самого детства верим всем чудесам из эпоса, ну, из этого самого фольклора. И вы здесь поверили, в целом, моим байкам, хотя и порой недоверчиво качали головами. Поверили, я это видел по вашим глазам и по вашему настрою. А если поверили, то, значит, это почти правда. Такая же правда, что я за ту уборку получил первую в своей жизни медаль “За трудовое отличие”, а мой наставник орден “Знак Почёта”. Потом были другие медали и ордена, но первая дорога мне. А всё остальное было потом. Мне уже под семьдесят, а мой наставник давно уже ушёл в мир иной, но память о нём я храню вечно. Да и я не вечен на этой земле, а пока я жив — буду вам, дорогие мои, рассказывать этот самый фольклор, были и небылицы, байки моей жизни.

Если бы я сказал вам, что пока я глядел на улетающих журавлей, мой наставник разделся до трусов, оставив всю свою одежду на мотовиле, и опрокинул на себя ведро холодной воды, чтобы спастись от внезапной жары. А потом, видя, что я увлечён полётом журавлей, решил подшутить надо мной, да таким образом, чтобы я подумал, что он находится под мотовилом. Он комбинезон и свои штиблеты уложил так, как я когда-то связал свои руки над поворотной осью, находясь под копнителем. А дальше, видя, что я мечусь туда-сюда от ужаса, спрятался за соседней копной соломой, когда я раскидывал солому своего копнителя в разные стороны в поисках останков своего благодетеля. Если бы это всё я вам рассказал сразу, то и не было бы этого самого фольклора, без которого не так интересно жить на нашем свете. Не так ли, а, орлы?

— Так, аксакал, так. Ну, нам пора.

Комбайны один за другим ушли в ночь, освещая поля и колосья пшеницы мощными фарами.

А я, сев на свою лошадку, поехал на другой полевой стан, где решил поведать свои байки о другом степном звере-драконе — мощном тракторе “К-700”.

Уважаемый Владимир Романович!

Отправляю вам свой очерк, с которым, думаю, будет интересно ознакомиться и в вашей стране, поскольку все мы должны беречь, как национальное достояние, свои национальные языки, в том числе и в Казахстане. Мне неоднократно приходилось бывать там в командировках, и я с удовлетворением вспоминаю те золотые времена, когда присутствовали искреннее гостеприимство, добрососедство и настоящая дружба. Посмотрите, возможно, найдётся несколько свободных страниц для моего очерка.

С уважением, писатель Николай Культияпов.

Николай КУЛЬТЯПОВ

Защищая русское слово, мы защищаем Россию!

В последнее время проводится много дискуссий и приходится слышать различные высказывания относительно защиты русского языка. Он действительно заслуживает пристального к себе внимания. Мнения самые разные, поэтому и я решил сказать своё слово.

Недавно в одной из центральных газет прочитал статью под названием "Язык". В ней приводится рассказ с использованием только слов, начинающихся с буквы "П". Меня откровенно порадовало, как автор с гордостью пишет о достоинствах русского языка, который, по его мнению, "полезно показывать некоторым зарвавшимся националистам, чтобы они знали, где слон, а где Моська". В этом рассказе, состоящем из 184 слов на букву "П", наш, к сожалению, неизвестный соотечественник действительно продемонстрировал уникальные возможности русского языка, как "самого лучшего и богатого языка в мире".

Ещё раньше я ознакомился со схожим рассказом (правда, с небольшими и непринципиальными отличиями), который в 1992 году был опубликован в США в газете "Новое русское слово" (№ 14). Подобные факты приятно отмечать любому патриоту, тем более человеку, который является не только бережным пользователем, но и верным служителем "великого и могучего" русского языка.

Я тоже пытаюсь экспериментировать: мною опубликованы повесть "Ольгин остров", состоящая из 17 тысяч слов на букву "О" (74 страницы),

**Николай
КУЛЬТЯПОВ**

— подполковник ФСБ в отставке, по роду службы бывал в некоторых "горячих точках", отмечен государственными наградами, в том числе и за боевые заслуги. Автор 11 книг в различных жанрах. Его произведения находятся во многих музеях и в крупнейших библиотеках мира, в национальных и государственных университетах, в Академиях наук, в ЮНЕСКО, ООН, занесены в Книгу рекордов Гиннеса и во все российские аналоги. Н. Культияпов — лауреат второго международного конкурса искусств "Чистое детство", дважды удостоен национальной литературной премии "Золотое перо Руси", а в 2009 году его новый роман "Белые перчатки" стал лауреатом премии "Твои, Россия, сыновья!", отмечен медалью Союза писателей баталистов-маринистов "За труды в военной литературе".

и роман “Приключения пехотинца Павла Петрова” — все 86 тысяч слов, использованных в нём, начинаются с буквы “П” (383 страницы). Филологи называют эти оригинальные изыскания “уникальными лингвистическими экспериментами, позволяющими раскрыть дополнительные лексические возможности и особенности языка”.

Оказалось, что в подобных поисках я далеко не единственный. В Интернете имеются самые различные сведения о моём творчестве и аналогичных произведениях, например: “... роман выполнен в лучших традициях однобуквенных произведений... К написанию подобных трудов в своё время обращались многие известные поэты и писатели. Элементы этого жанра были замечены в поэме монаха-доминиканца Плацениуса “Битва свиней”, в тавтограммах римского поэта Квинта Энния, а также в стихотворении Христиана Пиэра “Христос распятый”. К однобуквенным произведениям прибегали и многие русские мастера художественного слова...”.

Думаю, что все согласятся: ни один язык в мире не может сравниться с русским. Это признают и за рубежом. И неслучайно моя повесть “Ольгин остров” занесена в Книгу рекордов Гиннеса, хотя я настаивал занести в неё именно русский язык. Кроме этого, повесть и роман занесены в “Диво”, где регистрируются чудеса, рекорды и достижения России, стран Балтии и СНГ, а также в русский клуб рекордов “Левша”.

Эти оригинальные произведения наглядно свидетельствуют о бесценном богатстве и неисчерпаемых возможностях русского языка, который, как живой организм, постоянно развивается. Он живёт вместе с нами и является частью нас самих, без него невозможно представить ни нашу страну, ни жизнь каждого из нас. Необходимо сохранить для потомков его высокую культуру, чистоту и исторически сложившуюся самобытность.

По оценкам специалистов, эти книги имеют не только литературное, но и научное значение, интересны в познавательном плане лингвистам, филологам и всем любителям русского языка. И вовсе неслучайно на обложке приводятся высказывания наших классиков:

“Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка” — А. С. Пушкин.

“Придерживайтесь чтения капитальных книг, оригинальных сочинений, родников великих идей и благородных стремлений” — Н. Г. Чернышевский.

“Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками” — И. С. Тургенев.

“Язык — душа нации. Язык — это его живая плоть идеи, чувства, мысли...” — А. Н. Толстой.

“Если можно добиться от себя слова своего собственного, самим собою рождённого, то разве можно тратить время и гоняться за чужими мыслями” — М. Пришвин.

Вскоре меня, как человека, любящего всё оригинальное и нестандартное, подтолкнуло к новым экспериментам. Мною даны краткие характеристики всем буквам русского алфавита: **А** — авторитетная, азбучная, активная, античная, ароматная, апельсиновая; **Б** — бурная, бойкая, броская, багряная, божественная, блестящая; **В** — весомая, властная, величавая, волнующая, вежливая, великодушная; **Г** — громкая, героическая, горластая, гремющая, гуманная, голубая; **Д** — домашняя, достоверная, доверительная, действенная, добрая, душевная; **Е** — естественная, ершистая, ездая, египетская, единая, естественная, ежовая; **Ё** — ёмкая, ёрзающая, ёжовая, ёрничая, ёжистая, ёлочная; **Ж** — журчащая, животрепещущая, жанровая, желанная, жгучая, живописная; **З** — земная, закалённая, заметная,

заботливая, завораживающая, звонкая, звенящая, зелёная; **И** — известная, игривая, изошрённая, избирательная, избалованная, изворотливая, излучающая; **Й** — мягкая, быстрая, подвижная, мужская, окончательная, бесцветная; **К** — колоритная, капитальная, красноречивая, кипучая, клокочущая, красная; **Л** — лапидарная, лаконичная, лёгкая, ласковая, лучистая, ликующая, личностная, лазурная; **М** — маститая, монументальная, многозначительная, магическая, многоликая, манящая, малиновая; **Н** — научная, нагруженная, накопительная, напористая, намекающая, нежная, народная, нравственная; **О** — откровенная, ответственная, осторожная, отзывчивая, описательная, обворожительная, ослепительная, оранжевая; **П** — простая, покладистая, приветливая, плодovitая, праздничная, примерная, памятная, палевая; **Р** — радушная, родовитая, работающая, резкая, раскатистая, размеренная, рассудительная, радужная; **С** — солидная, созидательная, самоотверженная, смелая, сближающая, стремительная, свистящая, сладкая, светлая; **Т** — трудолюбивая, творческая, тактичная, темпераментная, театральная, тёплая, туманно-тёмная; **У** — удобная, упорная, устойчивая, уместная, уважительная, увлечённая, уютная, украшающая; **Ф** — фундаментальная, феноменальная, фыркающая, функциональная, фанатичная, фрикативная, фанфарная, фиолетовая; **Х** — ходовая, хлопотливая, холодная, хлопкая, хриплая, хмурая, хулящая; **Ц** — царственная, церемониальная, целевая, ценная, цивилизованная, цыкающая, цветная; **Ч** — человечная, чистая, чувственная, чарующая, честолюбивая, чеканная, числительная, чёрная; **Ш** — широкая, шустрая, шипучая, шумная, штурмовая, шершавая, шутливая, шоколадная; **Щ** — щегольская, щепетильная, щедрая, щекотливая, щебечущая, щадящая; **Ъ** — редкий, жёсткий, заметный, гордый, разъединяющий; **Ы** — изрыгающая, грубая, длительная, воющая, обиженная, тусклая; **Ь** — скромный, простоватый, несамостоятельный, короткий, неприметный, весёлый; **Э** — экзотическая, экономная, энергичная, элементарная, эффектная, эстетическая, эротичная; **Ю** — юная, юркая, юлящая, юморная; **Я** — явственная, яркая, ясная, яростная, янтарная, яблоневая.

Скажите, на каком другом языке возможно так охарактеризовать великих тружениц родного языка?!

Позднее родилось экспериментальное стихотворение “Сто ностальгических строк” с окончаниями “**ели**” (какой всё-таки удивительный наш язык: “**ели**” — и глагол и имя существительное во множественном числе, а сколько получается всевозможных вариантов!). Приведу только последние строки стихотворения, тем более что оно в какой-то степени передаёт душу русского человека:

... Ну наконец-то мы прозрели —
 Без Родины осиротели
 И стали собирать портфели.
 Шампунь в ход пошёл и гели —
 Мы на глазах похорошели,
 Вручали всем подарки гжели.
 Как фраки новые надели,
 Кристины, Джоны и Мишели
 На память нас запечатлели
 На фото, в масле и пастели.
 Душою словно подобрели,
 Ума набравшись, повзрослели:
 Чужие бросили отели,
 Домой, в Россию полетели!

А совсем недавно я попытался оживить наш, на первый взгляд, сухой и скучный алфавит и увидел в нём такую лёгкую и красочную картину природы, что даже сам удивился. Вот что из этого получилось:

Ах, бесподобен вид горных далей: **ели**, **ёлки**... **животные** заораживающе **играют**. **Йодистые** **косопалые** **лакомятся** **малиной**, напоминая **озорных** **проворных** **ребятишек**, **страждущих** **тайно** **ухватить** **финики** **хвойного** **царства**. **Чарующий** **шелест**, **щебет** **твёрдого** **знака** **ымитирует** **мягкий** **знак** эффективно, **ювелирно**, **явственно**.

Вроде бы пустяк, всего три с половиной строчки, а алфавит стал осмысленным, заиграл не только яркими и сочными звуками, но и живописными красками. Поэтому-то он и Великий!

Да простят меня специалисты за вольность со словом “**ымитирует**”, но что оставалось, если нет слов на эту букву. Вот и приходится заниматься словотворчеством. В разумных пределах каждый автор должен заниматься этим. Мне кажется, что учёные в долгу перед русским алфавитом. Давным-давно надо было придумать и преподать народу несколько десятков или сотен новых слов, чтобы наш алфавит не чувствовал себя ущербным на эту букву. Например: **ыкать**, **ызыгать**, **ызмальство** (почему бы и нет, если есть слово “сызмальства”), **ыгранный** (“сыгранный”)... Вот где пригодилось бы умелое и грамотное заимствование, а также смелое творчество.

Думаю, наш язык только обогатился бы, если бы учёные ещё предложили по два-три десятка слов, рифмующихся со словами: **любовь**, **отчизна**, **жизнь**... Со временем многие из них прижились бы в русском языке. А начинающие поэты только обрадовались бы этим подаркам (ведь далеко не каждый способен экспериментировать) и охотно их использовали, а не применяли банальные рифмы, на которые ещё в своё время сетовал Пушкин.

Многие страны бережно относятся к своей истории, культуре, национальным особенностям. Весьма примечателен положительный опыт Франции по защите своего языка и культуры. И делается это на уровне государства, что заслуживает уважения! Так почему же мы не боремся за чистоту родного языка, который является основой нашей культуры, достоянием нации и должен вызывать гордость у каждого порядочного человека. Меня, как офицера и патриота своего Отечества, беспокоит засилье, я бы даже сказал, наглая “интервенция” “американизмов”. Очень жаль, что мы (хотя мнение простого народа никто не спрашивал) на волне лжедемократии переняли из США и других стран Запада всё самое плохое, не взяв почти ничего хорошего, ценного, приемлемого для нас. А ведь Россия — самобытная страна: со своей историей, особым географическим расположением, национальным и религиозным многообразием, что, конечно же, не может не сказываться на обычаях, традициях, нравах, складывавшихся веками. К чему такое количество бульварной западной литературы, дешёвых и бездарных американских фильмов, которые буквально обрушились на наши незащитные головы, открытые сердца и души? Вдвойне обидно, что и наши деятели от культуры уже научились так писать и снимать... и навязчиво пичкать, насаждать, вдалбливать в наше сознание свои “шедевры”. Особенно досталось молодёжи и старшему поколению. Ответ прост: значит, кому-то это надо и делается всё это с определённой целью!

От этой кровавой жестокости, безыдейности и отсутствия светлых идеалов ломаются судьбы, душевно страдают и на глазах меняются люди, а вместе с ними трансформируются наши разговорный и печатный языки, которые, как во время пьяного застолья, засоряются словесным мусором, пошлятиной, нецензурщиной. Однако я не слышу по этому поводу громкого

протеста интеллигенции — именно она должна быть инициатором и организатором подобных проявлений и массовых выступлений в СМИ.

Некоторые чиновники и авторитетные специалисты даже уверяют нас, что ничего страшного в этом нет, наш язык и сам справится с этой очередной волной. Ведь и раньше подобное было — и ничего, русский язык выжил и даже обогатился. Хочется сразу возразить: раньше не было радио, телевидения, компьютеров и сотовой связи. А тогдашняя мода и увлечение теми или иными языками, отдельными фразами и словечками распространялись только на столичный свет и богатые семьи. Простой же народ и глубинка (а это большинство населения России), конечно же, всё чужое не восприняли и не заимствовали, просто-напросто отвергли.

Затем был “железный занавес”, да и власти за этим следили, не больно-то позволяли. А вот на волне демократии к нам ворвался вольный ветер бесконтрольности и вседозволенности. Руководители государства и депутаты часами трезвонили ни о чём, используя новые или модные словечки, даже не подозревая об их истинном значении. И началась эпоха словесной анархии и бескультурия. А когда это творится каждый день, каждый час и отовсюду, то невольно эта мишура откладывается в головах. Вот мы и получили то, о чём раньше и думать не могли. Так что, уважаемые господа равнодушные, сейчас совсем другое время — двадцать первый век на дворе!.. и воздействие на умы настолько сильное, что всё это не проходит бесследно. Уверен, что самостоятельно, каждый за себя и в отдельности, справиться с подобными атаками и зомбированием не в состоянии. Всё происходит вроде бы невольно и незаметно, но очень стремительно и методично: поэтому вбивается и намертво вдальбывается в мозг. А он беззащитен и, как раненая душа, страдает, разрушается.

Поймите, я не ратую за “железный” занавес, за цензуру... Нет. Это не выход. Любые произведения и самые различные направления в искусстве имеют право на существование — только не бездарные и не разжигающие межнациональную вражду, ненависть, не прививающие жестокость и агрессию. Но в том-то и беда, что нам подсовывают всякую зарубежную бездарность и дешёвую посредственность, а свои таланты зажимают. В последние годы в России всё реже стали проводиться Дни и недели той или иной национальной культуры. А ведь раньше это было, и деньги находились. Вот где было тёплое общение и взаимное обогащение культур и языков! Подобные праздники служили основой дружбы между народами. Иначе и быть и не могло в государстве, где проживало 160 национальностей. А что сейчас?

Как видите, проблем много. Поэтому-то и настала пора поднимать шум, привлекать все средства массовой информации и поинтересоваться общественным мнением: согласны ли россияне с таким положением дел? Затыгивать с этим вопросом нельзя, иначе завтра будет поздно. Вы прислушайтесь к разговору детей: они разговаривают уже не на молодёжном тусовочном языке (перешагнули, переплюнули этот этап), а как пьяные мужики и уголовники. Вот вам и безобидный, на первый взгляд, факт. А что с ними дальше будет? Ведь где слово — там и дело! Сотрудники правоохранительных органов это давно уже поняли, потому что каждый день сталкиваются с ужасными преступлениями среди несовершеннолетних.

Как же всё быстро изменилось — мы далеко уже не самая читающая страна в мире. Хотя нас успокаивают и приводят цифры, что в других странах положение ещё хуже (лично меня это в меньшей степени беспокоит, хотя их тоже жаль). Обидно, что за короткий срок в стране произошли такие разительные перемены. Что-то невероятное творится у нас с культурой, с литературой... Порой ставят, снимают и печатают что угодно, только не самое лучшее и

достойное. И положение с каждым годом не становится лучше, если не сказать наоборот. А ведь культура и литература являются основами и важнейшими составляющими национальной безопасности страны. Да, именно так! Пора возвращаться к добрым старым временам и приучать население к серьёзному чтению, осмыслению прочитанного, целенаправленному привитию культуры речи. А начинать надо с уважительного отношения к работникам культуры, писателям, литераторам, библиотекарям, учителям и воспитателям. Почувствовав это со стороны власти и общества, интеллигенция с большой радостью пойдёт в народ: будет встречаться и чаще выступать в трудовых коллективах, в учебных заведениях... Вот вам и ответ, куда потратить дополнительные деньги из бюджета страны и Стабилизационного фонда.

У нас каких только опросов нет. А вы лучше спросите у молодых людей: кто для вас является любимым литературным героем или героем нашего времени? Думаю, что внятных ответов не получите — их просто нет. В лучшем случае скажут: бандит такой-то, киллер такой-то, олигарх такой-то. И не удивляйтесь таким откровениям. Именно они — удачливые антигерои — чаще всего мелькают на экране, в газетах и в журналах. Отсюда, или частично поэтому, и сложилось у нас криминальное общество — ведь всё взаимосвязано. А о простых людях, их судьбах сейчас не пишут, не снимают — они, по мнению редакторов и продюсеров, не интересны массовому читателю и зрителю, с чем я категорически не согласен.

Отучили нас и письма писать и душевно, по-родственному говорить по телефону — междугородная связь для многих, особенно для пенсионеров, не по карману. Следовательно, постепенно утрачивается издавна принятая на Руси и в России и эта особая культура общения.

Для россиян сейчас основным источником информации и в то же время сжигания драгоценного времени стало телевидение. Учёные подсчитали, что ведущие центральных каналов ТВ обходятся минимумом возможно допустимых слов — словно специально соревнуются в этом. И это за полчаса вещания! Причём используется информационный материал агентств всего мира! Так вот из этого мизерного словарного запаса очень большой процент составляют “американизмы” и другие укоренившиеся иностранные слова, и очень часто применяются они без всякой надобности. К сожалению, некоторым ведущим и редакторам лень заглянуть и воспользоваться бесценным кладом русского языка — словарями, им легче позаимствовать иностранные слова, многие из которых непонятны простым телезрителям. А ведь сноска на экране и в газетах не делается. Вот и приходится порой слышать нелепые фразы. И такое продолжается изо дня в день на всех каналах, через каждые два-три часа. Плюс развлекательные и прочие однотипные программы, готовые своей бездарностью в первые же минуты вещания убить к ним всякий интерес. Теперь вы догадываетесь, какое негативное воздействие оказывается на россиян, особенно на детей?! Чему они могут научиться или уже научились?!

А ведь воспитание морально-нравственных качеств, патриотизма, духовности, безграничной любви к большой и малой родине должны начинаться с привития любви к родному языку (как к государственному, так и к национальному): с самых первых материнских слов, а затем в яслях, в детских садах, в школах... И только после заучивания и осмысления первых слов, исходящих из родительского сердца — а оно плохому не научит, — должны прививаться любовь к истории семьи, государства, гербу, флагу и так далее. Для этого необходима государственная программа и постоянная разъяснительная работа! Национальный язык, правильно подобранные

детские книги, хорошая литература, театры, кино, культура в целом, проповедующие гуманизм, любовь к окружающему миру, а также ближнему — всё это в комплексе должно воспитывать в человеке самые высокие чувства, готовность защищать своё Отечество. Так воспитывали наших дедов и прадедов, которые не щадили живота своего и в труде, и в бою. А что же сейчас творится? Чуждая нам культура, бездуховность и волчье мировоззрение нагло проникли в нашу страну и чётко претворяют поставленные задачи: окончательно развратить, идейно разоружить и разложить наш народ. Они стремятся к единоличному господству, постепенно выдавливая российскую многонациональную культуру, которая, на мой взгляд, как всё население и каждый человек в отдельности, моря и реки, земля и её недра, является бесценным достоянием нации. Так что же наделённые полномочиями органы власти не защищают своё богатство и культуру в частности? Западные политики и их послушные сподвижники стремятся к полному господству, к безоговорочному подчинению нашей страны. А для этого немного надо: управлять нашими беззащитными от массовой агрессии умами, открытыми сердцами и душами. И прямо должен сказать, они уже преуспели в этом и с каждым годом их воздействие увеличивается. Из литературы и искусства они постепенно вытравливают социальную сущность, национальные особенности, духовность... Зато приносят фальшивые, давно прогнившие ценности, систематически воздействуют на психику, уничтожают самосознание и волю, прославляют самые низменные человеческие чувства и инстинкты. Им не нужны яркие личности, индивидуумы, имеющие собственное "Я", им нужны послушные безграмотные массы. Всё что перечислено — это далеко не полный набор средств и методов, причём очень дорогостоящий, но наши добровольные "радетели" и прислужники всё про считали и взвесили. А цель, думаю, всем понятна.

Хочется спросить у наших чрезмерно заботливых "друзей": так что же вы так активно и рьяно "скупаєте" наши умы и не только наши, если мы и подобные нам такие "недалёкие", "тёмные" и "дикие"?

Несмотря на то, что в последние годы российскому образованию нанесён ощутимый урон, наши юные дарования на всемирных олимпиадах ещё завоёвывают призовые места. Значит, наше образование и средняя школа в целом, хотя их постоянно унижают и беззастенчиво обворовывают, ещё не до конца уничтожены и способны находить и развивать юные таланты. Так зачем же ломать хорошее, уникальное? Но вместо того, чтобы вовремя выплачивать нищенскую зарплату учителям, затеяли всевозможные дорогостоящие реформы. В результате наших детей приучают не читать и серьёзно думать, а легковесно угадывать во время тестирования, то есть играть в дешёвую, вроде бы беспроигрышную лотерею. На самом же деле мы ещё ох как проигрываем. Потом это больно аукнется. Спыхватимся, да будет поздно. И тогда нас втянут в новые бездарные и враждебные реформы.

А как расценить сокращение учебных программ по истории, по русскому языку и литературе? На пользу ли все эти новшества? Невольно возникающие вопросы наталкивают на далеко не радостные размышления.

Подняв этот серьёзный вопрос, нельзя не заострить внимание на роли и значении культуры речи, чтения и общения. Представьте себе группу молодых людей, которые ведут разговор на своём, понятном только им, тусовочном, или компьютерном языке. Вдруг в их обществе появляется мама, бабушка или девушка — они сразу должны перейти на обычный и понятный всем разговорный язык. Так издавна поступают на Кавказе и в Средней Азии. Местные

жители из уважения к гостю другой национальности в его присутствии общаются между собой только на его родном языке, чтобы не обидеть, чтобы ему было понятно, о чём они говорят, смеются, печалются. Одновременно гость пополняет свои знания о традициях и обычаях коренного населения, лучше узнаёт самих хозяев и их окружение. Вот такие правила должны закрепиться и в нашем обществе, тогда по языку общения, не говоря уж о поведении в целом, можно будет оценивать общую культуру собеседника и группы лиц.

Поверьте, я высказываю не только свою точку зрения. Так думает большинство из тех, с кем приходится общаться. Мне часто приходится выступать в трудовых коллективах, в воинских частях, в учебных заведениях, и люди, независимо от возраста, говорят примерно об одном и том же. Я же с любовью и гордостью рассказываю о русской литературе, доказываю, что наш язык самобытный и неповторимый, самый богатый и выразительный язык в мире. Но его чистоту надо защищать так же надёжно, как рубежи своей Родины. Они неразрывно связаны, и любые нападки на язык надо расценивать как нападение на Отечество. Любые наши послабления, безразличие, ошибки активно используются потенциальными противниками, стремящимися ослабить, разобщить и раздробить Россию, сделать её сырьевым придатком Запада. Никогда не надо забывать: добрым словом можно лечить и укреплять дружбу, а поганым можно убить и начать войну.

Пора дать отпор прозападным “мечтателям”, постепенно возрождать военно-политическую мощь России и поднимать авторитет на международной арене. Честных людей всегда больше, чем подонков и предателей разных мастей. Патриоты должны действовать на всех фронтах, в том числе и в вопросах защиты русского и других национальных языков от всякой скверны. Лиши нас языка и духовности — и нет России, останется одна территория, на которую многие века косятся и засматриваются наши недруги.

Полагаю, что наше поколение должно выполнить возложенную на него благородную миссию, которая изложена в последней строфе моего стихотворения “Возвращение Пушкина”:

*... Поэт промчится по просторам снова,
И несказанно будет рад тому,
Что сохранила Русь родное слово —
Вот лучший памятник в веках ему!*

От нас с вами зависит настоящее и грядущее России, так давайте же дружно скажем своё веское Слово, и тогда оно будет услышано всеми, особенно молодой порослью — преемниками и продолжателями славных дел своих героических отцов и дедов! И пусть они помнят:

*У всех веков полно своих врагов —
Уж так устроена природа:
Рождает специально дураков
Для испытания народа.*

И всё же я верю в успех и в победу русского языка и России в целом! Думаю, не перевелись ещё достойные ученики В. И. Даля и продолжатели дел праведных.

*За далью виден Даль,
И жив его Великорусский
Толковейший словарь:
Широк душой, умом не узкий!*

г. Нижний Новгород.

Сауле БЕККУЛОВА,
кандидат искусствоведения

Подарок судьбы

*Город, как голос наяды
В призрачно-светлом былом.*

Н. Гумилёв

“Если ты о чём-то страстно мечтаешь, то оно обязательно сбудется...” — сказал А. Блок век тому назад. Убедиться в этом привелось мне, по счастью, не раз и не два. Вот и хрустальная, совершенно несбыточная мечта детства об Италии сбылась вдруг, совершенно неожиданно. Нет, мне никогда не хотелось в толпе туристов, ведомой энергичным гидом, шествовать по великолепным, овеянным славой веков и непреходящей Красоты улочкам, дворцам и площадям итальянского побережья. Хотелось, как во сне, как в воспоминаниях Ильи Эренбурга, очутиться там совсем одной и совершенно независимо от чьей-либо воли бродить по волшебной стране мечты.

Судьба распорядилась иначе. Повод для поездки в Милан был более чем прозаический: подобрать и заказать мебель для офиса в компании, где я служила менеджер-дизайнером. Внутреннее сопротивление — отказаться от поездки, где самое сокровенное будет пошло “заземлено”, было сломлено по настоянию друзей: “Это тебе будет очень нужно для работы!”. И я дрогнула.

Словом, преодолев воздушное пространство над Евразией, через Амстердам, мы приземлились в Милане. Руководитель фирмы был настроен воинственно: с помощью нашего представительства мы должны объехать и отсмотреть всё самое лучшее, стильное, безупречное. Это, кроме мебели, включало все аксессуары интерьеров офисных и домашних. Что ж, придётся пожертвовать, как стало ясно из наших маршрутов по городу и окрестностям, надеждой на знакомство с чудо-архитектурой северной столицы, её музеями и дворцами-палаццо. Встречи с представителями мебельных салонов, фирм и корпораций следовали в механически-жёстком режиме. Ранний завтрак, машина у входа в отель, визиты к хозяевам мебельных заведений — допоздна, позднее возвращение и полуобморочное приближение к номеру. И так — шесть дней, безостановочно. Учитывая пятичасовую разницу во времени и некоторое недомогание, с которым я покидала Алматы, можно представить, как всё это отражалось на моём настроении. Мучила непрерывно мысль: как, вот здесь, в Италии, в Милане, так близко от мечты моей — Венеции... И не увидеть? Не ощутить?

И только непосредственное вольное и невольное общение с аборигенами спасало ситуацию. Девушку с ослепительной белокурой головкой и строго-неприступным видом звали Лючия. Так нам официально представилась секретарь-переводчик консульства. Её, как видно, побаивались. Через день она, свободно шутя, поражалась сама, ведь все считают её характер несносно-высокомерным. Оказалось, родом из России, она уже три года с отцом-итальянцем в Милане, а мама скоро приедет тоже, с сыном от второго брака, уже взрослым... Удивляясь своей словоохотливости и доверительности бесед, Светлана объяснила, что Luchia — это по-итальянски.

И добавила: «А ты — тоже Luchia, потому что перевод слова — луч, свет, солнце». И мы рассмеялись. Отец её, строгий и официальный, вдруг как-то весь потеплел, заулыбался и сделал от своей транспортной фирмы всё, что только можно, хотя совсем не имел к этому отношения. Просто отношение Светланы и пара шутливых слов, оброненных мною в машине, оказали магическое действие. А слова были: «amore», «dolce», «piano», «presto», «Santa Maria». Так я, смеясь, определила своё знакомство с итальянским. Через термины музыки, знакомые с детства. Он пригласил меня к ним в гости, за город, чем совершенно «сразил» дочь, никогда не видевшую отца таким оживлённым и довольным: «Он всегда грустит, ждёт маму, переживает и никогда не смеётся». А я объяснила ей, что зрелому мужчине, чтобы, потеряв любимую жену, мать ребёнка, вновь вернуться к ней, нужно преодолеть очень многое, прежде всего — в себе: сомнение, недоверие, ревность, страх. Но раз он нашёл силы, чтобы расторгнуть свой второй брак, забрать к себе дочь, её, Светлану-Лючию, то теперь, безусловно, самое трудное — увидеть сына от другого. И это — главная причина его стресса. Но рядом — любимая красавица-дочь, и незачем страдать заранее. Не лучше ли радовать его собой, оберегая от излишних переживаний? Всё это Лючия встретила с изумлением, словно никогда не догадывалась об истинной причине такой «заторможенности» отца. И очень огорчилась, узнав, что времени для единоличного визита к ним у меня — увы! — не найдётся. Зато мы сможем увидеться в Питере или Москве, куда она рвётся всем сердцем.

В залог был оставлен номер домашнего телефона в Алматы, куда она потом не раз звонила. А здесь, в Милане, ей случилось не раз выручать нас в качестве переводчицы, и не только.

Газпром

Одним из ведущих мебельных предприятий, где «командовал парадом» крепкий коренастый итальянец средних лет, оказалась корпорация, склады и салон которой расположены в трёх часах езды от Милана. Рано утром погрузившись в авто, мы стремительно минуем центр города. Володя, водитель-алматинец из нашего представительства, на ходу бросает: «О, опять эти итальянцы свой Ла Скала ремонтируют». Я оглядываюсь, уже издалека замечая здание в лесах, а машина уносится прочь. Долго и довольно бестолково колесит он по улочкам названного места и всё не находит, путается, ворчит, хотя прохожие-итальянцы приветливо объясняют, знаками указуя направление. Проблуждав около четырёх часов, совершенно обессиленных, он, наконец, оставляет нас у железных ворот огромного, обнесённого металлической изгородью пространства.

Итальянец-шеф, виденный нами накануне, радушно-суетливо встречает нас, проводя по коридорам в глубь строения. Наконец, заводит в огромную залу с множеством столов и кресел. Здесь он обращается к помощи сопровождающей нас женщины по имени Елена. Яркая, эффектная, она певучим голосом начинает объяснять ему, что нас интересует. И это длится и длится, а он кивает головой заворожённо и только изредка вставляет одно слово, короткое и звучное. Не прислушиваясь особо и полагаясь на её знание предмета, я внимательно знакомлюсь с представленными образцами. Наконец, обнаружив, что время обеда уже почти истекло, мы решаем продолжить разговор о деле после трапезы. Хозяин вдруг оживлённо предлагает повезти нас в хорошее местечко, недалеко и комфортно.

Устало согласившись, едем. Останавливаемся перед скромным заведением, одноэтажным и не слишком привлекательным внешне, следуем внутрь. Нас усаживают, сдержанно приветствуют и предлагают сделать заказ. Мои спутники несколько обескуражены непрезентабельным видом этого кафе-ресторана, переглядываются, а “мебельщик”, устроившись рядом со мной, громко заявляет, что за стол платит он. Пока они медлят, что-то спрашивая у официанта, я очень чётко выговариваю, мне — *vitello molto sottile* (вителло мольто сотилле а ля гриль) — т. е. телятина, нежно поджаренная. Он — в восторге, хлопает в ладоши и тотчас заказывает и себе и мне это блюдо. Смущённые, мои соплеменники спросили какой-то бульон (не знаю, что сие по-итальянски значит) и чай, отказавшись от вина и десерта. А я, уплетая мясо, нежное, сочное, ароматное, совсем как дома, вдруг впервые в своей жизни услышала повисшее над столом по-казахски выражение: “Сауле, всё-таки без мяса — это не пища, правда?”. А мой мебельщик, чутко уловив, кто принимает решение в вопросе о мебели, радостно жевал, блестя глазами, и что-то говорил нашей Елене. Слово, так часто им с выражением повторяемое, короткое и звучное, означало большие заказы из России и Европы. И звучало оно: “Газпром”. Увы! Ничего, кроме “президентского” кресла с высокой спинкой мы у него не купили.

Папа Карло

В один из завершающих дней поездки, почти закончив все дела, я оказалась “забыта” в номере отеля. Ожидая звонка, не покидала его, всё больше тревожась. Наконец, когда обеденный час минул и следовало уже быть в представительстве по вопросам транспорта, решилась туда позвонить. Лючия-Светлана обрадовалась: “Приезжай! Скорее! Пообедать не успеешь!”. Я удивилась, но последовала её совету. Совершенно не ориентируясь в местонахождении ни отеля, ни консульства, бесстрашно и весело “направила стопы”, не ведая, что это — огромная дистанция. А у меня — пустой кошелёк. В руках — крошечный сборник стихов, подаренный издателем Бахытжаном Канапьяновым. Стихи Олжаса Сулейменова с его портретом. Иду беспечная, свободная по проспекту, обгоняя редких прохожих. Один из них, остановив, забрасывает вопросами. Итальянская музыкальная певучая речь таинственным образом становится понятной. Как? Не берусь объяснять, не знаю. Я прибавляю шаг, оправдываясь по-английски: так мало времени, спешу. Он восклицает очередной вопрос: кто я, откуда, из какой страны, какой нации, с чем пожаловала в Италию, что, где, когда? Отвечаю, пытаюсь быть пунктуальной и точной. И вдруг понимаю: вот она, книжка, что всё ему объяснит. “Амбассадор”, — говорю я, показывая портрет Олжаса. Быстро черчу на задней обложке схему Союза, России и Казахстана. “Джэпэн, азиан?” — вопрошает попутчик. “Ноу, ноу, Kazakhstan!” — показывая на схему, говорю ему я. И вновь про консульство, про площадь революции, название которой помнится, и про близость к площади Дуомо, т. е. главной площади перед миланским Баптистерием. Он хлопает глазами, потом — по своей груди и, смеясь, произносит: “Карло!”. Я отвечаю: “Yes, I’m Saule, you — para Karlo!”. И так, смеясь, мы движемся в направлении перехода. А там вдруг он берёт какие-то талоны (оказалось, до места мне далеко, надо ехать на метро), сопровождает меня до вагона и мы добираемся до Соборной площади. А оттуда, издали,

я разглядела высотное здание, куда держала путь. “Ах, спасибо, мне пора”, — прощаюсь я с милым стариком. Он взмахивает руками: “Баста?” — “What?” — “Баста, финита?” — “О да, благодарю, баста!”. И бегом — к месту назначения.

“Здесь так принято!”

Перебегая перекрёсток совершенно в неподобающем месте, понимаю, что так нельзя, и вдруг, приблизившись к зданию, теряюсь: там, с оружием наперевес, стоят карабинеры. И вдруг — о чудо! — они с улыбкой пропускают меня. И тотчас новая заминка: забыла, на какой этаж ехать. Но вбегаю, задыхаясь, в лифт, притиснутая очень полной женщиной, приветливо глядящей и что-то спрашивающей. Лифт тормозит: передо мной Светлана. “Здесь все тебя уже знают, запомнили”, — говорит она на ходу. Объясняет, куда и как надо идти по поводу транспорта, а потом внезапно останавливается: “Постой, ты же не обедала. А как ты добралась, ведь машина, оказывается, сломалась, Володи нет...”. И увлекая за собой, мчится вниз, на улицу, в бюро заказов. Там нас пропускают вперёд двое азиатов, объяснив, что свою, японку, они не могут заставить ждать. Лена залившись хохочет, заказ принят, а она ведёт меня в близлежащий кафетерий. Оказывается, здесь строго запрещается обслуживать кого-либо в послеобеденное время. Фантастическим образом я убеждаю продавца отпустить мне какой-то слоёный пирожок с кофе. Он, оторопев, соглашается и, отвернувшись, опустив глаза, ждёт. Затем с улыбкой, благодаря, прощается. А я, повеселев, спрашиваю у Лены, почему так строго? Она говорит: “Он рискует работой, тут это — закон”. И видя моё огорчение, ведёт в другую сторону, к магазину, где мы приобретаем плёнку к моему фотоаппарату. На выходе Лена посмеивается: “Знаешь, что сказал продавец? У тебя — красивые глаза”. Рассвирепев, я спросила: “А у него какие?”. Она, смеясь, продолжала: “Да ты не обижайся, здесь так принято, все себя так ведут, ведь это — итальянцы!”. И был оттенок снисхождения и гордости в её словах. А потом предложила посидеть в кафе, на открытом воздухе, благо, время у нас есть. Согласилась.

Милан. Мороженое с малиной

Возле застеклённой стены кафетерия расчехлила фотоаппарат и сделала несколько снимков. Дверь распахнулась, и несколько молодых людей стали раскланиваться, прижимая руки к груди и улыбаясь. Смутившись, услышала от новой знакомой: “Они к этому непривычны, поэтому радуются и благодарят”. Но я-то обратила внимание на освещённый изнутри интерьер... Здесь же, на мощёной мостовой, примостилась крошечная площадка со столиками. Присев, мы заказали мороженое. Юноша, предупредительный и скорый, исполнил заказ... трижды. Первый раз он принёс фруктовое с вареньем. Взглянув на меня, спросил что-то у моей спутницы и тотчас ретировался с подносом. На второй раз шапку пломбира украшала горка клубничного варенья. Один взгляд, взмах руки, отчаянное лицо, и вновь он убегает. Неловкость моя нарастает, но строгое лицо моей соседки внезапно краснеет, и она со смехом отпускает официанта. Я обескураженно взираю на своё угощение. В огромном стеклянном вазоне передо мной — гора ослепительного мороженого, закрытая с верхом

душистой свежей малиной. Любимое блюдо? Да-а... Но столько? В ответ на невысказанный вопрос раздаётся: “Понимаешь, они очень хотели сделать тебе приятное. Это — те самые ребята из кафетерия, он — один из них. Да, я для тебя заказала 200 граммов, но после стольких ошибок они принесли 500...”. Заливисто смеясь, она откинулась на спинку стула, а отдышавшись, с упоением наблюдала за моей трапезой. Напоследок сказала: “Теперь они — твои должники, и всегда будут тебя ждать и обслужат вне очереди, это мальчик-официант передал”. Обернувшись, увидела за витриной стайку юношей с поднятыми руками. Помахав на прощанье, вновь встретила целую горсть приветствий и криков радости. На душе было легко и лучезарно. Как дома! И такая благодарность наполнила сердце, что долго эта нетающая улыбка витала надо мной...

В ожидании чуда

Но рядом с удовольствием от понимания, что миссия моя здесь завершается успешно, точила мысль, что главного со мной не случилось — я не увидела города своей мечты. И тогда... Поздним вечером, после шести дней и бессонных ночей, мне была “вручена” новость: завтра на рассвете я еду на поезде в Венецию. Одна. И возвращаюсь оттуда в Милан, а затем домой — тоже одна. И мгновенный страх растерянности тотчас улетает от невероятного ощущения близкого мига чуда.

В шесть утра поезд отправляется с перрона, почти пустого. В вагоне первого класса, с кондиционером и стеклянными дверьми я одна. И в душной жаркой миланской ночи я стыну от ледяного дыхания воздуха купе, мечтая скорей оказаться “на улице”. Но усталость берёт своё. Смежив веки, я всё же вижу, порой забываясь, медленное свечение близящегося дня. Из мглы наплывают, проносясь мимо, очертания укутанных в густую зелень усадеб, каких-то древних стен, мерцание реки где-то внизу, вновь — пушистые стены зелени, столбы... И мерный перестук, убаюкивая, тотчас будит толчком.

И вот уже утро — чуть туманное, раннее, тёплое. И моя Венеция, начавшаяся с вокзала “Venecia di S. Luchia”. Ступив на перрон, ощутила полное одиночество. Но работник вокзала любезно указал направление, и слегка заторможенно, но вполне сознавая значение происходящего, я вошла в лёгкое современное строение. Ноздри щекотал запах свежего кофе и сладостей. Позавтракав, наконец, перешагнула порог вокзала и...

Здравствуй, Венеция!

Грациозное ренессансное строение ослепило глаза, покачиваясь на лазури воды. Здесь, на мраморных ступенях вокзала — на расстоянии вытянутой руки от капеллы! — стояли, сидели, лежали юные романтики со всех концов света — искатели приключений и красоты, нагруженные рюкзаками, баулами, пакетами, спортивными и пляжными принадлежностями, разноголосно и многоязычно изъясняясь в тон шуму воды. Она плескалась у ног. И первый мост был прямо передо мной, изящный и лёгкий.

Через четверть часа была на борту вапоретто — катер, водный трамвайчик, наверно, самый популярный вид транспорта, судя по обилию пассажиров. И — никакой суматохи, давки, грубости. Тебя за руки поддерживают рослые, крепкие юноши при переходе с причала на судно и обратно и — ни одного вопроса. О билетах здесь как бы забыли. Приятно? Не то слово.

Приветливость, заботливость, участие и открытость — с первых минут. Радует, удивляет, бодрит? Да-да, конечно, это начинает сбываться то самое, заветное...

Но вот катер тронулся. И канал плавно обратился в дымчатую морскую гладь, и панорама прибрежных изящно-стройных сооружений, уменьшаясь в масштабах, с плавностью и быстротой необыкновенной сменилась великолепной панорамой морского пространства.

О, Венеция! Я забыла о всех своих горестях и проблемах в этом счастливом городе моих детских грёз, сияющем северном островке мечты сбывающейся. Ах, это осязаемое, осязаемое каждой порой и нервом, как воздух любви, желание раствориться, остаться навеки в этой богоданной обители света!

Остров Лидо

И вот — остановка. Главный остров, основная часть города — здесь. Бросились в глаза разноцветные — все оттенки пастели — стволы могучих деревьев, “облепленные” стоячими, лежащими, словно уснувшие дети, велосипедами. И никакой тебе охраны! Рядом — ряды сувениров: открытки, украшения, поделки. Наконец, приближаюсь в разношёрстной туристской толпе к ажурному белому мостику и, помедлив, решаю задержаться, оглядеться. Отсюда — благородная изысканность собора св. Марка и площади перед ним воспринимаются особенно рельефно и празднично. В аркадах разгуливают в карнавальных костюмах некие лицедеи, предлагая при желании облачиться в сей наряд и запечатлеть себя на века. Обернувшись, вижу море приветливо-восторженных лиц и, решившись, обращаюсь с просьбой. Снимок сделан, а я в свою очередь сфотографировала их тоже. И здесь — масса людей и подъём духа.

В праздничной суете торговых рядов рядом с площадью св. Марка внезапно слышу за спиной энергичное, музыкальное из “Аббы”: “Give me, give me, give me!..”. Обернувшись, встречаю чёрные маслины-глаза. Конечно, рассмеялась. А продавец уже скрылся в толпе. Вышла к каналу, восхищённая

Венеция. Площадь Св. Марка. Гондольер.

Венеция. Панорама.

Венеция. Мост Риалто.

рядами гондол с их гибкими, точно лебединая шея, наверхиями. Порыв ветра перехватил горло, и я вдруг чихнула. Размыкая веки, услышала чьё-то приветствие-пожелание, очень похожее на наше “Будьте здоровы!”. Но слова были итальянскими, да и кто мог их адресовать мне? И тотчас встречаю взгляд с воды — чернокудрый красавец-гондольер направляет лодку в канал, точь-в-точь как в Питере у Эрмитажа. Застыв от изумления, я всё-таки не выдержала и расхохоталась. В ответ — такой же смех и взмах руки в приветствии. Как красивы эти “водители лодок” в работе — стоя на корме, полные грации и силы, правят они в одиночку своим гибким и довольно весомым “судном” с пассажирами. И так — из века в век.

И сам собор — величественный и изящный, вместивший всю историю этого волшебного города-государства, так объединивший понятия Востока и Запада, ослепительно-белый на сини воды и неба. Боже! Какие люди воздвигали эти храмы и дворцы, эти палаццо на воде, какая музыка звучала в их сердцах, какие кисти вложила Природа и Судьба в их руки!

Миланский собор

Поздним вечером, затемно вернулась в Милан. Через сутки предстояло возвращение домой.

Открыв глаза, с удивлением обнаружила, что уже обед. И заметила с удовольствием деталь убранства номера: на прикроватной тумбочке, под абажуром ночной лампы лежала горсть шоколадных конфет. А бумажная розетка под ними на трёх языках гласила: “Сладкого сна!”. Это я заметила лишь теперь, отдохнув, почуввав вкус к жизни. И — как обморочное наваждение: а ведь моя Венеция — не сон, она теперь — во мне, со мной. И это — навсегда!

И следом мысль: ведь я не была в Миланском соборе, как можно?

В послеполуденном каменном Милане июля трудно дышалось. На такси отправилась к Дуомо (собору). Пламенеющая готика во всём её блеске! Ажурные вертикали тающих светлых стен, улетающие ввысь башни, скульптура, как живое древо жизни, вросшая в кровь и плоть могучего храма. Кружа по площади, я приближалась и отдалялась от ступеней храма, на которых сидели массы людей. Медля, волнуясь, не решалась войти. И вдруг...словно гигантской волной буквально внесло меня в храм. И тотчас опустились тишина и сумерки. Неодолимо повлекло вглубь, к алтарю. Не знаю, как очутилась на скамье. Высоко под сводами парили музыка и голос, проникновенный, ласковый и строгий. Пастор говорил со всеми и с каждым. Это длилось бесконечно. Мерцали алтарные свечи, плыл дым воскурений, качались тени на стенах, и душа улетаала вслед божественным звукам...

Очнулась я внезапно, вся в слезах, храня трепет услышанного слова.

Пробираясь к выходу, запрокинув голову и осушая лицо от слёз, залюбовалась великолепными витражами, пылающими в лучах июльского солнца. А в них — тонкие, прекрасные лики святых.

Рядом, стыдливо вытирая глаза, двигались рослые американцы в шортах, удивлённо поглядывая друг на друга.

За порогом храма ощутила сиротство и беспомощность. Прохожие сочувственно объясняли, что сегодня — воскресная служба, приехал из Рима Папа, весь транспорт в центр почти не ходит, особенно такси. Тронутая их теплотой, перешла улицу, утолила жажду в каменном источнике со львиной головой — точно как в детстве в Сосновом парке Алматы, — успокоилась. И, подняв глаза, увидела — передо мной остановилось такси. С другой стороны дороги раздались счастливые голоса напутствий. Оглядевшись, таксист высоко поднял брови, улыбнулся и широко распахнул дверцу.

Через день меня встречала Родина.

А в душе рефреном звучит:

“Италия! Благословенный край!

Страна созвучий счастья и разлуки!”.

И истина, что открылась мне там: люди прекрасны везде! Был бы ты с ними открыт и искренен!

И вновь вижу: ослепительный блеск воды в каналах — море дышит этой землёй, и та ей отвечает взаимностью. Гармония Любви. А над ними — Ветер Свободы. Спасибо, Венеция моя! Священная Италии земля! Поистине это — подарок судьбы.

Турсынбек МАЛИКОВ

Как молоды мы были!

Вот очередной той, опять выходим мы, десять солидных, седоволосых, видных (люди говорят), разменявших седьмой десяток мужчин, но это не очередная группа людей, скомплектованная хозяевами для произнесения тоста. Наше сообщество уникально тем, что мы все родились в одном посёлке, большинство буквально в одной больнице в течение одного года, учились в одной школе и живём всю жизнь вместе, куда бы нас судьба ни разбросала.

Мы дети послевоенного времени, и кажется, пора, если не подводить итоги, то уж, по крайней мере, подумать о том, кто мы, кем состоялись, чем наше поколение отличается от других, какие человеческие качества приоритетны для нас. Я думаю, что наше поколение можно однозначно оценивать как поколение философов. На заре жизни мы прикоснулись к патриархально-феодальному устройству жизни, затем нам сказали, что есть какие-то высшие фатальные законы развития общества, которые известны умным бородатым учёным, портреты которых висели везде как иконы и по которым можно прогнозировать жизнь общества, да ещё нас обрадовали тем, что нам удалось перепрыгнуть через довольно неприятный её участок, называемый капитализмом, и сразу оказаться в светлом социализме на пути к ещё более светлому коммунизму. А затем, когда наша жизнь в основном состоялась, говорят, нет, извините, что-то не то получилось с нашим развитием, и мы то ли вернулись, то ли пошли вперёд к капитализму. Как после всего этого нам самим не задуматься над вечными вопросами бытия и не стать философами?

Мы ещё и идеалисты, по крайней мере больше, чем нынешнее прагматичное поколение (нет, я не обвиняю его: для каждого времени нужны адекватные социальным вызовам черты характера человека). Мы верили в светлые общечеловеческие гуманистические ценности. И дело, может, даже не в том, в каком “соусе” всё это подавалось, то ли в коммунистическом, то или ещё как-то. Мы верили во всё это даже не потому, что была сильна пропаганда, как думают многие, а потому, наверное, что человек по своей сути рождён для счастья, для радости и потому склонен верить в радужные идеалы.

Многие из нас не помнят, когда впервые увидели друг друга, потому что это произошло в двухлетнем или трёхлетнем возрасте. А с некоторыми мы впервые встретились на пороге школы. Т. е. мы стали общаться на самом важном этапе своей жизни, на этапе становления нас как членов общества, на этапе социализации. Мы, вышедшие из семейного очага маленькими властелинами, непревзойдёнными и неповторимыми,

**Турсынбек
Сабинович
МАЛИКОВ**

— доктор педагогических наук, профессор, почётный работник образования РК, заведующий научно-исследовательской лабораторией дидактики математики Кокшетауского университета. В “Ниве” публиковался в 2009 году.

Живёт в г. Кокшетау.

заставили друг друга понять, что это не так, что есть другие дети, другие люди, кроме нас, такие же, как мы, с которыми нужно считаться, научиться жить вместе, где-то уступать, где-то добиваться своего, вершить общие дела, решать общие проблемы, иметь общие цели, чувствовать необходимость общения друг с другом, понять, что кто-то в чём-то лучше тебя, а кто-то хуже, кто-то сильнее, кто-то слабее, кем-то восхищаются, а кто-то восхищается тобой, кто-то хочет себе, а кто-то тебе...

В процессе этого общения вырабатывалось наше понимание принципов человеческого общежития, вырабатывался рейтинг каждого из нас. Эти рейтинги затем во взрослой жизни подвергались многочисленным испытаниям, но удивительно то, что они дожили до нашего пенсионного возраста. По крайней мере при встрече мы выстраиваем свои отношения по тому странному рейтингу детства. И мне кажется, что это происходит от того, что он самый объективный, самый точный, и если что-то не пошло во взрослой жизни согласно этому ранжиру, то эта не ошибка рейтинга, а ошибка тех жизненных обстоятельств, которой мы подверглись. И те, кто пытались потом изменить оценку собственной значимости в силу ряда появившихся новых обстоятельств (продвижением во властных структурах, достижениями в творчестве, материальными достижениями), просто не смогли это сделать, принимали прежнюю оценку или же выпадали из нашего коллектива.

Что такое дружба? — невольно задаёшься вопросом, чувствуя большую роль друзей в твоей жизни. Если это средство для организации детских игр, то мы давно в них не играем. Если это средство совместного противостояния угрозам, которые в том или ином виде предстают перед человеком в разные периоды его жизни, то они меняются и прошли. Может, это коллектив единомышленников, но мы порой бываем довольно разными. Что же тогда нас держит вместе? Умом это не понять, да и нет в этом необходимости, что бы там ни было, мы сохранили нашу дружбу — и это хорошо.

В разное время ушли от нас Багдат Темиров, Толеген Абуов и Каким Жуманов, и мы лишний раз убеждаемся, что действительно Аллаху в первую очередь нужны самые лучшие. Исключительная доброта, уважительное и по-детски наивное отношение к нам объединяло их, и в этом они были самыми лучшими, и это не дань ушедшим, а справедливая констатация факта. Они остались в нашей памяти молодыми и как будто застолбили навечно наши образы того времени.

— А как Аманжол? — спросили как-то знакомые на одной из встреч.

— Да так же живёт в Алма-Ате, как и раньше, — сказал лениво кто-то из земляков про него — и всё. Мне почему-то показалось, что он сильно оскорбил его.

И это про жизнь Аманжол Усенова, которая состоялась как сплошное преодоление и восхождение, как победы и только победы. Про которую без всякого преувеличения можно сказать, что каждым днём своей жизни он был удостоен только потому, что “каждый день шёл за неё на бой”...

С пороком сердца первый разряд по штанге, без ведома родителей лечь на стол хирурга в восемнадцатилетнем возрасте, вероятность благополучного исхода операции по тем временам была непонятной, потом успешное продвижение по службе — и везде преодоление на грани человеческих возможностей... через двадцать пять лет ещё одна операция на

сердце, потеря дочери, жены... и выстоять... Жениться второй раз, и это тоже победа, преодоление, выйти на работу, т. е. показать, что жизнь продолжается не хуже, чем у других, которым не сделали две операции на сердце, которые не потеряли двух самых близких людей.

Вот тебе — “так же живёт в Алма-Ате”...

Казбек Аскарров, казалось, ничем не выделялся в детстве. Но жизнь часто делала вызов его интеллекту, нравственному потенциалу, бросала его на ответственные участки и требовала от него многих качеств, необходимых для решения этих проблем, и он находил эти качества у себя, а если их не было, вырабатывал их, вырастал до того, чтобы быть достойным того доверия, которое выпадало ему.

Как-то он сказал мне: ты умнее, образованнее меня, иди ты сделай это. Я тогда явственно осознал, что кроме знаний, образования есть нечто большее, которое называется мудростью и которой он, кажется, обладает.

Но он, по-моему, ошибается в собственной самооценке, думает, что его звёздный час был тогда, когда он стал первым демократически выбранным первым секретарём райкома партии. Но первых секретарей было много, из них только его выбрали почётным гражданином района, и самое главное, он действительно в почёте среди земляков. И это в том районе, в котором знают всю его подноготную, знают, как говорится, как “облупленного”. А это значит, что его подноготная чиста и был он достойным руководителем. А для начальников настоящий момент истины наступает тогда, когда они уходят на пенсию. И это испытание он прошёл успешно.

Олжабай Байгожин — один из руководителей медицинской службы, напористость, вера только в себя, в свои силы, умение добиваться всего только собственным трудом делают его человеком свободным и независимым. Олжабай много читает, первым знакомится с моими работами публицистического характера, первый рецензент и первый болельщик. Уметь радоваться за другого, что не всем дано, а он это умеет, когда кто-нибудь заболевает, конечно, он с нами.

Наши дома в детстве располагались в трёх метрах друг от друга, через окна мы вызывали друг друга поиграть на улицу. Как мы увлекались игрой в шпионы (шпиономания отражалась даже в детских играх), уходили в эту игру с головой, наши фантазии были настолько сильны, что превращали всё вокруг в объекты границы и заставы. И в самый разгар погони разведчиков за шпионами как бы издалека раздавался рассудительный, трезвый голос Казбека: “Всё, хватит, я пойду домой, мне дедушка сказал прийти в пять часов”. Мы с Олжабаем долго не понимали: о каком дедушке говорит “начальник заставы”? Вот же граница, шпионы уже пересекают её! Что он делает?

Но нет, голос разумного Казбека настойчиво возвращал нас с Олжабаем к действительности. Как жаль!

Амантай Джаниев был на острие атаки, когда мы комплексовались перед девушками, стеснялись подойти к ним и рисковали пропустить мимо себя ту единственную, которая суждена нам. Он совершал такие шалости и глупости, про что говорят: кто не был глуп, тот не был молод. Был чемпионом республики по борьбе, за его хрупким и стройным телосложением и детским выражением лица многие наши недруги не видели мощную мужскую силу, и очень сильно разочаровывались, когда охотно вызывали именно

его “один на один”. Но Амантай никогда не бил лежачего, был слишком добродушен, для него драка всегда была только спортом. И как смешно мне было смотреть потом, во взрослой жизни, когда он учил своих трёх сыновей уму-разуму. Сейчас он хорошо вписался в рыночные отношения, но всё, что нажито им, добыто честным, порой изнурительным трудом.

Еркин Султанов тоже неповторим и его место никто не может занять — прекрасный инженер-проектировщик, он востребован при любых социализмах и капитализмах, потому что он умеет строить дом, настоящий дом. Он почему-то сразу после окончания школы стал серьёзно думать о женитьбе, когда нам это казалось потерей свободы. Но из-за многих неудачных попыток не знающие его люди думали, не ловелас ли он? Однако его трепетное, ответственное отношение к девушкам доходило до анекдотичного положения: он мог сказать, что обязан жениться только потому, что проводил её после танцев домой. Но его наивность и доброта были вознаграждены прекрасной супругой, к которой его вынесло волей благосклонной судьбы, его чистота помыслов оградила его, как мы поняли потом, от многих девушек, которые могли превратить его жизнь в сущий кошмар.

Глава хорошего семейства, при всей своей кажущейся мягкости характера, оказывается очень волевым человеком, настоящим борцом с трудностями.

Встречая Урала Жунусова из Алматы, известного режиссёра, брата великого писателя Сакена Жунусова, мы отчётливо понимаем, что недостатки друзей нам так же дороги, как и их достоинства, потому что они составляют его родной образ. Он, свободный от маргинальных забот, будучи независимой, креативной личностью, является самым рьяным поклонником нашей детской субординации. Когда кто-нибудь из наших начинает думать, что, изменив свой статус в обществе, каким-то образом может претендовать на большую значимость своей персоны, то Урал убедительно показывает, что тот сильно ошибается, что он прежний, что его суть не изменилась, особенно для нас. И с ним нельзя не согласиться. Без него наша жизнь превращается во что-то слишком серьёзное, умное и серое, от которого мы явно начинаем черстветь. С каждым приездом Урала мы забываем, что мы женаты, имеем не только детей, но и внуков, занимаем ответственное положение, и на некоторое время превращаемся в тех молодых ребят, которые разгульно жили в Кызылту. Сакен-ага — публичный, уверенный и сильный человек, на самом деле был очень одинок, особенно в последние годы, и потому он очень завидовал нам и не раз прямо говорил об этом, во время застолий уходил от уважаемых аксакалов, присаживался к нам и всем видом показывал, что он гордится своими младшими братьями, хорошо чувствовал себя с нами и, мне казалось, с некоторой грустью осознавал то, что было им потеряно в молодые годы навсегда.

Мы все гордимся нашим другом Сериком Токпановым из Астаны, известным в Казахстане учёным-хирургом, специалистом европейского уровня и не менее известным певцом; труд, труд и ещё раз труд — вот что сопровождает его всю жизнь в профессиональной деятельности, и он отдаётся ему сполна. Мы все на пенсии, но все востребованы, работаем, как специалисты высокого ранга, мы никогда не чувствовали столько свободы, сколько сейчас, свободу от разных преходящих прихотей: власти, денег, славы. На первый план выдвигается другая ценность — это здоровье.

Чем больше возрастает её значимость, тем более ценным становится Серик. И у него достаточно участливости и выдержки, чтобы всем нам прийти на помощь, да, впрочем, и всем тем, кто к нему обращается.

Как-то, будучи в его клинике, я сказал его младшим коллегам: вот мы с вашим главврачом сидели за одной партой, можно сказать, из одной парты вышли два доктора наук. Молодёжь тоже не растерялась, говорит, дайте нам, пожалуйста, эту парту.

В новых структурах власти успешно работает наш друг Марат Исажанов, один из руководителей района, интеллигентный и дипломатичный в хорошем, настоящем смысле этого слова, демократичный не только по своей должности, а и по своей сути. Он тоже был старшим сыном в семье, любовь родителей к Марату была настолько самопожертвенна, что весь его родительский дом был в нашем распоряжении, а остальная семья, бывало, ютилась в одной комнате. Уже повзрослев, я спросил как-то у его отца: "Почему ваша семья терпела наши проделки?". На что он просто улыбнулся.

Какие только шутки мы с Маратом ни проделывали над своими товарищами, и сколько лет мы вспоминаем об этом, и каждый раз получаем большой заряд бодрости от этого. "Как жаль, что вас не было с нами..." — говорим словами поэта тем, кто не был тогда с нами.

Только один наш друг оторвался от нас лет на двадцать — это Жумаш Искаков. Он чрезвычайно способный человек, признанный заводила, первый парень, был нашим лидером, а быть лидером среди нас, неслабых ребят, было не просто. Красивые черты лица, густые брови, аккуратный и волевой нос, светлое лицо, контрастное выующимся иссиня-чёрным волосам, и интеллект, усиливающий оглушающее впечатление от его внешних данных, характер отчаянный и вместе с тем добрый, чувствительный, где-то сентиментальный — как будто всё в нём было создано специально для того, чтобы он производил неотразимое впечатление на несчастных женщин. Как мне было жалко девушек, ведь каждое из этих названных его качеств могло свести их с ума, но ему было дано всё кучей, и они бывали в шоке от встречи с ним, и самые тихие и правильные из них были готовы на безумства... И кто знает, может, прожив рассудительную жизнь без него с умным солидным мужем, некоторые из них пронесли через всю жизнь встречу с ним как самую яркую её страницу.

После долгих лет разлуки с нами он появился другим, по крайней мере он хотел показаться успокоившимся, солидным товарищем, так он ходил среди нас довольно долго, но я всё время чувствовал некоторый дискомфорт от того, что его прежнее место оказалось пустым, что он пересел на чужое место, в котором выглядел неестественно.

Но как-то он взорвался, стал такой как прежде, пообещал некоторым набить морды, особенно тем, которые стали уж очень важными за его отсутствие, и стал показывать другие свои номера. Да, он не успокоился, не изменился, и мне почему-то это нравилось, и от этого странного чувства мне было несколько неловко. Более того, мне показалось, что я давно не видел его, хотя он был рядом. Наконец-то встретились с Жумашем образца шестидесятых годов.

Быть успешным в молодые годы дорогого стоит. Некоторые пытаются компенсировать потери юности всякими должностями, достатком и другой мишурой во взрослой жизни, а то и в старшем возрасте, но это наивно и бесполезно.

В последние годы ему очень тяжело, но его съёмки в рекламных роликах на центральном телевидении я с радостью воспринял как его яростное утверждение: “Жизнь продолжается!”

Наши жёны настолько прикипели к нам, что давно поднялись на ранг друга. Они, безусловно, способствовали укреплению нашего союза, не нужно быть большим знатоком женщин, чтобы понять это.

Вот такими я вижу своих друзей, чем больше знаю, тем больше понимаю, тем больше уважаю. Вижу в основном только хорошее, плохого — то ли нет, то ли не замечаю или не хочу замечать. Как бы то ни было, они моё достояние, одно из настоящих богатств, которому не страшны никакие девальвации и которое никто не сможет украсть.

... Так идём мы по жизни вместе, испытывая гордость друг за друга, соревнуясь друг с другом, обгоняя друг друга, помогая друг другу и, кажется, мы уже выходим на финишную прямую, к этому странному финишу, где никто не хочет оказаться первым... и который мы пытаемся отдалить от нас как можно дальше и дальше...

Солнце светит всем

Виктор Иванович жил по соседству с Маратом, он был участником Великой Отечественной войны, в день Победы с самого раннего утра был всегда при “параде”, весь сиял, как казалось Марату, словно начищенный сапог. В этот день к его от природы детскому и доброму лицу добавлялось счастливое выражение. Ордена Красной Звезды, Отечественной войны второй степени, Славы третьей степени и семь медалей, среди которых “За отвагу”, а также медали и орден Отечественной войны второй степени, которыми награждали фронтовики уже в мирное время, сплошь заполняли грудь дяди Вити и выглядел он как генерал.

Встречаясь с фронтовиками, он безмерно радовался и с неприкрытым любопытством расспрашивал:

— На каком фронте воевали? В какой дивизии? В армии Рокоссовского? А где закончили войну, в составе какой армии? Я закончил в Берлине!..

И радовался каждому ответу. Казалось, что маршалы Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, В. И. Чуйков и другие военачальники были его близкими друзьями и что-то зависело от того, где солдат воевал. Он с удовольствием встречался с пионерами в школах, где охотно делился воспоминаниями о фронтовых днях. Любой разговор с ним, будь то про огород, про погоду, про пенсию, незаметно для собеседника переходил на воспоминания о войне. Марату иногда казалось, что для Виктора Ивановича война, может, была самой счастливой порой его жизни.

Он знал и других фронтовиков, которые не любили говорить о войне, но для Виктора Ивановича это были особые годы, воспоминания о которых приносили ему большую радость. И это выглядело довольно странно.

Вечером 9 мая, возвращаясь немножко навеселе домой после праздничных мероприятий, устроенных местной властью, Виктор Иванович окликнул стоявшего возле дома Марата:

— Дружок! Пойдём ко мне, сегодня же такой праздник! Покажу фотографии, газеты, посмотришь, каким я был разведчиком.

Они зашли в дом, убранство в доме было откровенно бедным и старомодным, но всё чисто и аккуратно, как выглядела сама хозяйка тётя Люба. Виктор Иванович захлопотал, усадил Марата на диван, старый и добротный.

— Мать, угощай гостя, Сапар ещё обещал зайти. Сейчас принесу альбом, — обратился он уже к Марату.

Через некоторое время он вынес аккуратно оформленный альбом с пожелтевшими фотографиями.

— Вот на этой фотографии наше отделение. А какие были ребята! Вот Сашка — наш любимчик, весельчак и балагур...

— А скажите, Виктор Иванович, вы знаете, где он сейчас, поддерживаете связи с фронтовыми товарищами? — спросил Марат.

— Ну а как же? Он из Новосибирской области, работал трактористом, приезжал на наши встречи в день Победы, а потом исчез. Умер рано, баловался он этим делом, — поморщился Виктор Иванович, щёлкнув себя по горлу, указывая на его слабость.

— А этот, смотрите, как похож на нашего председателя райисполкома Ганжу, — удивился Марат.

— А это он и есть! — воскликнул Виктор Иванович.

— Как, он тоже был в разведке? — не поверил Марат, почему-то он был уверен, что Ганжа не мог быть разведчиком.

— Да нет, откуда ему быть разведчиком, — сказал фронтовик с каким-то несвойственным ему высокомерием. — Это он привёз провизию и случайно снялся с нами. А потом, после войны, когда он стал председателем райисполкома, каждый год в районной газете опубликовывал эту фотографию и писал, что был разведчиком. Нет, куда там ему быть разведчиком! — снисходительно посмеиваясь, сказал он.

— Ну, вы общаетесь с ним? Признаёт он бывших сослуживцев? — допытывался Марат.

— Нет, куда там, он же начальник, — словно так и должно быть, равнодушно ответил Виктор Иванович.

— Он даже в кабинет к нему не может зайти, — вставила с обидой Любовь Андреевна, — только вот в такие дни похлопает его по плечу, как генерал, а во время войны был рад вместе с ним сфотографироваться.

— А вот Васька — рубаха парень, храбрый, в первую очередь благодаря таким ребятам мы и победили фашистов, — продолжал рассказ Виктор Иванович, не обращая внимания на высказывание тёти Любы.

— А он где сейчас? — спросил Марат.

— Да разошёлся с женой, Надюшей, она была медсестрой в госпитале, славная, красивая девушка, а после этого жизнь его пошла под откос.

— А это кто? — вдруг обратился Виктор Иванович к Марату, его глаза с хитринкой смотрели на него.

— Да я-то откуда знаю? — удивился Марат.

— Матушка! Тебя опять не узнали, — обрадовался Виктор Иванович.

Да уж, надо было иметь богатое воображение, чтобы в красивой, тоненькой девушке узнать дородную Любовь Андреевну.

— Так вы тоже, тётя Люба, участник войны? — неудачно спросил Марат.

— Ну а как же! Ты что, не знал про это?! Про неё же во вчерашнем номере районной газеты большую статью написали! — обиделся Виктор Иванович.

— Я была медсестрой в госпитале, — пояснила Любовь Андреевна.

— А вот во фронтовой газете про наше отделение что напечатано... читай, читай... — сказал Виктор Иванович, протягивая пожелтевшие газеты Марату.

В это время шумно вошёл в дом дядя Сапар.

— Люба! Где ты, родная? С днём Победы тебя! — он обнял и поцеловал хозяйку так, как будто встретился с ней на реке Эльба, и со стуком поставил на стол поллитровку.

Дядя Сапар был родственником Марата, характер у него был отчаянный, амбициозный, но справедливый. В 1944 году его танк был подбит, он еле выбрался из него, каким-то чудом его, истекавшего кровью, потерявшего зрение, вывели с поля боя. Несколько дней пролежал в госпитале с перебинтованными глазами, раны стали постепенно заживать, но зрение не восстанавливалось, перспектива остаться незрячим в молодые годы, естественно, очень расстраивала его. И тот день, когда медсестра радостно сообщила ему, что один глаз подаёт надежды на выздоровление, он считал самым счастливым днём своей жизни. На радостях он подарил ей трофейные часы, всё, что было у него. Искалеченный глаз заменили вставным, односельчане называли почему-то стеклянным, а зрячий глаз буквально пронизывал собеседника, был по своей остроте, агрессивности и яркости не менее впечатляющим, чем два глаза у иных, можно только гадать, каким был его взгляд до ранения. Иногда казалось, что оба глаза сверкают в ярости, по крайней мере при подавлении воли окружающих стеклянный глаз, казалось, оживал и имел не меньшее влияние, чем здоровый.

— Виктор Иванович, вы согласитесь, кто был во время войны в почёте, в мирное время не стал уже командовать, — наконец прямо сказал Марат.

— Нет, почему же, вот Андрей стал первым секретарём обкома партии на Полтавщине.

— Нет, я не говорю про отдельных людей, а если в целом? — не соглашался Марат.

— Да я как-то не думал об этом, — неуверенно признался Виктор Иванович, потом добавил: — Может, ты и прав, из тех, кого я знаю, действительно герои войны, что-то в мирной жизни сильно не разжирели. Но главное же не в этом, понимаешь?

— Ты прав, Маратжан, — категорично сказал дядя Сапар, — что там твои разведчики, Витя, даже Жуков вон сейчас оказался не у дел.

Дядя Сапар разлил всем по стопочке, сказал:

— За тех, кто остался там!

И кивнул головой почему-то в сторону двери.

— Садись, что стоишь, в ногах правды нет, — сказал Виктор Иванович.

— Дорогой ты мой, каждый год мы с тобой сидим за этим столом, но сегодня не могу. Кое-кому что-то надо напомнить! Ты знаешь меня, если бы я смог, то в этот день кроме тебя и Любаши мне никого не нужно! Никого!!! — грозно добавил он, приходя в бешенство от того, что вспоминал тех, кого он подразумевал под этим словом. — Завтра приходите к нам. Посидим!

Марат не завидовал тем, с кем он хочет поговорить. Он вспомнил, как в детстве они с бабушкой как-то были в гостях у дяди Сапара. Тогда он сразу с укором встретил сестру:

— Что не заходишь? Обязательно звать в гости нужно?

— Да вот он стал болеть, целый месяц не был в школе, — сказала бабушка, указывая на Марата.

— Да ничего с ним не случится. Пусть немножко поболит, Аллаха вспомнит, а то все атеистами стали, — сказал он тогда, потрепав его по голове.

Гости тогда хорошо выпили, а сам хозяин больше всех. Марат в соседней комнате рисовал танки с внуком дяди Сапара, вдруг слышит шум, бабушка кричит на дядю:

— Ой-бай! Ты что, с ума сошёл! С гостем драться в своём доме! Где это видано!

Он, оказывается, со всей силой ударил одного из гостей, когда Марат прибежал, тот уже лежал на полу. Вся вина-то гостя была в том, что он вдруг, на свою голову, сказал:

— Хорошо мы сидим в доме Галии (это жена дяди Сапара).

Дядя Сапар, сверкая своим живым глазом и пугая стеклянным, возмущился:

— Так чей дом, ты говоришь!? Ты что, хочешь сказать, что я живу в доме твоей сестры?! Может, я ещё нахожусь на иждивении твоей сестры!?

Виктор Иванович прервал воспоминания Марата:

— Ты парень умный, но что-то не то говоришь, пойми, герои войны и в мирной жизни герои. Может, ценят не по справедливости, это, конечно, есть. В мирной жизни много “крыс” повылазило, а во время войны они ушли под пол. — Он вдруг оживился: — А ты слышал, как Жетпысбай воевал... Хамита отец? А просто не пошёл на призывной пункт, тогда с бумагами в ауле в Омской области, где он родился, не было порядка, а когда приходили к нему домой из военкомата, он, оказывается, переодевался в женскую одежду и уходил прямо перед их носом, — засмеялся он.

— Так он, получается, тоже обладает даром разведчика, дядя Витя? — вставил Марат, чем вызвал у Виктора Ивановича продолжительный и залихватский смех.

А дядя Сапар эту шутку не принял, подытожил серьёзно:

— А кто самый богатый человек у нас в районе? Это Жетпысбай — вот так-то, брат. Он смерти боялся всю жизнь, а сам не понимает, что умер давно, то в женской одежде прятался, то богатство прячет, нету от него ему прока, ничего не видел в этой жизни! Представь, Витя, у него не было Дня Победы! Разве это жизнь, когда у всех была великая радость, а он где-то прятался! Прожить без Дня Победы! Разве это жизнь!

Виктор Иванович сразу посерьёзней:

— Конечно, в мирной жизни подлости больше. А на войне было просто и честно, если ты храбр и силен, тебя уважали, если ты слаб, ты не высывался, знал своё место.

— Там сразу видно, какой ты человек, — подтвердил дядя Сапар. — Если радость была, то огромная, если беда, тоже безграничная. Все нервы были оголены, обострены и видны. И всё было правдой!

— Молодец, Сапар, хорошо сказал! Всё было правдой! Давайте выпьем за эти слова! Всё было правдой!!! — оживился Виктор Иванович.

— Мы точно знали, кто есть кто! И дружба, и любовь, и предательство, и смерть, и жизнь — всё было истинно! — взволнованно сказал дядя Сапар и залпом опрокинул стакан.

Тут возбудился Марат, он порядком опьянел к этому времени:

— Мне двадцать шесть скоро будет! Я был первым среди парней везде, вы слышали, наверно, что я здесь продельывал. Все девочки любили меня, все ребята побаивались и уважали. А сейчас, смотрю, эти маменькины сынки правдами и неправдами пошли вперёд, кое-кто смотрит на меня свысока... но я им просто по морде даю.

— Молодец, племянник! Так и надо делать! — воскликнул дядя Сапар, потом строго добавил. — Но только в вашем возрасте.

— Но это не выход, не то! — продолжал Марат. — Девочки эти, с которыми я дружил, замуж повыскакивали за этих устроенных сынков. А если бы в наше время была война, разве я не был бы танкистом или разведчиком, как вы? Я тоже был бы героем, как вы, — он привстал от волнения и от чувства гордости за себя.

— Ты точно был бы Героем Советского Союза! — с уверенностью сказал изрядно охмелевший дядя Витя.

— Не знаю, был бы ты Героем Советского Союза или нет, — более сдержанно и серьёзно сказал дядя Сапар, как будто он решал вопрос о присвоении этого высокого звания, он почти никогда сильно не пьянел, сколько бы не выпил, — но был бы ты таким же танкистом, как я, это точно. А знаешь почему? — оживился вдруг он. — Потому что ты мой племянник. Выпьем за моего племянника!

Он потрепал Марата по голове, как в детстве, и поцеловал его в лоб. И вышел так же быстро, как пришёл, видимо, выяснять отношения с “теми”.

— А ты помнишь Колю с нашего отряда? — обратился вдруг дядя Витя, глядя на Марата своими светлыми осоловевшими глазами, он уже думал, что Марат тоже был на войне вместе с ним в разведке.

Тут тётя Люба сказала:

— О, я вижу, настало время песни петь.

И запела:

— Выходила на берег Катюша...

Марат с удовольствием отметил про себя, что фронтовые песни он знает не хуже, чем ветераны, и они втроём довольно долго сидели, распевая песни.

На другой день, на рассвете Марат выгонял коров на выпас, — обычно это делала мама, но ей нужно было срочно выехать к сестре. Он был из тех людей, которых называют совами, любил поспать по утрам. В детстве ему пришлось всего раз пять-шесть вставать очень рано из-за коров. Он очень тяжело просыпался, но потом, когда выходил на улицу и видел рассвет, тогда понимал, какую красоту каждый день он теряет, давал себе слово, что будет всегда вставать рано. Но потом опять шло всё как раньше. Этот день также начинался красиво, солнце только вставало, озаряя своим светом возрождающуюся весеннюю природу с её яркими красками и терпко благоухающим запахом почек тополей...

Виктор Иванович, увидев Марата издали, специально поспешил к нему и заговорил быстро, как будто думал об этом всю ночь:

— Марат, ты вчера говорил, что на войне прошла счастливая пора моей жизни! Я вчера не смог тебе толком сказать, голова не работала. Нельзя так думать! Ты что!!! А то, что мы рассказывали про Ганжу, про Жетпысбая, про другие несправедливости в мирной жизни — это тьфу, — он смачно сплюнул, — это такая мелочь рядом с тем, какую трагедию мы

видели на войне. Марат, дорогой! Ты посмотри, какое утро!!! Один такой рассвет нельзя променять на тысячу дней войны. Солнце, слава богу, светит всем одинаково. Живи и радуйся, родной ты мой.

На край света

Ему было 25, и казалось ему, что весь мир ополчился против него, а ей — 18, и ей думалось, что весь мир благоговеет перед ней. Он стоял возле кинотеатра, а она шла в кино. Шла по этой пыльной, обыденной улице, среди неказистых домов, мечтая о чём-то, совершенно незащищённая, молодая и ослепительно красивая. Все мужчины смотрели на неё: смелые, несмелые, грубые, робкие, хулиганистые, благовидные, — все бесцеремонно “хватали” её своими взглядами. Его охватил ужас при мысли о том, что кто-то из них, очень земной и обыкновенный, а то и серый, не осознающий и не ценящий её красоту, может запросто подойти к ней и решить её судьбу, и превратить её в нечто такое же, как и он сам.

Он решительно пошёл к ней навстречу.

Её чёрные, как смородина, глаза робко и доверчиво смотрели на него и как бы говорили:

— Вы такой смелый, умный, надёжный, я хотела бы быть рядом с вами.

А он неотрывно и растерянно смотрел на неё и как бы говорил:

— Как жаль, что я ничего не могу предложить вам. Как много я упустил, как много не получилось, как много потерял! И это понял я с особой болью именно сейчас.

Но в глубине души захотелось поверить: “А может, она не так уж не права?”.

— Вы пойдёте со мной в кино? — произнёс он обыденные слова, но таким тоном, как будто хотел сказать: “Вы пойдёте со мной навсегда?!”.

Она уловила тон, её белое лицо, оттенявшееся чёрными выющимися волосами, вспыхнуло, залилось красивым розоватым оттенком и стало ещё прекрасней. Она тихо и проникновенно призналась:

— С вами я хоть куда, хоть на край света...

... С тех пор они вместе сорок лет, эти годы стали годами восхождения, она стала настоящим талисманом для него. Стремительно меняющиеся пристрастия, проблемы и быт не смогли заслонить всё то хорошее, что было между ними, даже ругаясь, он видит в ней ту мечтательную девушку, которая шла в кино и которая бесконечно верила ему...

Сегодня он опять проснулся рано, она тихо спит рядом, утренние солнечные лучи отражают её такое же красивое, не по годам молодое лицо, седые волосы ей идут так же, как и иссиня-чёрные. И кажется ему, что они действительно вместе дойдут до края света... который порой маячит за горизонтом...

Учитель

Привела женщина малолетнего сына к учителю.

— Учитель, — сказала она, — сын у меня вежливый, послушный, слова лишнего не скажет, но замечаю я, появилась у него плохая привычка:

с кем бы ни шёл по улице, он всегда отстаёт, плетётся сзади, как забитая женщина за своим властелином.

— Только и всего? — усмехнулся учитель. — Отчего же не помочь, помогу. Зовите его сюда. Запомните, нужно быть строгим с детьми. Дети слушают не слова, они их часто не понимают, они реагируют на тон голоса.

— Ты мужчина! — обратился он к вошедшему мальчику грозным тоном (да, умел он властно говорить). — Ты обязан шагать впереди, отучись от этой недостойной привычки. Начиная с этого момента, всегда будь впереди. Марш вперёд!

Мальчик вначале весь обмяк, потом нервно задрожал и пошёл вперёд так, как будто кто-то толкал его сзади. Так шёл он, пока не ударился о дверь. Мать испуганно смотрела на сына, а учитель, смеясь, обратился к ней:

— Идите за ним! Будьте уверены, он теперь не будет отставать.

Женщина поблагодарила и вышла, а, не увидев сына во дворе, быстрее пошла домой. Но вдруг застыла на месте, услышав знакомое шарканье за спиной: понурился больше обычного, плёлся её сын.

Повела мальчика к другому учителю, попросила его помочь, рассказала о неудавшейся попытке. Он добродушно улыбнулся и назидательно сказал:

— Как люди не понимают, что воспитывает только доброе слово. Нужно уважать ребёнка, видеть в нём личность — и тогда всё будет хорошо. Ведь то, что вы говорите, такой пустяк. Я сейчас всё объясню вашему сыну.

И действительно, учитель был мастером доверительной беседы. К концу его монолога мальчик осмелился вступить с ним в разговор:

— Вы очень хороший учитель, я буду вас слушаться.

Мальчик старался по дороге идти рядом со своей матерью, но чувствовалось, что делает это с большим усилием. Затем он напомним матери, что сделал для учителя доброе дело, исполнил его просьбу.

Огорчённая таким поворотом событий, мать воскликнула:

— Сын, причём тут учитель!?

— Он же меня просил.

— Это тебе нужно, — сказала мать и расплакалась.

— Ну что ты хочешь от меня? — иступлённо ответил сын. — Ты меня замучила, я не понимаю, чего ты хочешь. Такая мелочь, говорят же. Я же веду себя хорошо.

Мать грустно смотрела на сына. Хотя она себя тоже не раз успокаивала, что ничего страшного, казалось, нет, она чувствовала непонятную тревогу за его будущее. Некоторое время сын не беспокоил её, но вскоре всё вернулось на круги своя.

И она попросила сына пойти с ней к третьему учителю, он нехотя согласился. Уж лучше бы он возмутился наконец, странно подумала она, но потом успокоилась: видим мы этих бунтарей, до чего доходят.

Учитель внимательно выслушал её, некоторое время молчал и затем сказал:

— Да-а-а, это очень серьёзно. Такие привычки нужно исправлять годами, пусть мальчик остаётся в моей школе. К его совершеннолетию я смогу справиться с этой задачей. Правда, для этого мы ещё кое-что подправим, — улыбнулся он.

— Как?! Только к совершеннолетию?

— Да, только так, — твёрдо ответил учитель.

Мать согласилась.

... Прошло несколько лет. Привёл учитель к женщине уже взрослого сына. Взглянула она на него и почувствовала, что сила и радость наполняют её душу. Поняла, что все её горести позади, что ей ничего больше в жизни не страшно. Сын сильный, здоровый, огонь в глазах и доброта, но не прежняя, доброта слабого, а великодушного человека, настоящая доброта. Он подбежал к ней, нежно поднял её на руки, как пушинку, и понёс по всей улице к дому.

— Ну что, пойдёт такой мужчина за кем-то? Не знаю такого храбреца, который осмелился бы перейти ему дорогу, — сказал постаревший учитель.

— Ну что вы! Это даже трудно представить, а как вы воспитывали его? — воскликнула она.

— Мы совершенствовали его физически, поэтому он умеет радоваться жизни, не боится никого и добродушен. Мы научили его всем наукам, поэтому он независим и свободен в своих суждениях, силен и чувствует себя хозяином своей судьбы. Мы доверяли ему важные дела, поэтому он активен и ответственен. Мы научили его понимать людей, поэтому он умеет прощать их.

— А от той привычки как вы отучили?

— А мы не знаем, она сама по себе исчезла, и не только она, как видите, — сказал мудрец и хитро улыбнулся.

Тактика игры

Районные соревнования по баскетболу были в разгаре, проходила решающая встреча давних соперников: команды девочек до 14 лет детско-юношеской спортивной школы районного центра с их противниками из средней школы Черниговского совхоза. Капитан команды райцентра Аська — эту бедовую девчонку все звали только так, была в крайнем возбуждении, вся красная и разгорячённая, спорила с молодым тренером, который взял минутный перерыв:

— Ну, Валерий Витальевич, пока эти девочки выйдут под щит, — уже игра закончится! Зачем мне их ждать?!

— Аська! Если быстрый прорыв удастся, то, пожалуйста, атакуй одна! Но что ты лезешь одна против всей команды!? Подержи мяч, пока Галя и Валя пройдут под щит, а потом поверху спокойно передай им, видишь, соперники порядком уступают в росте. И почаще крутите “восьмёрку”.

Капитан команды противников, услышав про “восьмёрку” и не понимая, что это за приём, с уважением поглядела на тренера: вот, мол, как их учат.

— Хорошо-хорошо, эй вы, супермодели, только быстрее бегите под кольцо, — скомандовала Аська.

— Да ты же не даёшь нам мяч, — закричали близнецы Галя и Валя, глядя на Аську сверху.

— Ладно, ладно, успокоились, девочки, — строго сказал тренер.

“Минутка” закончилась, некоторое время Аська, казалось, прислушивалась к замечаниям тренера, но попытки выполнять его указания,

когда желанный мяч у тебя в руках, и тем более, когда тренер диктует, что делать на каждом шагу, сковывали её и всю команду. И она через некоторое время махнула рукой на все умные советы, взяла игру на себя и стала чаще попадать в корзину противника. Когда счёт сравнялся благодаря её хорошей индивидуальной игре, усилились крики болельщиков, которые ввели её в экстаз, она ничего не видела вокруг, кроме вожделенной корзины противников, и всеми силами пыталась пробиться туда. Аська, конечно, играла отлично, была хорошая техника, почти половина заброшенных мячей была на её счету. Но вдруг случилось непоправимое: она в пылу атаки посмотрела с удивлением на совершенно свободную корзину, но, к сожалению, из-за сильного возбуждения не осознавала, что это была своя корзина. Тренер и Серик, капитан команды мальчиков, первыми заметили её алчный взгляд и побежали по боковой линии за ней.

— Аська, Аська, куда ты!? — кричал тренер.

— Дурак! Дурак! — почему-то вопил Серик.

Аська оглянулась и зло посмотрела на Серика, но упорно и с великой радостью летела к своей корзине. “Какая удача, какая удача, за всю игру корзина не была так свободна, ни одного защитника, надо же”, — думала она и ничего кроме корзины не видела и не слышала, а зал визжал, кричал и хохотал. Серик уже побежал по игровой площадке за ней вдогонку и кричал:

— Дурак! Дура-ак!

Но было поздно: Аська в высоком прыжке, поистине душой исполненном полёте, как никогда красиво и точно забросила мяч в свою корзину.

И вдруг резко повернулась к Серику и с кулаками набросилась на него:

— Какой я тебе дурак? Сам ты дурак, мне надо говорить: дура! Дура-а-а! Понял!? Вот дурак, а! — она ещё не понимала, что натворила.

Игра была закончена, этот злосчастный бросок оказался решающим. Молодой тренер отрешённо смотрел в сторону, проигрыш в этой игре он оценивал как позорный результат: команда какой-то совхозной школы выиграла у команды ДЮСШ, специализировавшейся по баскетболу.

... Через некоторое время к нему подбежала Аська:

— Извините, пожалуйста, Валерий Витальевич, я не знаю, как это получилось...

— Эй, дура, своё кольцо не можешь отличить от чужого! — это Серик подскочил следом за ней.

— Я тебе покажу, кто дура, — и Аська погналась за ним.

— Так ты же сама сказала, что ты дура, — кричал, убегая, Серик.

Смотря вслед весело догоняющим друг друга Аське и Серику, которые уже забыли про поражение, тренер думал: если кто дурак, так это, наверно, он — какие хитроумные тактические комбинации он разучивал с девочками, а эти соперницы — здоровые, сильные девочки без всякого тренера весело и свободно поиграли в своё удовольствие и выиграли. Что-то тут не то получилось с тактикой.

г. Кокшетау.

Алексей ПРОЙДАКОВ

ПОД ЧУЖИМ ВЗГЛЯДОМ

Повесть

(Окончание. Начало в № 6 за 2010 год)

Глава 13

Вестники из катастрофы

“Неужели люди опять будут брошены в стихию несчастий? После столького пережитого! — смутенно думала Валентина Ивановна, идя по Углеграду. — Ведь недавно, совсем недавно миновал этот перестроечно-горбачёвский хаос: гражданские войны, пустые прилавки, чехарда с деньгами, всеобщая озлобленность. Только в себя начали приходить люди”.

Старостина хорошо помнила первую половину девяностых годов прошлого века, хотя и была ещё дошкольницей. Мама тогда говорила, что пришёл конец света. Но ведь выжили. Выходит, тогда ещё было не всё?

Но ведь ничто, ничто в городе даже не намекает на какие-то обещанные волнения. У подъездов старушки судачат о прежней жизни, сравнивают с нынешней, разумеется, в пользу первой.

В городском парке имени Олега Войценина работают аттракционы, играет музыка. Лица у всех обыкновенные, дети рисуют на асфальте, правда, у многих марлевые повязки.

Всё было бы прекрасно, только воздуха почище дайте! Очистите наше дыхание!

Но Валентина знала, что до чистого воздуха ещё далеко. И об этих детишках с повязками на лице власти пока не позаботились.

“А кто такой Головин? — подумала вдруг Валентина. — И почему я должна ему верить? Мессия? Вряд ли. Обычный гипнотизёр? Телепат? Прочёл мои мысли, я подыграла...”.

От этого предположения она даже повеселела.

Но Старостина была и художником хорошим, и человеком наблюдательным. Она подметила одно обстоятельство, которое её вновь встревожило: исчезли бродячие кошки и собаки, которых в этом районе — целые стаи. Они пугали детишек, заводя между собой потасовки, нападали на одиноких прохожих. Теперь исчезли.

Валентина Ивановна шла проведать бывших соседей по барaku — Мекишевых.

В катастрофу они потеряли единственного сына Ермека.

Когда до коттеджа знаменитого на всю страну горняка оставалось метров сорок, она присела на скамейку — передохнуть и собрать душевные силы.

Рассеяннo скомкала перчатки и бросила в сумочку, то же проделала с беретом.

Всю свою одежду Валентина моделировала и шила сама, вызывая зависть и восторг у коллег-художников. Одевалась изящно, со вкусом, но сегодня, направляясь к Мекишевым, выбрала наряд попроще, однако не смогла отказаться от перчаток и берета. Но теперь решила, что и они — лишние.

“Сейчас приду, а Каирбек-ага ни на что необычное даже не намекнёт... И это будет означать только правоту моих догадок насчёт самозванства

Головина. Мекишев — человек крепкий, психически уравновешенный, его не собьешь с толку самой изощрённой чертовщиной, он тут же её раскусит”.

Входная дверь была чуть приоткрыта.

Валентина вошла в прихожую, несмотря на дневное время, здесь горел свет.

— Кто там? — окликнул женский голос.

Седая женщина, слепо щурясь, вышла из кухни.

— Маргарита Сергеевна, здравствуйте! — громко сказала вошедшая.

— Здравствуй и вы, — услышала в ответ. — Только не разберу, кто?

— Валя Старостина! Помните меня? Мы жили по соседству в бараке.

— Бог ты мой! — всплеснула руками хозяйка. — Валечка, родная!

Она потрогала за плечи, вглядываясь в лицо Валентины, потом обняла, трясаясь в беззвучных рыданиях. Немного успокоившись, позвала.

— Каирбек! Иди сюда, посмотри, кто к нам пришёл.

По ступенькам со второго этажа спускался Каирбек Жакупович Мекишев — орденоносец, заслуженный горняк и так далее.

Его имя в истории Углеграда занимает одну из первых строчек, а перечисление наград и почётных званий — две страницы текста.

— Вот уж не думали, не гадали, — радостно забасил он. — Валюша, родная моя!

Обнял, погладил по голове.

— А я и не узнала сразу, — сказала Маргарита Сергеевна. — Вот старая дура! Валечка, ты стала такой красавицей. Тебе уж, поди, лет двадцать пять?

— Да уж тридцать пять стукнуло.

— Молоденькая... Муж, дети?

— Да нет, тётя Рита, — ответила Валентина. — Не дал мне этого Господь. Значит, это не моё.

— И то верно, у каждого своё.

Каирбек-ага галантно подкатил гостью кресло.

— Ну говори, говори, знаменитость ты наша, чего это ты старых друзей забывать стала?

— Какая уж там знаменитость, дядя Каирбек?

— А как же? Не в дремучем колхозе живём. Знаем, читаем газеты, в телевизор иногда заглядываем. Выставки в Москве, Стамбуле, первая премия в Париже... Я думал, ты уж здесь не живёшь.

— Предлагали в Москве остаться, — ответила Валентина, — но я очень люблю свой город.

— Молодец! Хвалю, — сказал Мекишев.

— Я чай поставлю, — засуетилась хозяйка. — Вы тут без меня поговорите пока.

Шаркая домашними туфлями, она ушла.

— Совсем плоха старуха, — посетовал Каирбек-ага. — Здоровье никудышное, бредить стала.

— И давно? — осторожно спросила гостья.

— Ох, Валюша! Началось это вскоре после того, как Ермек наш сгинул. О, Аллах! Ни могилки, ни следочка...

Голос его дрогнул.

— Не обращай внимания, милая. Видать, есть такие раны, которые с годами только больше болят. Он ведь теперь был бы взрослым человеком. Достойным человеком. Да тебе-то чего говорить? У самой батяня сгинул.

— “Зачем ты пришёл? — вспомнилось Старостиной. — Предупредить”.

Мекишев тяжело вздохнул и приложил ладонь к левой стороне груди.

— Так когда-нибудь и лопнет, — улыбнулся он невесело. — Ну да ладно о грустном. Ты лучше о себе расскажи, как мама? Светка где теперь?

— Света институт окончила, живёт здесь, работает учительницей, замужем, у неё дочери десять лет...

— Ну! А я её совсем крошкой помню.

Валентина подумала сейчас о непонятной людской судьбе, заставляющей прежних добрых друзей забывать обо всём, что единило, и встречаться только по очень печальным или радостным причинам. Ведь живут же в одном — небольшом — городе, а слышат друг о друге только издалека.

А было: полутёмный барак, неустроенный быт; бегали по уступам, играли в “пряталки”. Возвращались домой чумазые, счастливые. Жила в них тогда радость постижения мира, ожидание завтрашнего чуда; было в них чувство общности тайн и игрушек.

Потом это чудовищное сотрясение, разом поглотившее всё хорошее и светлое, не оставив и следов детства. Вместо них — одна огромная впадина.

Даже художественный дар Валентины — следствие катастрофы. Нервное потрясение гибелью отца привело её в больницу. Она видела, как дома уходили в чрево земли, словно вкручиваемые туда дьявольской рукой.

В больнице Валентина, уже будучи взрослым человеком, набросала свои первые рисунки.

Сейчас она так ярко и живо представила себе Ермека Мекишева, что аж вздрогнула. Юноша в упор глядел на неё из прошлого.

— Ваня бы порадовался за вас, — задумчиво добавил старый горняк и спохватился. — О чём это ты так глубоко задумалась?

— Да знаете, дядя Каирбек, лезет в голову всякая дребедень.

— Я тоже часто вспоминаю, — кивнул Мекишев. — Зевок земли — и всё...

Немного помолчали.

— Вы-то как живёте на пенсии?

— На пенсии разве живут? Доживают. Вот я и доживаю, Валюша. Хватает. Ребята из моей бригады навещают частенько. Ничего.

— Вот вы сказали, что Маргарита Сергеевна бредить стала, это как? — осторожно спросила Валентина.

— Знаешь, дочка, — зашептал Мекишев, — кому другому и не заикнулся бы, но ты наша — горняцкая... Только, смотри, никому, а то засмеют, мол, старый Каирбек с ума сошёл.

Он наклонился к её уху и тихо проговорил:

— Рита мне недавно рассказывала, что Ермек приходил...

Старостина похолодела, ей стало страшно. Она не сразу вникла в суть и значение страха, но... Ни сном, ни галлюцинацией это уже не назовёшь.

— Но беда не в том, — продолжал горняк, — умом мы с ней одинаково тронуты. Приходил, говорит, просил нас уехать отсюда. А иначе, говорит, вы все здесь умрёте. Мол, никому вы не нужны и никто ради вас ничего не сделает. Идите, говорит, ко мне, здесь вам понравится и я, мол, о вас позабочусь. Что скажешь, дочка?

Валентина вздрогнула.

— Не знаю, что сказать, дядя Каирбек.

— Мне ехать некуда, — спокойно проговорил горняк, словно воспринял как должное предупреждение погибшего сына. — Я всю свою жизнь, все свои силы по этим забоям расплескал.

Он не торопясь закурил, потом продолжил:

— Здесь жил, здесь умру, пусть всё рушится — я останусь под обломками, потому что это мой мир. Он создавался и моими руками тоже. О, Аллах! Как тяжело мы его создавали! Ведь морозы здесь, ветра, а укрыться негде. Палатки. Да что там говорить, Иван Петрович Федотов, царствие ему небесное, как говорят православные, всё это в своих книжках наглядно показал, хоть и без всяких там художественных приёмов.

Каирбек-ага мысленно прочитал молитву памяти Федотова и по-мусульманскому обычаю провёл по лицу открытыми ладонями.

— И если мой мир так недолго простоит, значит, плохо я его сотворил, значит, не на том месте его поставил... Погибнет он — погибну я, потому что отвечаю за него. Может, хоть на том свете с сыном вволю пообщаюсь. Вот вам надо спастись. Да?

Он испытывающе посмотрел на неё.

— Батька-то ведь тоже что-то сказал?

Она промолчала.

— Сказал, — Каирбек-ага почти удовлетворённо кивнул. — Значит, не в уме дело, а...

— У меня всё готово, — позвала Маргарита Сергеевна. — Пойдёмте пить чай.

Мекишев затушил сигарету.

— Пойдём, Валюша, угостим тебя, как полагается, чтобы чаще бывала у нас.

— Заходила ещё в несколько квартир, — говорила Валентина, почему-то чувствуя себя виноватой. — Все эти люди жили по исчезнувшей улице: Бояркины, Досмагамбетовы, Мозеры... Для вас, конечно, это только фамилии, а для меня... Танечка, тринадцать лет, помню, были у неё исключительные черты лица, просто безупречные, как изваянные; Серик — уже взрослый, после армии; Герхард Арнольдович, известный горняк, бригадир экскаваторной бригады, спал после ночной смены; Людмила Алексеевна — учительница... Так вот, их семьи уехали из города почти одновременно, что-то около года назад. Главное, никто не знает, куда и зачем. Они даже с работы не уволились, из домоуправления не выписались. Квартиры их опечатаны, мебель на месте, занавески висят. Что это?

Головин молчал. Потом, словно очнувшись, ответил:

— Пока не знаю, пожалуйста, продолжайте.

— Есть ещё несколько семей, но на них у меня ни сил, ни времени не осталось. Да и, чувствую, результат будет одинаков? Вы-то как думаете?

Выходило просто: кто уехал — уехал без оглядки, возможно, даже не подозревая, зачем и куда: всё равно.

Кто остался, у того ровно на год заблокировали память. Почему на год? И что означает этот год для всего? Время на раздумье? Почему память отшибло?

— А ведь вы сразу мне не поверили, Валентина Ивановна, посчитали всё телепатическим трюком.

— Не будем об этом, — ответила она резко. — Делать что?

— Ждать, — ответил Головин спокойно. — Ждать и наблюдать. Пока ведь ничего тревожного не наблюдается, верно?

— А если попытаться как-то дать знать власть имущим?

— И что вы предъявите? — задумчиво спросил Иван. — Наши догадки? Пашкины записи? Видеодиск запечатлел взлёт летающего корабля, видно, что он не земной конструкции. И всё равно — это для них не доказательство, я знаю точно. Если будем настаивать, Валентина Ивановна, нас поднимут на смех, а потом просто закроют. Совсем, как в советское время. Времена меняются, методы остаются. Так можно сказать, чуть перефразируя древних.

Он судорожно сжал кулаки.

— Предупреждения разосланы и то, что они разосланы по самым близким людям, говорит о том, что сгинувшие в катастрофу ещё сохранили какую-то память, попытались позаботиться. И, что самое главное, им разрешили это сделать. Кто-то уже уехал, кто-то пакует чемоданы.

— Но главное ведь не в том, кто уедет, — возразила Валентина, — главное ведь в том, что мешает жить и дышать всем нам. А это никогда не закончится, потому что это — миллиарды долларов.

— Ну, почему? Закрыли же Семипалатинский ядерный полигон, — напомнил Головин. — А это тоже сделать было непросто, но нашлись люди... Настоящие люди. Надо ждать, копить факты и пытаться их фиксировать.

— А если всё начнётся внезапно?

— Это уже началось, — ответил он. — Это уже идёт. Но если вдруг начнётся атака со всех сторон, да с выжиманием всей крови, тогда храни нас всех Господь.

Глава 14

Командировка в вечность

С недавних пор жизнь дневная и жизнь ночная в Углеграде стала существенно отличаться, собственно говоря, была совсем разной. Если днём люди веселились, общались, гуляли, то ночью улицы пустели. То есть на них не было совсем никого: ни пьяных, ни молодёжи, ни хулиганов.

С некоторых пор людям — любым — выходить на улицы по темноте стало опасно для жизни. Над городом уже выросли чёрные тени. В самом центре города, на асфальте у стелы погибшим в Великую Отечественную войну, кто-то написал: углегрАД. Причём две последние буквы были колоссального размера.

Появились банды ночных убийц, неуязвимых для стражей порядка.

Их появление обычно сопровождалось долгим воем какой-то степной твари. Но самое страшное было не в том, в конце концов и к вою можно привыкнуть, но с недавних пор на него стали отзываться обычные, ничем не примечательные люди.

А потом, аспидно-чёрной ночью грянуло “Шествие монстров”.

Это не удивительно: в городе, напичканном всяческими призраками, всегда возможно шествие монстров.

Нынче известно, что Шествие — самая крупная акция устрашения углеградцев, после которой померкло всё.

Монстры, конечно, были ужасны, но более всего шокировали длинные неширокие транспаранты, на которых крупно горели неоновые буквы: “Мы — продукт вашей деятельности”, “Мы — ваши братья!”.

Добавим к сказанному, что после Шествия отток населения из города увеличился сразу в несколько раз. Люди бросали всё, унося только свои жизни.

Странно, что никто в ту пору не догадался как-то проанализировать события и хотя бы попытаться найти аналогии в других точках мира. А они были. Подобный сценарий тщательно продумали, проработали и одновременно внедряли в более чем пятистах городах земли. Был и общий знаменатель, под который всё подводили: экология на грани катастрофы.

Этим же днём Варшаков-старший, встретившись с коллегами-горняками, рассказал о том, что прочитал и о том, кто его возмутил до глубины души.

Ему тут же показали среднего роста дряблого мужичка в очках, шедшего мимо.

Это и был автор заметки “Тени в забоях”, “звезда” всех местных газет некто Игорь Афериров.

— Это он и есть. Уже вмазанный идёт...

— Что, частенько так-то?

— Трезвым его ещё никто не видел.

— Здравствуйте, — сказал Варшаков, выходя навстречу. — Я — ваш постоянный читатель.

— Добрый вечер! Я вас внимательнейшим образом слушаю.

— Сегодня я читал “Тени в забоях”.

— И что скажете?

— Как вы его написали? Вы были на разрезе? Ходили среди горняков? Вы хотя бы в дизель-поезде прокатились?

Афериров покраснел, потом стал синеть, отдуваться и в итоге полез в карман за сигаретами.

Закурив, изрёк:

— Э-э, знаете, что получилось, собственно... Мне об этом люди рассказали. Н-ну, я, как понимаете, ничему и никому не верю и неверие это выразил в заметке.

— Ах, выразил! Теперь это так называется? А задницу от стула в тихом кабинетике оторвать и съездить по месту действия? Конечно, ручкой водить — не уголёк ворочать.

— Послушайте, — начал было огрызаться автор.

— Нет, это ты меня послушай, — спокойно ответил Пётр. — Вы журналисты — все лентяи и вруны, прихлебатели и проходимцы. Я и раньше к вашему продажному племени относился как к шлюхам, хотя вы в своё время и возносили меня до небес. Как будто в этом была только моя заслуга. Вспомни вывоз пятимиллиардной тонны. Я — Пётр Варшаков! Вот про всякие вывозы вы писать — мастера. А уж если намечается фуршет! Теперь же вам кто-то посылает настоящее дело, которое надо раскопать, а вы пытаетесь всё перевести в дурацкую шутку. Горняки не тот народ, чтобы трусить и отказываться от заработков просто так, у всех семьи. Но им жизнь дорога. А вот что угрожает их жизни, ты и должен был разобраться, писака хренов.

— Простите, а мне моя жизнь не дорога? — слабо возразил Афериров.

— Только тебе и дорога, — ответил Варшаков и посоветовал: — Используйте возможность хотя бы кончить её по-человечески.

Афериров со страхом смотрел на разбушевавшегося читателя. Потом боком скользнул и побежал по тротуару, издав крича о привлечении к суду за попытку избить при исполнении...

Игорь Кирюшенко (Аферилов — псевдоним) влетел в редакцию городской газеты, будто за ним гналась стая собак. В кабинете фотографа попросил воды и долго пил, прильнув к горлышку графина.

Отдышавшись, закурил, потом блаженно раскинулся в одном из кресел.

— Чуть по роже сейчас одному горняку не съездил, — похвалился как бы между делом. — Совсем распоясались, а мы ещё пишем о них. На работу ходить бояться, а на честных журналистов нападать — это как с добрым утром. Ерунда. Меня просто так...

— Слушай, ты, честный журналист, — не совсем вежливо перебил его Виктор Фандеев — фотограф. — Тебя Гала разыскивает уже около часа. Злая и опасная.

— Да опять “сотка” разряжена, чёрт её возьми совсем!

Тихий на улицах Углеграда, он мгновенно преобразался, попадая в кабинет редакции: становился грозным, неприступным и очень “крутым”. В “Голосе” знали его эту слабость и постоянно ехидно подшучивали.

Виктор ещё раз посмотрел на Игоря и посоветовал:

— Давай иди, не то — наживёшь неприятностей.

— Подождёт, — резонно ответил Аферилов, но поднялся и нехотя пошёл.

До него дошла суть “разыскивания” — и встревожила. Дела на работе шли всё хуже и хуже: писал мало — рутинное, да и спиртным грешил изрядно.

“Необходима сенсация, — думалось ему. — Но где её в этом паршивом городишке накопаешь”?

Опубликовал “Тени в забоях”, думал рассмешить народ, а вышло... Вот, чуть не побили. А ведь скоро точно побьют.

Он причесался. Дохнул пару раз на ладонь, понюхал, поморщился, брызнул освежителем в рот и постучал в кабинет “мамочки”.

Галина Александровна Никандрова была известна среди журналистской братии Углеграда как “мамочка”, потому что привечала всех пишущих, помогала всем без исключения, выкраивала какие-то гонорары, чтобы поддержать таланты. Но две вещи она не терпела ни в ком: нелюбовь к делу и излишнее употребление спиртного.

— Галина Александровна, я завтра же с утра иду подавать в суд, — с порога отрапортовал Кирюшенко редактору.

— Кто посмел обидеть ребёнка?

— Какой-то хам из горняков. Я иду по городу, никого не трогаю, а тут...

Он обиженно засопел.

— А всё из-за моих правдивых публикаций об этом племени. “Тени в забоях” им не понравились! Каково? Говорят, лажа и оговоры. Говорят, задницу от стула почаще отрывать надо.

— Ты посмотри! — воскликнула редактор. — Самой акуле пера они будут указывать, где рыбёшку ловить.

— В самом деле, Галина Александровна, сколько можно? Пойду подавать в суд.

— И кто покусился?

— Да Варшаков этот, я его узнал, у которого брат писатель был. Вы книги его тогда так остроумно высмеяли.

— Дурак ты, Аферистов! — горько сказала Никандрова, намеренно ошибаясь в псевдониме. — И мысли твои — дурацкие.

Все в редакции знали её манеру переходить от, казалось бы, безобидных шуток к вещам серьёзным, если предмет разговора того требовал или собеседник был предельно туп. Знал и Кирюшенко, но...слегка подзабыл.

— Я тогда ничего не высмеивала, — ответила Никандрова задумчиво. — А он оказался настоящим мужиком! Его брат, надеюсь, такой же.

Галина Александровна оторвала взгляд от бумаг, из-под очков посмотрела на Игорьку и добавила:

— Правильно, надо почаще отрывать задницу от стула. Правильно, твои “Тени в забоях” — это тени твоих запоев, одни оговоры и никаких фактов. Если бы я подписывала тот номер, твой опус никогда бы не попал на страницы нашей уважаемой газеты.

— А как... а что же...

— А теперь, Игорёк, надо, — решительно сказала редактор. — Родина ждёт подвига.

— Чего “надо”? — чувствуя подвох, пролепетал “акула”, уже видящий себя с пивной кружкой в руке.

— Задницу от стула оторвать по-серьёзному.

Она перешла на безапелляционный тон.

— Сегодня вечером ты, вместе с очередной сменой горняков, поедешь в ПТУ “Восток”. И всю ночь проведёшь с горняками в кабине тепловоза, с выходом при погрузке на вольный “угольный” воздух, чтобы выискивать тени в забоях. Всё будешь примечать, замечать и заносить в свой прекрасный альбом, дабы с утра отчитаться мне по каждой минуте, проведённой там.

— Я... вообще-то, — прошептал Игорь.

— Ты что-то хочешь сказать? — резко спросила Галина Александровна.

— Нет-нет, я слушаю.

— Теперь нам надо доказать, что мы не только в пивных обличаем горняков, но и сами — храбрецы и гордецы! Нам надо личным примером показать всем, что пьяный журналист — это не жизненная необходимость, а социальное явление определённого периода. Рабочий автобус без тебя никуда не уедет. Гонорар двойной, площадь для публикации — огромного размера. Вперёд, на улучшение своего материального благосостояния, — весело добавила она.

— Вы не оставляете мне выбора? — обречённо спросил Игорь.

— Почему? Оставляю. Выбор свободен: поездка или заявление об уходе.

Чтобы чувствовать себя уверенней во враждебной среде, Игорь в магазинчике запасся “согревающим”. Это и сыграло в его жизни решающую роль.

Глава 15

Страсти художницы

После разговора с Мекишевыми Валентина Старостина решила действовать, не ставя в известность Головина. Ивана она считала чуждым городу человеком, который приехал выяснять обстоятельства исчезновения друга.

“Подумаешь, лет двадцать назад работал в штабе комсомольской стройки! Времени-то сколько прошло, он уже и забыл Углеград, — думала она. — Необходимы решительные меры, надо что-то сделать! Надо город спасти! Надо...”.

Уповая на имя, заслуженное тяжким трудом творчества, она решила составить два письма: одно мэру, другое — главе области.

Не вдаваясь во всякие “потусторонние” подробности, Валентина текст писем акцентировала на ужасающей экологии региона и задавала прямые вопросы относительно ограждений угледобычных разрезов и очистных сооружений электростанций. Приводила данные, которыми её снабдила независимая экологическая ассоциация Углеграда, действующая полуподпольно.

Записалась на приём и теперь терпеливо ждала вызова в кабинет.

Секретарша Райхан, “вечная секретарша”, как её называли в городе, без умолку болтала по телефону с друзьями и подругами; умудрялась тут же принимать факсы и электронную почту, отвечать на звонки отделов и делать многое — попутно.

Секретарша “вечная”, потому что за двадцать лет трудовой деятельности Райхан ни разу не меняла род занятий, оставаясь секретарём, меняла только хозяев.

Успела поработать во многих важных организациях города — от директора частного рынка всесильного Аслана Татиева до руководителя городской администрации.

— Валентина Ивановна, — услышала неожиданно, ведь ещё секунду назад Райхан говорила подруге по телефону о новых способах макияжа и омоложения лица. — Елюбай Атыбекович просит вас зайти.

Валентина вошла в кабинет Оразбаева.

Сам мэр — грузный человек — тяжело восседал во главе обширного стола, но навстречу гостье поднялся.

— Прошу вас, уважаемая, присаживайтесь. С чем пожаловали? — скороговоркой произнёс мэр и тут же пожаловался: — Какое горе! Какое неслыханное горе!..

— Что случилось, господин мэр?

— Семён-то Васильевич, директор ГРЭСа... Найден сегодня убитым прямо у входа в свой дом.

— Да что вы говорите?

— Именно. Никто не думал и не гадал. Вот участь-то! А какой специалист, какой руководитель!

Мэр несколько раз тяжело вздохнул и добавил:

— Ведётся следствие.

Нажал кнопку на массивном телефонном аппарате.

— Райхан? Соедини с Карабаевым... Саке? Что там по делу Хромова? Как это — ничего? Вы чем там занимаетесь? Пьяных по лавкам собираете? К вечеру чтоб доложил о продвижении.

Вспомнил о Старостиной.

— Да, извините, всё дела... Я вас внимательно слушаю.

— Елюбай Атыбекович, я пришла с тем, чтобы обратить ваше высокое внимание на отвратительную экологию нашего района. И хотелось бы услышать, что в этой связи планируется администрацией?

Мэр насупился, он не любил подобных подходов. Вопросами экологии его в последнее время — особенно — достали. Взять хотя бы вчерашний митинг, организованный этим Симбаевым! Неслыханно! А визит этого “инопланетянина”, как его называл мэр. Конечно, было в нём что-то такое, что заставляло верить... Хотя Елюбай Атыбекович предпочитал полагать, что это — обычный сумасшедший, свихнутый на “природе”.

Но Старостину приходилось слушать — художник с мировым именем. С самим президентом за руку здоровалась.

— Считайте, что я пришла по поручению общественности города и по просьбе моих друзей — художников из Барселоны. Они планируют посетить Углеград через несколько месяцев.

Мэр мгновенно взмок. Он прекрасно знал, как трепетно глава области относится к подобным визитам.

— Так, сейчас...

Елюбай Атыбекович стал рыться в стопке бумаг.

— А-а, вот... Значит, на закупку фильтров “Энергией плюс” были выделены значительные суммы...

— Это те, за которые нёс ответственность ныне покойный Хромов? — осторожно спросила Валентина.

— Именно! — громыхнул мэр кулачищем по столу. — С кого я теперь спрошу? О, я найду с кого спросить!.. На сооружение силового поля вокруг наших разрезов “Си-И-Си” тоже отпущены значительные ассигнования. Обещаю вам, в ближайшее же время, как только спрос на уголь немного спадёт, они всё остановят и смонтируют защиту.

— Так впереди осень, Елюбай Атыбекович, — растерянно сказала Старостина. — И спрос на уголь только возрастёт.

— Да, это правда, — ответил мэр задумчиво. — А вы что предлагаете?

— Все свои предложения я изложила в этих письмах. Одно — на ваше имя, другое — руководителю области. И очень вас прошу, доставьте это в руки Станислава Павловича Кержакова.

— Ну что вы! Разумеется!

И углубился в чтение.

Посидел в задумчивости.

На сигнал секретарши ответил резко:

— Меня ни для кого нет! Разве что премьер или президент. — Потом добавил: — Или глава области... Но больше ни для кого!

Встал из-за стола, подошёл к широкому и высокому окну, приоткрыл жалюзи.

— Вы видите этот город, уважаемая наша? — спросил грустно.

— Увы, вижу, Елюбай Атыбекович, — ответила Валентина и подошла.

— Вы видите, как сер и колюч воздух, как редко к нам заглядывает солнце?

— Увы...

— Как по-вашему, Оразбаев сделал всё это?

— Нет, не вы, — честно ответила она.

— А как вы думаете, много ли у меня власти?

— В городе или?..

— Да хоть где! Пшик — и нет её. А то, знаете, на днях к нам прямо на заседание пришёл один тип и заявил, что он — инопланетянин. И стал пугать. Если, говорит, не будете думать об экологии, то мы остановим производство, а городу грозит эвакуация и уничтожение.

Он опять вызвал секретаршу.

— Соедини с Карабаевым... Саке, что у тебя там по инопланетянину?

— Взяли, Елеке, уже сидит в “обезьяннике”. Говорят, сбежал из психушки. Мы его завтра обратно отправим.

— Признался?

— Во всём.

— Молодцы!

Мэр уверенно положил трубку.

— Вот видите, Валентина Ивановна, все только пугать и умеют. Остановить производство! — с гордым сарказмом сказал он. — Вы хоть представляете, сколько стоит день простоя угледобычи или выработки энергии? Я тоже не знаю точно, но скажу вам одно: сумасшедшие деньги. И они тем страшней, что в бюджете нашей страны занимают очень важное место. Они составляют нашу с вами государственную безопасность.

— А то, что людям с каждым днём становится всё труднее дышать? — спросила Валентина Ивановна. — Дети рождаются калеками. У взрослых — у каждого третьего — онкологическое заболевание. У каждого четвертого углеградца — сердечная недостаточность. А если не сегодня-завтра народ, увидев, что вы ничего не предпринимаете, рванёт из этого города туда, где чистый воздух? Это будет чьей заботой? Разрушением безопасности какого государства?

— Валентина Ивановна, ну, сделаю я это, — виновато развёл руками мэр. — Меня через пять минут сменят и тут же пришлют другого. Дело не во мне.

— А в ком же?

— Для начала каких-то движений я должен получить бумагу сверху.

— Хорошо, я пойду выше. Я дойду до президента, — решительно сказала Старостина. — Вы уже сообщили наверх о словах этого несчастного?

— Если я сообщу об этом, то сам окажусь на его месте.

— Хорошо. По крайней мере, вы можете твёрдо обещать, что моё письмо попадёт в руки Станислава Павловича?

— Железно! — заверил мэр.

— И на том спасибо. Всего хорошего.

Едва дверь закрылась, Оразбаев взял сотовый телефон. Его уже стали грызть сомнения, что не надо было говорить художнице об угрозах неизвестного. И хоть он обычный сумасшедший, но если поползут по городу слухи, то мало никому не покажется. Тот же Симбаев сразу ухватится за это, чтобы организовать новую провокацию.

— Саке, это я. Слушай, здесь такое дело.

И коротко поведал о своих сомнениях насчёт адекватности Старостиной.

— Проследи за ней хорошенько... Нет, ты сдурел? Её знает сам президент и куча всяких именитых иностранцев. Пусть посидит дома. Дома! Ненавязчиво так. Никого к ней не пускать.

Немного подумал.

— Лучше так: пускай, потом берите на выходе и допрашивайте. Что значит, если ни при чём? Чуть подержите и выпускайте. Вам это не тридцать седьмой год!

Глава 16

Демоны ночи

Углеград стоял на пороге трагических событий, избежать которых было уже невозможно. Настоящей прелюдией к ним стало несколько кошмарных поветрий.

Но прежде всего, в городе перестала действовать телефонная связь, потом сотовая. Дозвониться через спутник стало невозможно даже соседям по квартире.

Затем отказал Интернет.

А через некоторое время десять километров железнодорожных путей, ведущих как в сторону областного центра, так и в столицу, оказались непригодными для движения поездов. Рельсы были размётаны по сторонам, частью приплюснуты, словно по ним проехал гигантский каток.

Со взлётными полосами международного аэропорта сотворили просто неслыханную штуку: их вспахали. Как добрый пахарь родное поле.

Углеградцы оказались изолированными от внешнего мира.

Нетронутыми почему-то оказались только автомобильные трассы.

Вот и по ним — автотрассам — зачастили в город различные комиссии — по пяти на день, от различных министерств и ведомств. Только сделать они ничего не могли: выпивали, гуляли и отъезжали восвояси, обещая “доложить наверху”.

Потом неладное стало твориться с электрическими приборами: оживали, нагревались без сети, накалялись докрасна. Это стало причиной целой серии пожаров. Спецкоманды лишились сна и покоя, забыли про еду. Люди валились с ног от усталости, проклинали день и час, в который нанялись на такую работу...

И всё-таки выгорали квартиры, появились первые жертвы.

Затем сошли с ума теле- и радиоприёмники, которые в выключенном состоянии сами по себе выходили на неизвестные волны и транслировали непонятное, но пугающее.

Радио неизменно передавало траурную музыку, а по телевидению люди в незнакомых одеждах твердили о скором возмездии, призывали “покидать адские места”.

Скрупулёзно анализируя произошедшее несколько лет тому назад и сегодня широко известное, можно над чем-то задумываться, чему-то удивляться и сетовать: как же они? Ну, яснее ясного же...

В Углеграде тоже хватало скептиков, именно поэтому “ожившие” электроприборы, “оазис”, демонстрация НЛО — не были восприняты всерьёз, изучены и систематизированы.

Даже ситуация с железнодорожными путями и аэросообщением была названа “чьей-то диверсией”. Хотя всем сразу было ясно, что людям такое не под силу.

А зачем?

Первое, например, относили к халатности, преступной беззаботности некоторых рабочих и служащих.

Второе. Всего лишь мираж, который видится в пустыне иссохшим путникам... Галлюцинация, только и всего.

НЛО... Ну скажите, по нынешним временам, кто его не видел?

“А с остальным будет разбираться Комитет национальной безопасности”.

Дальнейшие события в Углеграде совершались с умопомрачительной быстротой.

Старый горняк Кочевой умер для всех после обнаружения им твёрдой шелухи на теле. Добавим: неожиданно умер.

Уже более месяца он не выходил из квартиры и не отпирал дверей. Напрасно ломились его малолетние друзья и стучали соседи.

Казалось бы, Фёдор Фёдорович отрешён от всего и городские события ему неведомы. Но он знал исключительно всё. И более того, он всё видел.

Именно на том месте, где значилась загадочная надпись, обнаружился экран, который демонстрировал происходящее: бегство людей, аварию на ГРЭС, шествие монстров... Кочевой ничему не удивлялся и не поражался — это были иллюстрации к поэме «Я — НЛО». Поэме, которая в списках ходила по городу с его авторством, но к которой он не имел никакого отношения.

Ещё недавно поражавшая всех каскадом идей и остроумия, голова отупела и опустела. Мысли исчезли. Их место понемногу заполняли чёткие и ясные инструкции.

Фёдор Фёдорович не имел привычки смотреться в зеркало, но если и доводилось, не удивлялся, что шелуха отпадает и под ней проступает молодая розовая кожа, твёрдая как панцирь черепахи.

Изменялось и лицо. Исчезали морщины, выпрямлялся нос, округлялись щёки. Словом, вместо пенсионера появлялся молодой сильный мужчина.

В редкие минуты, когда формулы и инструкции расплывались и возникали прежние человеческие мысли, а с ними — страх и отчаяние, Фёдор столбенел, не в силах понять, что с ним происходит...

Но и это длилось недолго.

Некто душил человека, и внешне это происходило почти без борьбы.

... На некоторое время его оставляли в покое, и он снова старел.

Кочевой слабо помнил последние события, по ночам давили кошмары. Особенно часто снилось падение тела Юрки Куличёва: ноги, туловище.

Он не был уверен, имеет ли к этому какое-то отношение, но, кажется, имеет.

Тем мучительней были воспоминания, Юрку он знал ещё совсем молодым.

Целыми днями Фёдор сидел на диване, тупо уставившись в одну точку. Его уже ничего не заботило, он знал: от этого нет спасения.

Прямо сейчас, через день, через два засветится экран в стене, и пенсионер опять превратится в монстра.

Почему он, никому не нужный старый человек, честно проживший трудную жизнь? Мало ли молодых, сильных?

От всякого, от всяких можно уберечься, но от этих... Войти сюда они могут в любую минуту: через окно, двери, стены; просто нарисоваться ниоткуда.

Господи! Позволь мне умереть человеком. Не надо мне их бессмертья.

Скоро за ним явятся, и тогда придётся душить, убивать, жечь по-настоящему, — не только пугать...

Им твердили: людей надо доводить до инфаркта, людей надо устрашить настолько, чтобы они бежали отсюда, закрыв глаза.

Фёдор Фёдорович со старческой нежностью и теплотой думал о человечестве. Живёт, бедное, и не знает, что живёт под колпаком; а откуда-то с громадной высоты Кто-то глядит на людей и усмехается заботам и трудностям, веселью и любви, страстям и впечатлениям.

Бедные люди! Даже не догадываются, под какой опасностью ходят и все свои дела делают под чужим взглядом.

Стоило ли рождаться на такой планете?

Кочевой прикрыл глаза и увидел шествие монстров.

Вот они, всех видно.

Видел он и себя — с руками-клепнями и жёлтыми глазами в пол-лица. Безмолвно и страшно прошли они по улицам ночного Углеграда, наглядно демонстрируя всё несовершенство человечества.

А потом их всех преследовало только желание жечь и убивать. Они уже предчувствовали праздник: растечься по городу, превратиться в “демонов ночи”.

Он сам даже физически осязал, как держит за горло молодую женщину; она хрипит, умоляет отпустить домой — дети одни и мужа нет.

Нет, он не собирался её отпустить.

В его огромных зрачках горели дома в ночи.

Обречённо кричали полумёртвые люди.

Но не последовало приказа, и все вернулись на свои места — ждать: команда может поступить в любую секунду.

Фёдор открыл глаза: из дрожащих пальцев вылезали шипящие змеиные головы. Он закричал, ударил ими об стол. Головы спрятались. Бил снова и снова, пока пальцы не превратились в кровавые лохмотья.

И кричал не своим голосом. И крик этот, проходя сквозь стены, долетал к соседям, звал на помощь. Но никто не помог. Соседи спали, плотно закрыв головы одеялом.

Фёдор выл, держа на весу покалеченные руки.

“Ничего ты, Федя, не видел на экране в стене, — вдруг кто-то заговорил в нём. — Всё ты видел своими глазами и сам во всём участвовал”.

Боль затихала.

Фёдор улыбнулся и вытянул перед собой руки, пальцы перестали кровоточить и затягивались. Но вместо кожи стала вырастать шелуха.

Завтра всё повторится сначала.

— Всё, Федя, хватит, — сказал он вслух и потянул ручку двери на балкон. — Я не пойду на улицы своего города, чтобы бить своих же земляков, нет. Жил человеком — умру человеком. Девятый этаж — хороший этаж...

“Ты чего задумал? — тревожно зашептало внутри. — Да ты... Тебя выносили, вынаничили, а ты так отвечаешь, да? Вот это истинно по-человечески”.

— Пошёл ты! — огрызнулся Кочевой. — Попробуй, помешай мне.

Внизу чернела улица без огней.

Лёгкий ветерок с металлическим привкусом только напоминал о присутствии неведомого.

Табуретка.

Фёдор встал на неё.

Родного своего города он не видел, но ясно представлял чистым, опрятным, праздничным. Не хотелось уходить из такого города.

Только теперь он уже никогда не сможет стать прежним.

Пусть люди не осуждают строго, что уходит он в трудное время. Им теперь — очень нужна помощь. Но помогать им он не может, а идти против них — не желает.

Свою чашу сомнений и страданий он испил до дна. И заслужил право умереть человеком.

“Тебе никогда не умереть человеком, — сказал кто-то. — Ты перестал им быть раз и навсегда”.

Ноги приросли к табуретке, а табуретка к бетонному полу балкона.

“Не хотят отпустить”, — подумал Фёдор.

— Кому ты теперь нужен, — опять голос. — Ты своё сделал, так что — катись. Но человеком тебе не умереть”.

— Да пошли вы все! — отчаянно крикнул Фёдор. — И мир и немир!.. А особенно вы!

Он перевалился и полетел вниз. Но на душе неожиданно посветлело и полегчало...

Удара о землю Кочевой не чувствовал, лишь увидел со стороны своё разбитое тело и окровавленное лицо. Теперь это — не его.

Воспарил вверх. И через какое-то время влетел в мрачный тоннель, где далеко впереди полыхал яркий неземной свет.

Смерти и в самом деле не бывает..

Глава 17

По мёртвой земле

Мрачные сумерки сменил вой ненастья. Задувало нешуточно. В степи вообще такое движение воздуха не редкость, все знали, что в Углеграде ветер не дует пять дней в году, — но нынешний был просто шквалом.

Горняки, вдоволь наштутившись над оробевшим журналистом, при-смирили, едва впереди замаячили серые крыши административно-бытового комплекса.

Цепочки огней, ведущие к “Востоку”, казалось, были рассыпаны по всему пространству, куда доставали глаза, и перемигивались, словно новогодние гирлянды.

Но это вполне могло быть и обманом зрения.

— Что это? — спросил Алексей Левченко — помощник Петра.

— Испугался? — весело переспросил тот. — Ты же носишь гордое имя, которое означает “защитник”, тебе пугаться по чину не положено.

“Защитник” в нынешнем году окончил профтехучилище.

— Не боюсь я, — ответил он решительно. — Удивляюсь.

Начальник участка, распределяющий наряды, ткнул пальцем в сторону Кирюшенко и хрипло спросил:

— Этого кто возьмёт?

Все промолчали.

— Думаете, мне нравится? Звонили из мэрии, в приказном порядке... Углеградцы, мол, должны знать, что здесь происходит, если в самом деле происходит.

— Ладно, я возьму.

— Варшаков?

— А чего ты удивляешься, Андреич? Мы с ним вроде как уже познакомились. Может, нахватается ума-разума да горняков лишний раз остережётся бесчестить.

Все зашумели. В прокуренном помещении “нарядной” зазвучал отборный мат.

— Тихо, мужики, тихо! — Варшаков поднял руку и наступила тишина: Петра любили не все, но исключительно все уважали как стоящего, надёжного трудягу. — А уж что напишет после сегодняшней ночи — это на моей совести. Идёт?

На том и порешили.

Пока машинисты принимали смену, проверяя детали и узлы на готовность к работе, Игорь оглядывался по сторонам.

Ему дали стул и велели никуда не лезть. А куда полезешь? Кабина как кабина: рычаги, ручки, рация свистит на все лады. В общем, пока никого не было, он плотнул для храбрости. Сразу стало веселее, светлее. Электровозники показались благодушными ребятами, среди которых он теперь — свой.

Потом Пётр с Алексеем вернулись, просигналили, и состав тронулся.

— Всё, журналист, едем, — весело сказал машинист.

— Я — Игорь.

— Что?

— Меня зовут Игорь.

— Вот и хорошо, Игорь, теперь только ничего не лапай, ни во что не вмешивайся и сиди тихо.

— Я очень буду стараться.

Пётр напряжённо глядывался вперёд. Дорогу он знал основательно, но... Подъезды на "Востоке" самые петлистые, непонятно, как и кто их проектировал. Ведь строили разрез с конвейерной подачей угля, но взяли и переложили жэдэ пути. И повороты крутые, и стрелок не счесть! В общем, погано.

— Кто нас зовёт? — спросил помощник.

— Работаем с "пятьдесят пятым" Валерки Шишлова.

— Петя, у них там на днях вышел на работу Володька Барков. Помнишь, у него инфаркт в прошлом году случился? Так, говорят, при последнем медицинском осмотре выяснили, что никакого инфаркта у него не было.

— Ты б меньше сказкам верил, — авторитетно заявил Пётр. — Инфаркт — это тебе не понос какой-нибудь. И если он был, он остался на всю жизнь. Вовка просто косил умело. А когда выяснилось, что народу на работе не хватает и платят бо-ольшие деньги, взял и вышел. Молодец, хвалю! Сигналь! — крикнул Алексею. — Они там уснули, что ли?

Помощник просигналил три раза.

На роторном экскаваторе стали зажигаться огни.

— Ну что, журналист, пора на улицу?

Игорь молча кивнул, хотя на улицу ему очень не хотелось.

— Лёшка, будешь подъезжать под ротор, а мы прогуляемся, может быть, тени в забоях обнаружим.

Спрыгнули с лесенки, размяли ноги.

От роторного по направлению к ним шёл человек.

— Пётр, а это кто? — спросил Игорь удивлённо.

Варшаков оглянулся и увидел...брата.

— Господи! Пашка! Братан! — и кинулся навстречу. — Пашка, родной! А я и не верил, что ты погиб. Как здорово! А где ты был?

— Петька, сдурел? — спросил Барков. — Какой я тебе Пашка?

Пётр встряхнул головой. Место непритворной радости опять заняли уныние и безысходность. И стало так неприкаянно, так невероятно жаль, что нет Пашки рядом.

— Странная штука, — сказал подавленно, — то меня чуть не приняли за братана, теперь я... А его всё нет и нет. Тебе чего, Володя?

— Поговорить надо. Отойдём?

— Игорёк, иди обратно в кабину и сиди там, — велел журналисту.

— Это кто?

— Да журналюга один, пристегнули ко мне, чтоб видел, как мы работаем.

— У вас на путях всё спокойно?

— А чего на наших путях может быть беспокойного?

— Мне Юрка Куличёв рассказывал про всякие чудеса.

— Юрка — псих, — сплюнул Пётр. — И место ему в психушке. А если трусит, пусть дома сидит. Вот как ты, — хохотнул он. — Слушай, как ты так умело косил целый год?

— Слушай, кончай базарить и скажи: серьёзно буду говорить, слушаешь? Петруха, ты знаешь, я балаболом никогда не был.

— Знаю, Володька, ты балаболом не был, — посерьёзnel Варшаков. — Слушаю тебя безо всяких...

И правда, Пётр выслушал внимательно, ни разу не перебил ехидными замечаниями, уж слишком всё это походило на правду. Но чью правду?

Барков рассказал про "оазис", больницу и сеанс телепатической связи.

— Так вот, Они сказали про твоего брата следующее, — мгновенно голос Володи стал совершенно другим — металлическим и бесстрастным: — Когда-нибудь Павел Варшаков подробно вам расскажет о нас. Он у нас, значит, ничего плохого с ним не могло случиться... Пётр Варшаков... Найди его.

— Так-так, — забормотал Пётр. — Я-то им на кой понадобился? А Пашка выкрутился, стало быть, вернётся. Надо Таньке сообщить. Да, насчёт меня, — не я тебе нужен, а Иван Головин. Запомни. Он живёт за Стеной у "бичей", там, где раньше братуха мой обретался. Приехал выяснять, что к чему. И знает, по-моему, намного больше, чем можно себе представить или вычитать в книжках. Он сам писатель-фантаст, я вспомнил, у Пашки на фотографиях есть его личность.

— Найти его где?

— Я ж сказал, за Стеной. Завтра я с ним увижусь, — и усмехнулся, — если ничего не случится, а то братан во сне меня предупреждал... Иван зайдёт после смены, давай и ты подкатывай. Он — башковитый, с ним уверенность чувствуешь.

— Слышь, Петька, а кто у тебя помощником? — спросил вдруг Барков.

— Дали молодого, зелёного.

— А его не учили вагоны менять при подаче?

— Что-о?

Полувагон был уже загружен с горкой, уголь сыпался вниз, машинист ротора подавал сигналы, но состав не двигался.

— Чёрт его возьми! — заорал Варшаков и запрыгнул в электровоз.

— Лёшка, сдурел, что ли? Почему не отъезжаешь?

Алексея трясло, слёзы катились по щекам.

— Пётр Палыч! — взмолился он. — Всё делаю как учили, а он с места не трогается.

— Точно? Сейчас поглядим!

Снял блокировку пути, нажал кнопку. Состав тронулся.

— А? Это как?

Помощник бестолково кивал.

— То-то же. Да ты не дрейфь, всякое бывает. А где журналист?

— Отсюда, — он кивнул на рычаг, — вдруг искры посыпались, когда я за неё взялся. Журналист и убежал куда-то. Наверное, в той кабине.

— Пойду посмотрю.

Игорь сидел в параллельной кабине, сжав обеими руками бутылку водки.

Глаза отсутствовали.

— Ой! — заорал он, увидев Петра. — Ты кто?

— Дед Мороз, — засмеялся тот. — Кто разрешил брать с собой бухло?

— А я здесь зелёные тени видел, — таинственно прошептал Игорь. — Они меня к себе манили.

— Тени-то из твоей статейки, небось? Чего ж не пошёл? Ты ж с ними теперь вроде как кум. Ладно, вставай. Грамм двести ещё хапнешь — и не то привидится. Дай сюда бутылку!

— Не отдам! — вздыбился журналист.

— Да и хрен с тобой, пей, только не лезь никуда. Здесь останешься?

— Нет, я с вами.

“Подача” была загружена полностью.

— Сигналь, Лёшка, потом трогай.

Станционные огни замелькали по сторонам движения: промежуточные станции “Трудовая”, “Степная”, “Восточная”.

Скоро должен быть угольный склад. До него — двадцать минут езды. Но — протикало двадцать, тридцать, сорок — цель поездки даже не мелькала впереди. На лобовых стёклах вдруг стали проявляться чёрно-бурые пятна, напоминающие мазут. Потом наступила кромешная темень, словно окна плотно завесили чёрным материалом. Мощные прожекторы электровоза словно отсутствовали.

— Петя, — прошептал Алексей, — я чего-то боюсь.

— Чего? — недоверчиво и жёстко спросил Пётр.

Но быстро спохватился и тоже шёпотом ответил:

— Знаешь, и мне не по себе. Давай-ка остановимся и оглядимся. Жми тормоза.

Алексей начал тормозить, не получилось.

Пётр взялся сам — безуспешно.

— Вы посмотрите, — закричал вдруг Игорь, — он набирает скорость.

Прислушались — в самом деле.

— Лёша, срывай аварийный стоп-кран!

— Я проверял, Пётр, он уже сорван, — ответил помощник обречённо.

— Ты, гад, сорвал? — схватил Варшаков журналиста за грудки.

— Я? — тот поднял мутные глаза. — Да пошёл ты... Ненавижу вас всех.

— Пётр, — дрожа всем телом, Алексей осторожно показал пальцем вверх, — я выглянул туда, нас тащат четыре зелёных шара.

— Сейчас я гляну! — заорал Пётр. — Задолбали эти шары — насквозь! Журналист, не хочешь посмотреть? Будет чем хвалиться перед коллегами, если, конечно, выберемся.

— Нет, ты лучше в окно посмотри, — ответил Игорь и довольно рассмеялся.

Пётр посмотрел и остолбенел.

По ходу движения он увидел белый-белый, усыпанный цветущей зеленью город, расположенный у самого берега самого синего моря. И как ясно виделось!

“Телевизор, что ли”?

— Петя, мы где? — вскричал помощник.

— Я не знаю, — устало ответил Варшаков и сел в кресло машиниста. — Но думаю, что приехали.

Им овладели апатия и безразличие, и их дурманящая смесь говорила только о желании покоя, пусть даже смерти. Он подумал о Головине, Баркове... Пашка! Он не послушал предупреждения брата, он никогда брата всерьёз не воспринимал. Чудеса... Эти чудеса кем-то хорошо спланированы и организованы.

Но при чём здесь парнишка, чёрт возьми?

— Алёшка! — он рывком вскочил на ноги. — Машина продолжает набирать ход. Ещё немного и мы куда-то врвухаемся. То, что за окном — галлюцинация. Забудь про неё, не думай! В самом деле, мы где-то возле своих. Тебе надо жить, малыш...

Он потрогал напарника за плечо.

— Ты здесь ни при чём, — сказал загадочно, — не тебе и отвечать. Тебе придётся прыгать, пока ещё есть возможность. А повезёт, даже калёкой не станешь.

— А ты? — с надеждой спросил помощник.

— А кто останется на теплоходе, если он вдруг опять придёт в норму? Капитан.

— Ты погибнешь?

— Не знаю. По крайней мере, слёз это ни у кого не вызовет.

— А он? — Алексей кивнул на журналиста.

— О нём голова не болит. Не хрен было так напиваться... Однако, тебе пора. Я понимаю, скорость приличная, но это — единственная возможность. Они же говорили, что применяют свои способы, — сказал вдруг странно.

— Кто Они?

— А-а, всё равно. Давай. Ты — молодой, сильный, ты постарайся...

Он подтолкнул напарника к двери.

Алексей посмотрел вниз, и голова закружилась.

Мелькало расстояние, но от тупых концов шпал густыми пятнами проступала трава, по виду напоминавшая поролон. Он даже услышал чей-то шёпот: "Прыгай, не бойся".

Электровоз мчался всё быстрее. Воздух свистел, густел и становился серым.

Помощник верил, что сможет. С этой верой и прыгнул.

Пётр вернулся в кабину. Журналист спал на полу.

— Хорошая у меня компания, — сказал Варшаков. — Ты теперь, Игорёк, будучи пьяницей и проходимцем, станешь героем. Я, будучи самостоятельным человеком, который жил ради семьи, умру жлобом и хапугой. За всё в жизни надо отвечать, журналист, исключительно за всё, вот в чём штука.

Он ткнулся лбом в стекло.

— Ну, что у нас нынче показывают?

Они ехали по мёртвой земле.

Очень темно. Страшно мрачно. До ужаса затхло.

Разрушенные дома, исковерканные дороги, разбитые машины.

И — трупы людей, везде и много.

Живые косматые тучи разбухали и из их чрева по косым лучам вниз сходили чёрные мутанты.

Будь прокляты сны!

Он закрыл лицо руками и вслух стал отсчитывать секунды.

Глава 18

Времени не остаётся

На ноутбуке отстукивало: «Времени не остаётся. Началом станет обвал остатка домов у «Центрального». Уходи сам и постарайся увести людей. Потом будет ещё одна — последняя — акция устрашения. Если и это не убедит, последствия — трагичны».

Значит, началу событий положен отсчёт.

Головину надо было немедленно поговорить с Валентиной.

Он позвал дядю Васю.

— Старина, что там у «Центра»? Новости есть?

— Пока всё как всегда, Седой. Если что будет, мы сразу дадим знать.

— Сделаем следующее. Пусть ребята дежурят до темноты, а потом сворачивают посты и уходят в город.

— В город?

— Именно. Ты читать ещё не разучился? Посмотри сюда.

Дядя Вася заглянул в ноутбук.

— Это откуда? Ведь, говорят, никакая такая техника нынче не работает.

— Оттуда, — Иван указал глазами в небо. — Ты знаешь, чьей волей всё это не работает? Значит, когда надо, может заработать. Короче, дай знать Вожаку, пусть соберёт остальных — и уходите... Знаешь, дядь Вась, всякое может быть: заискрится, запылится, столб какой-нибудь световой — и вы пропали. Мгновенно. В общем, я надеюсь на вас. Убеди Вожака, он же считается вроде как отцом всех «бичей», вот пусть и позаботится о своих детях.

— Не сомневайся, — заверил дядя Вася. — Всё сделаю, как надо. А Вожака нету, то ли в городе, то ли — подальше.

— Господь с ним, — ответил Иван. — А мне надо срочно кое с кем посоветоваться.

Головин подошёл к уже знакомой пятиэтажке и сразу ощутил смутное беспокойство. Обстановка казалась напряжённой. На лавочке у подъезда не сидели старушки. Два незнакомца одинаково скучающим взглядом смотрели в неведомую даль.

«Полицейские», — сразу догадался Иван.

В своей бурной, полной приключений жизни, он научился безошибочно — подспудно, с первого взгляда определять служителей закона.

«Соглядатаи, шпики. Интересно, кого они пасут?»

На площадке третьего этажа у мусоропровода ещё один бестолково пытался изображать пьяного.

— Вы знаете, — вместо приветствия сказала Старостина. — Я допустила непростительную ошибку.

— Интересно, какую?

— Я была у мэра и вручила ему два письма, касательно экологии региона.

— Вот как! И что он вам ответил?

— Обещал передать главе области.

— И в чём ваша ошибка?

— Я не посоветовалась с вами и теперь, мне кажется, ничего и никуда он не передаст.

— Вы знаете, мне тоже так кажется. Это не в его интересах.

— И что же делать?

— А ничего, сидеть и ждать.

Иван испытывающе посмотрел ей в глаза.

— Ещё что? Валентина Ивановна, о чём вы с ним говорили? Вспомните, там было нечто важное.

— Важное? Да нет, так разговаривали... Он вспомнил о каком-то сумасшедшем, который недавно проник в мэрию и требовал остановить производство и заняться очищением воздуха.

— Значит, сумасшедший... И что?

— Потом вдруг сообщили, что он задержан, будет отправлен снова в психушку. Всё. Действительно оказался сумасшедшим.

— Действительно надо быть таковым, чтобы от мэрии что-то требовать. Но, мне думается, что с этим сумасшедшим не всё так просто, с этим надо разобраться. У меня тоже новости. Паша мне сегодня передал следующее... В общем, времени не остаётся, — закончил он свой рассказ. — Неизвестно, что последует после обвала, что полезет из “Центра” на город. Прошу вас, предупредите своих, пусть уезжают. Да и сами... Валентина Ивановна, прошу вас, уезжайте.

Старостина теребила в руках носовой платочек и не могла сказать в ответ ничего. Её взгляд потемнел.

— Если уж с того света начинают поступать предупреждения, это — всё.

— С какого, с “того”? — горячо возразил Головин. — Валентина Ивановна, вы же разумная женщина, к чему такие слова? Он жив, понимаете? Он жив, — повторил ещё раз, настойчиво. — И скоро будет здесь, я уверен. Понимаете, мы с Пашей — друзья настоящие. Я несколько раз в жизни терял таких друзей и всякий раз знал об этом. А про Пашку мне ничего даже не защемило в душе, не ёкнуло, что называется.

— Знаете, Иван Александрович, когда погиб отец, у меня тоже ничего не ёкнуло, — горько сказала она. — А ведь — это отец... Плохи дела.

— А голос разума? — весело спросил Головин. — На него вы не уповааете? Тем более, мы не знаем, что творится в верхах. А вдруг там...

— А как они узнают?

— Это, конечно, важный вопрос, но и на него надо отыскать ответ. Иначе, зачем мы призваны на это? Думаете, мэр ничего не передаст в область?

— Думаю, нет.

Головин подошёл к окошку, осторожно приоткрыл занавеску и указал на двух “в штатском”.

— Видите, у подъезда, а ещё на вашей площадке, дежурят почтовые голуби?

— Вы думаете...

— Да. Вы под домашним арестом. И всех, кто к вам заходит, будут брать на выходе.

— А за что?

Головин пытался объективно взвесить ситуацию и отыскать из неё выход.

— Сейчас мне было бы очень некстати загреметь в кутузку.

— Господи! Он же обещал, — прошептала Валентина, — что всё будет хорошо.

— У них будет всё хорошо. Это я вам обещаю. Мне срочно надо к Варшавову, туда придёт ещё один человек, у которого есть для меня информация.

А эти, — он кивнул за окно, — если они не изложат достаточных оснований, я им покажу свой иностранный паспорт и пошлю всех к чёрту. У меня нет времени на всякие там каталажки.

У подъезда его ожидали. Сразу же предъявили красные книжечки.

— А в чём дело?

— Нам необходимо задать вам несколько вопросов.

— Задавайте.

— Не здесь, в управлении.

Головин уже полез в карман за своими документами, но вдруг услышал как полицейские перешёптываются:

— Полковнику Карабаеву, наверное, просто делать нечего. А то других забот мало, чем людей по улицам выискивать.

— Вы сказали Карабаев? — искренне удивился Иван. — Сагандык? Он кто у вас?

— Начальник полиции. Чему вы так удивляетесь?

— Поехали, — весело сказал Головин. — Поехали и побыстрее.

Это было удачей. С Сагандыком они вместе работали ещё в Углеградском горкоме комсомола, Карабаев был в его подчинении. Он хорошо помнит скромного молодого человека, честного и прямого, самого себя сделавшего, без всяких там родственных связей. “Но каков теперь Сага?”.

Сагандык сидел в задумчивости. Ему очень не нравилась нынешняя обстановка в городе, которая категорически отличалась от всего, что он видел за двадцатилетнюю службу в органах. Появилась какая-то скрытая пружина, которая действует абсолютно автономно. Ему необходимо было найти начало этой пружины и того, кто придаёт её разжатию такую силу.

— Господин полковник, этот задержанный просится прямо к вам, — доложил капитан Ордабаев. — Говорит, давно знакомы.

— Давай его сюда, — велел полковник. — Посмотрим, что там за знакомый.

Ивана Головина, несмотря на седину волос, он узнал сразу. Ещё бы, пять лет работы при штабе по строительству энергетического комплекса не прошли даром.

Иван Александрович успел многому научить скромного выпускника политехнического института.

— Иван! — воскликнул он, непритворно обрадовавшись. — Ты откуда в наших краях?

— В гости приехал, — сдержанно ответил Головин, пристально глядясь в Сагандыка.

— Бауржан, свободен.

Капитан Ордабаев вышел.

— Ну здорово, Сага! Или, строго, господин полковник?

— Прекращай, — улыбнулся Сагандык. — Какой я для тебя господин?

Они обнялись, пожали друг другу руки.

— Присаживайся и рассказывай, — первым начал хозяин кабинета.

— Приехал я, Сага, когда услышал, что с Пашкой такое произошло, — сказал Иван.

— Да, ты знаешь, я сам вне себя был, когда узнал...А его брат — этот козёл, свалил вину на “бичей”.

— Ты думаешь иначе?

— Конечно, иначе, Ваня. После его приезда я дал ребятам команду следить за каждым шагом Павла. Как чувствовал! Ты знаешь, — его лицо

вдруг посветлело от воспоминаний, — он ни грамма не изменился со времени заведования пресс-центром при нашем штабе. Всё такой же улыбочивый и добрый.

— А зачем ты решил за ним последить?

— Обстановка в городе стала складываться таким образом, что стало небезопасно. Я неправильно сказал “следить”, скорее — оберегать. Этим занимались ребята из роты Бауржана, который тебя сюда привёл, элитное подразделение, спецы, способные противостоять любым угрозам. Не сберегли.

— А художницу зачем пасёте?

— Распоряжение мэра. Принесла какие-то письма, которые его встретили.

— Она печётся о городе. Одно письмо на имя мэра, другое адресовано главе области. Ничего противозаконного.

— Она тоже тебе помогает?

— Неизвестно, кто кому, — улыбнулся Иван. — Приятная женщина.

— Мэр её боится, она знакома с самим президентом.

— Понятно, потому и изолировал. Сага, что ты скажешь о визите незнакомца в мэрию? Что это было?

— Знаешь, я получил приказ никому об этом не говорить.

— Я о грядущих событиях знаю гораздо больше, чем ты предполагаешь, — тихо сказал Иван. — Ты можешь помочь... Нет, не мне, своему любимому Углеряду. Расскажи, прошу тебя.

— Только строго между нами, — попросил он.

— Я догадываюсь, кто он и откуда, ты мне скажи, чего он хотел?

Полковник рассказал.

— Ну вот, теперь всё ясно, — произнёс Головин задумчиво.

— Что тебе ясно?

— Ясно, что город стоит на пороге событий и теперь его спасёт только чудо. Сага, у тебя много родственников?

— Конечно, много. Их стало ещё больше, как только меня назначили начальником полиции. Да и прямых — родных — семеро братьев, шестеро детей и родители-старики. Постой-постой, — спохватился он. — Ты предполагаешь...

— Именно. Первый на начало этих событий попал Паша. И если бы не он, мы бы тыкались в сегодняшний день, как слепые котята. Теперь послушай ты.

И он выложил всё, что знал, включая послание на ноутбуке.

— Сегодня или на днях оставшаяся часть Воргорода уйдёт под землю, как семь лет назад, тогда была всего лишь репетиция. Это был сигнал, а его никто не услышал. Она уйдёт в другой мир, понимаешь? Эти развалюхи никому не нужны, люди там — вроде как вне закона, но лишней жути через них нагнать можно. Тем более, Стена — полная изоляция. Можно сказать, что это — предпоследняя Демонстрация, более-менее мирного характера. Но вслед за ней из другого мира на свет станут выходить страшные существа, единственное назначение которых — убивать. Они уже это делают. Ты сводки аккуратно получаешь по утрам?

Карабаев даже зубами скрипнул и в бессильной ярости сжал огромные кулаки.

— Знаешь, говоря по чести, полный бандитский беспредел по сравнению с этим — розовые сказочки.

— Так усиливай.

— Усилили! — крикнул Карабаев. — Из области ребят прислали. А толку? Наши тоже пропадают, потом их находят... по частям. Я докладываю, мне говорят: плохо работаешь.

— Прости, Сага...

— Да ладно, чего там.

— Ты бы на всякий случай отправил своих родственников куда подалее. Тебе ж спокойней будет. Неизвестно, что пойдёт вслед за обвалом.

— Ваня, а куда мне прикажешь отправлять целый город?

— Да, ты прав. Тогда попытайся убедить мэра хотя бы передать главе области то, что принёс этот инопланетянин.

— Ты напрасно думаешь, раз начальник полиции, значит, неприкосновенен? Пойми, у нас руководят не силовые органы, а политики. Кажется, ситуация уходит из-под контроля.

— Сага, скажу больше: уже ушла. Постарайся убедить мэра — это единственный выход. Я сейчас пойду — встречу с людьми, у них есть информация.

— Держи меня в курсе. И ещё, мне кажется, тебе самому надо встретиться с мэром.

— Это было бы здорово! Только побыстрее.

— Не волнуйся, я устрою.

Полковник пристально посмотрел на Головина.

— Ты-то сейчас что собираешься делать?

Иван улыбнулся.

— Знаешь, Сага, есть некий план...

— Я помню это твоё выражение “некий план”. За ним, как правило, всегда скрывалась некая авантюра. Иван, что задумал?

— Я хочу попытаться войти в Тот мир...

— Войти — не вещь, — ответил Сагандык. — А выйти сможешь?

— Не знаю. Но попытаюсь.

— Иван, не делай этого. Ты ведь не знаешь, что там. Прошу тебя.

— Сага, я должен, — твёрдо ответил Головин. — Иначе, зачем я здесь?

— Сгинешь ты, кто останется? Ты же об этом деле сейчас знаешь больше всех! — крикнул полковник. — Вижу, вижу, что уговаривать тебя бессмысленно... Ступай.

— И ещё, Сагандык, прошу тебя, скажи родным, ибо другим говорить небезопасно, потому что сочтут за сумасшедшего, а тебе по рангу не полагается; пусть ночью закроются дома, зашторят окна и не глядят на улицу. Что-то мне подсказывает, что это — опасно. Ещё думаю, что количество гробов после этой акции в городе значительно возрастет.

— Хорошо, хорошо, — сказал Карабаев вслед уходящему. — Прости, Иван, — добавил чуть погодя, — я не могу допустить...

И немедленно вызвал Ордабаева.

Иван шёл к Варшакову. Переход от Горняков на Абая — это длинный проходной двор. Человек навстречу. Мутная струя и мгновенное отключение сознания.

... В разреженном воздухе ночи особенно отчётливо становились слышны звериные рыки на окраинах города. Сумасшедшие животные с

темнотой оживали, выходя неизвестно из какого ада. И звуки, издаваемые ими, заставляли холодеть самые отважные сердца.

Прежде только тепловозы гудели на окраинах, подъезжая за очередной подачей угля. Теперь работы прекратились. И не по дням, а по часам прекращалась, угасала чудом ещё где-то сохраняемая жизнь в некогда радостном Углеграде.

Кто не успел выехать, тот понемногу умирал от горя и страха; кого не уничтожили “демоны ночи”, тот сошёл с ума.

И бродили по развалинам города одичавшие существа. Иногда кто-нибудь видел, как они уходят на окраины, чтобы уже никогда не вернуться.

По ночам город был заперт со всех сторон.

И с каждой ночью кольцо сжималось всё теснее.

Оставшиеся люди готовились к смерти, потому что знали: обречены, кто-то отдал их на заклятие.

И ещё, хуже того, люди знали, что не могут бороться против самих себя, против того, что заставляет их превращаться в послушных и страшных кукол.

А звери, или другие существа из параллельного мира, только довершают дело, только замечают следы...

Иван вскрикнул и очнулся.

Он в больничной палате.

За окном темно.

“Господи! Не дай погибнуть раньше времени. Не дай этой страшной картине воплотиться в реальность”, — прошептал и стал подниматься. Голова звенела невыносимой болью. Темнело в глазах...

“Ай да Сагандык! Ай да сын шайтана!”.

Он бежал к Воргороду, уже точно зная, что опоздал. Земля гудела под ногами и, казалось, разваливалась на куски.

“Опоздал, опоздал, не пустили...” — думал смятенно.

Стена была на месте, но за проходным двором...

Он посмотрел: чисто, ни домов, ни развалюх.

Всё ушло, разрез стал шире и вплотную подошёл к Стене.

Из его ямы мелкими порциями вытекала густая пыль.

Головин подошёл к краю ямы и показалось, что смотрит в небо: облака бледно-сиреневые с зелёным отливом; шары незнакомых планет; чужие созвездия.

И в этом пространстве, в его бездонности он успел прочесть мысли о разумном мире, о его безграничных возможностях, о контактах с иноземными цивилизациями.

Да, это был совершенно другой мир, но всё та же планета — Земля.

А потом из “той же Земли” — хлынул ввысь слепящий столб огня...

Глава 19

Никто ничего не гарантирует

Вечером того же дня Сагандык Карабаев, как старший среди братьев, собрал представителей всей своей многочисленной родни и объявил:

— Аллах посылает нам большие испытания — беда идёт на город. Я собрал вас, чтобы посоветоваться и определиться, как жить и работать дальше.

— А что происходит? — заволновались родственники. — Или наша славная милиция уже не гарантирует безопасность?

По старой привычке полицию называли “милицией”.

— Айдар, — сказал Сагандык брату, — ты прекрасно знаешь, что творится по ночам на улицах и что милиция давно ничего и никому не гарантирует.

— Тогда вас всех гнать надо и набрать новых.

— Именно, — ответил полковник. — Это и необходимо сделать.

— А если вызвать армию?

— Армию? Давай лучше Республиканскую гвардию! — прикрикнул он, но тут же спохватился.

— Чем обоснуем? Ведь всё происходит тихо и скрытно, но люди гибнут каждую ночь. Хотя это и похоже на войну. Ночами у нас теперь уже никто нигде не ходит. Но, кто его знает, может быть, скоро станут бить и в квартирах.

— Я никуда не поеду, — решительно заявил Канат — младший. — У меня здесь бизнес. Кто проследит, кто сохранит?

— Дурак! — жёстко сказал Сагандык. — Ты можешь потерять не только бизнес... Вы не знаете ситуации.

— Так поясни, — попросили его.

— Сейчас нет времени. У вас у всех здесь какой-нибудь бизнес, под моим широким крылом. Предлагаю вам подумать о Кокшетау, там поле для бизнеса тоже широко.

Все сразу притихли, таким старшего брата, известного своей выдержкой и терпением, ещё никто не видел. А он продолжил:

— Я — старший среди вас, на мне лежит ответственность за всех вас, и я вам приказываю: собирайтесь. Скажите хорошим знакомым, предупредите друзей: ситуация критическая, город в опасности... Это говорю вам я — начальник полиции Углеграда. Можете везде и всюду на меня ссылаться...

— Саке, — спросили его, — а если ошибка?

— Если ошибка — вернёмся, и всё пойдёт как раньше. Тогда мне придётся за всё отвечать. И я отвечу!

Родственники зашумели, закричали, стали спорить.

— Но прежде всего, — продолжил Карабаев, — перед Аллахом я отвечаю за всех вас, и я не желаю вечно гореть где-нибудь в аду из-за того, что вы — несусветные ослы.

Карабаев, вспомнив о предупреждении Головина, добавил:

— Разъезжайтесь немедленно. Сегодня ночью не открывайте штор, не распахивайте окон, сидите тихо и не смотрите на улицу, там сегодня будет происходит нечто, от чего можно даже умереть. Всё!

Все разошлись, недовольно бурча и фыркая.

— Такое впечатление, братья, — сказал Курмат — средний, — что наш Саке перегрелся на солнце, которого в Углеграде очень мало.

— А я специально выйду на балкон покурить, — тихо сказал Айдархан. — Посмотрим на эти страсти.

— Не надо, — попросил Канат — младший. — Саке шутить не любит.

— Я сам себе хозяин, — высокомерно ответил Айдархан.

Потом полковник поехал в управление, собрал всех сотрудников и велел этой ночью быть особенно бдительными.

— Патруль по четыре человека и только на автомашинах, — твёрдо сказал он. — При малейшем подозрении, что перед вами противник с того света, разворачивайтесь и уезжайте.

Среди сотрудников повисла напряжённая тишина.

— Мы не поняли, господин полковник, — раздался неуверенный голос.

— Чего не поняли?

Поднялся молодцеватый капитан Ордабаев.

— Что значит “с того света”?

— А то и значит... Ты живого от мёртвого можешь отличить?

— Могу.

— Вот и отличай. Увидишь, что на тебя покойник движется, разворачивайся, сам уходи и людей уводи.

У подполковника Чубарова аж челюсть отвисла, но он промолчал.

Сказал, когда все разошлись.

— Саке, как так?

— Толик, мы с тобой знакомы всю жизнь, — ответил полковник. — Были такие моменты, что ты за меня краснел и тебе хотелось сказать: я его не знаю?

— Не было.

— Ответь мне, сколько людей мы с тобой потеряли с тех пор как началась вся эта заваруха?

— Очень много, — угрюмо ответил зам.

— А причины ты мне можешь назвать, почему мы потеряли самых опытных?

— Нет, не могу, — честно ответил Чубаров.

— Потому что нам противостоит хитрый и опасный противник с того света — “демоны ночи” их называют. Ты знаешь, что это?

— Я думал, что всё это — вздорные слухи.

— Эх, Анатолий, бесценный мой зам, дорогой друг! Я бы тоже так хотел, но это — правда. И не менты должны сегодня патрулировать, а священники, если бы их было много. И то не знаю, каков бы мог стать итог. А у нас другая картина, в патрулировании участвуют зелёные парни, которые не то что “демона ночи”, а обычного хулигана повязать не в силах. В общем, так: сегодня — необычная ночь и даром жертвовать этими ребятами я не собираюсь. Даст Аллах, и выйдем без потерь. Сегодня именно Он будет охранять наш город.

И даже сделал попытку улыбнуться.

— На пару с вашим Иисусом Христом.

Полковник поехал на окраину города. В одном из частных домов жил его старый друг-недруг — глава всего преступного сообщества Прииртышья Марат Омаров. Необходимо было закончить ещё одно важное дело.

Намётанным глазом заприметил, что при появлении его машины во дворе замечались люди.

— Ещё долго мы будем огни принимать за пожары, — проговорил полковник строки из уважаемого им Высоцкого.

Ворота гостеприимно распахнули.

Во двор вышел сам хозяин.

— Приветствую вас, Саке, — сказал он без тени иронии.

— Я вас тоже приветствую, Марат! — ответил полковник.

— Судя по тому, что вы сами ко мне приехали — дело не терпит отлагательств?

— Именно.

— Прошу вас.

Двери дома распахнулись как бы сами по себе.

Карабаев оказался в большой комнате, оснащённой различной бытовой техникой, начиная от компьютера и заканчивая новейшими системами связи.

— Жаль, что сейчас всё это не работает, — пожал плечами Омаров и пригласил: — Присаживайтесь, Саке, сейчас подадут чай.

Полковник коротко обрисовал создавшееся положение и попросил:

— Из города уезжает много людей, большое количество квартир остаётся пустыми. Распорядись, это просьба, чтобы ни одна квартира не была обворована. В Углеград идёт беда, люди в панике, не надо пользоваться их горем.

— Саке, я вас понял. Не волнуйтесь.

— И ещё, Марат, людей своих побереги, нынче на улицах приходится иметь дело неизвестно с кем.

Они немного помолчали: начальник полиции и главный воровской «авторитет», они хорошо понимали друг друга, потому что давно были знакомы и не один раз их пути пересекались в этой жизни.

— Скажи, Марат, — спросил Карабаев, — а твои вступали в соприкосновение с этими «демонами ночи»?

— Знаете, Саке, честно говоря, не пойму, — ответил Марат. — У меня ведь очень крепкие парни, владеют всякими приёмами и любым оружием. Вы знаете, я беру лучших и плачу им как министрам. Когда нашли троих моих ребят... Саке, я много в жизни видел, вы знаете. В зоне порой такое происходило! Но ничто не сравнится с этим. Парни были просто обглоданы как лошадиные кости. Тогда я подумал, появился Кто-то. Забил «стрелку» со всеми местными бригадами. Оказалось, что никто не при делах. Да и зачем? Позже я выслал в то же место несколько человек — вооружённых, а за ними следом пустил группу слежения, тоже при оружии. Из них вернулся только один. Он городил какую-то чушь про каких-то не людей, а монстров, трясся от страха, заговаривался, клялся, что расстрелял все обоймы... Но их не берут пули.

— Значит, Головин прав, — задумчиво и устало сказал полковник. — Что ж ты не сообщил об этом?

— А вы бы нам помогли? — спросил Марат. — Когда вы нам помогали? Да и просить у милиции помощи — это не по понятиям.

— Всё и упирается в ваши понятия, — ответил Карабаев раздражённо. — Но мне-то у тебя просить помощи не стыдно, речь идёт о городе.

— Я помогу, Саке, я ведь тоже горожанин, хоть и в законе.

— Может быть, соберётся много народу, надо будет их рассадить в автобусы, и я попрошу тебя: пусть твои вместе с моими обеспечат их безопасность.

— Хорошо, Саке, я сделаю всё как надо. Мы ведь с тобой всегда понимали друг друга, хоть и шли разными дорогами, но падлы от тебя я не видел, всё было по-честному.

— Да, был когда-то порядок в Углеграде, — задумчиво сказал Карабаев. — Что будет теперь?

Глава 20

Шествие монстров

... Ночью Барков разбудил жену и спросил:

— Знаешь, кто я, оказывается?

Она спросонок ответила:

— Болван. И сумасшедший. Тебя не в кардиологию надо было водить, а в психушку. Соседи смеются.

— Смеяться они будут потом, когда убедятся кое в чём... Покойник я, — спокойно сказал Владимир и стал одеваться.

— Ты куда?

Жена спрыгнула с кровати и включила свет.

— Куда ты? Не знаешь, что на улицах творится?

— Не боюсь я никого. Я и сам — демон ночи, только с другой стороны.

Я этих вшивых собак вешать буду!

Лариса обомлела, потом опомнилась, взвизгнула, поперхнулась и только после это вымолвила:

— Да ты... Душитель, негодяй. Ещё недавно сам помирал...

— Замолчи! Просто никого я не боюсь. Меня нельзя убить, я уже мёртвый.

— Прекрати! — закричала жена и стала плакать. — Господь послал чудесное исцеление...

— Господь? Можно и так. Ты лучше посмотри, будет нагляднее.

Он оторвал электропроводку от торшера, зачистил. Потом затолкал “голый” конец себе в рот, а другой — с вилкой — включил в розетку.

— Перестань! — завизжала жена не своим голосом.

Подбежала, схватила за руку, но её отбросило ударом тока.

— Видела? — спросил Владимир, почти торжествуя. — А мне — хоть бы хны.

Лариса сидела не шевелясь.

— Страшно, да? Теперь хорошо подумай, со мной останешься или уйдёшь?

Барков отбросил провод.

— Пойми, дура, это они мне дали такие силы, это они меня к жизни вернули, чтобы я людям помогал, а не наоборот. Я — не монстр, ты же знаешь. И при жизни им не был, а теперь уж и давно.

Жена подошла к нему, трясясь от рыданий и страха, и стала осторожно ощупывать.

— Ты...ничего? Живой?..

— Лара, я не шучу. Тогда, — он сделал паузу, — я действительно умер. Они оживили меня, сделали невосприимчивым к боли, страху и так далее. Я людям помогать должен, спасать тех, кто этого хочет.

— А меня кто спасёт? — с тяжким вздохом произнесла Лариса. — Ты ж живой, ты ходишь...

— Вот так и думай, — сурово сказал Барков.

— Вова, — робко спросила жена. — А потом... ну после всего ты останешься живым?

— Не знаю, — честно ответил он и вышел.

В “штаб”, как шутливо именовали “бичи” комнату, где собирались для совещаний, вбежало сразу несколько человек.

— Дядь Вася! — закричали они чуть не хором. — В яме что-то происходит.

— Какого горбатого там может происходить?

— Мы стояли, как ты и сказал. А потом края стали начинать светиться, как фосфор, даже смотреть невозможно. Точно сейчас оттуда хлынет какая-нибудь гадость.

— Гадость? — переспросил дядя Вася. — Ладно, ребятишки, посмотрим. Где там Лёлик, Витёк, Молдован? Давай их зови быстро сюда.

Вошли званные.

— Ну что, парни, приближается, видно, время, про которое говорил сначала Волк, потом Седой. Садитесь, будем думать...

— А чего думать? — угрюмо переспросил Витёк. — Седой сказал, валить надо отсюда. Будем валить.

— Да? — возразил Лёлик. — А если оттуда пойдут враги? Много врагов, — пояснил он, вдруг покраснев.

— Я драпать не хочу, — поддержал Молдован. — От кого нам драпать? Мы и так всю жизнь в загоне. То от ментов, а то... неизвестно от кого. Не буду драпать.

— Значит, так и порешим, — подвёл итог дядя Вася. — Витёк, вскрывай комнату Волка.

У всех вытянулись лица.

— Да, вы не ослышались. Вскрывай, бери всё барахло, ну, ящичек этот пластмассовый, который есть ноутбук, все книжки, бумаги, складывай в чемодан Седого и вали на все четыре стороны. В городе найди его и передай всё, что здесь было говорено.

— А я что? Хуже всех?

— Ты первый заочковал, потому проваливай, — подсказал Молдован.

— Да пошёл ты! — огрызнулся Витёк. — Вы останетесь, а я — вали? Пацаны, вы за кого меня держите?

— И то правда, дорогой, — сказал дядя Вася. — Кому-то надо это передать Седому в целости и сохранности, возможно, кто-нибудь захочет это отнять, там же наблюдения, записи всякие. Я уже не говорю про этот ящичек, он стоит — немеряно. Кто лучше всех защитит барахло? Ты! Лучше никто не сможет. Да и тех, кто помоложе, выведешь в город, им жить надо. Среди них много таких, для которых бичёвство всего лишь неверный шаг, у них всё впереди. Так что тебе задание — тоже не из лёгких.

Сражённый такими аргументами, Витёк согласился, но с поправкой.

— Выведу пацанов, потом найду Седого, передам и вернусь сюда.

— Лады, — поддержали его.

Витёк ушёл. Был слышен на улице его громкий голос, сзывающий всех.

— Хороший пацан, — сказал Лёлик. — Правильно, что жить останет-ся...

— Теперь, парни, — обратился к друзьям дядя Вася, — давайте, доставайте из загашников...

— Что доставать?

— Всё, что может стрелять, колоть и резать.

Стали доставать. Получилось несколько пистолетов, пара ружей и десяток ножей.

— Не густо, но сойдёт.

— Слышь, старина, — обратился Молдован к дяде Васе, — а ты чего остался? С тебя-то какой толк в драке?

— А мне, Серёжик, идти некуда. В большом мире для меня давно места нет. Так что здесь мой дом и здесь моя могила. Иного мне не дано. Не удалась житуха!

Посидели, потолковали, попили чефиру.

Тем временем смерклось.

— Ну что, — первым встал Лёлик, — пошли?

Они вышли и приблизились к яме разреза, которая медленно светле-ла-гасла. Казалось, она перемигивается с ними.

А потом, когда под ногами всё стало обваливаться, они всполошились, закричали, попытались выбраться. Но выбраться не удалось никому.

Они ушли под землю вместе с остатками “своих домов”, так и не успев по-настоящему вступить за оробелых углеградец.

Обычно хорошо освещённый город был тёмным, как мрачная душа насильника или убийцы. Но Барков хорошо видел всё и размашисто шагал в сторону “Центрального”.

По ходу думал, а надо ли было обо всём говорить жене? Надо. С ней только по-честному. Она днями и ночами не отходила от него — выхаживала. Любит.

Он уже знал, что яма разреза вплотную подошла к Стене. Поэтому затаился у прохода и стал ожидать.

Чёрную ночь ничто не оживляло. Тишина стояла, какой вообще не бывает. То есть это была и не тишина, а какая-то бездонная пустота. Колодец.

Но постепенно чаша “Центра” стала мутнеть, светлеть. Поначалу фосфорически обозначились только грани. Этакое колечко. Потом оно стало смещаться от края ближе к середине.

И вдруг — скачком ввысь пророс гигантский столб, на котором постепенно вырисовывались облака, планеты, постройки, люди... И всё это вращалось, набирая обороты, затем — замедляясь. Остановилось.

Из ямы хлынул нестерпимый свет. И в его гнойном сиянии, липко-грязные, полуобнажённые в истлевших лохмотьях, порой совершенно бесформенные, — из столба на землю стали вываливаться существа. Много существ. Весь этот сгусток, выдавливаясь из прохода, заполнил пустырь и, растекаясь рекой, по улице Индустриальной двинулся в город.

Здесь были уроды всех мастей и видов, которых только смогла породить земля, вернее, человеческая “деятельность”: жертвы катаклизмов, мутации, радиации; гибриды от всевозможных скрещиваний и т. д. и т. п. И всё это стонало, шипело, агонизировало.

В городе зажигались огни.

Люди, неизвестно почему, просыпались.

Людей кто-то принуждал всё это видеть. А увидев, они уже были не в состоянии оторвать взгляда...

Монстры вошли в Углеград, вкатили, влетели, въехали. И — город огласили крики. Жители припали к окнам, вышли на балконы и лоджии, смотровые площадки. Кричали навзрыд.

Кто-то хрипел, умирая от сердечной недостаточности, кто-то покрывался сединой, кому-то посчастливилось упасть в обморок.

И длилось шествие монстров долгие пятьдесят минут.

Айдархан Карабаев — мужчина тридцати лет, углеградская “крутизна”, вышел на балкон — покурить. Здесь было всё необходимое, что могло вместиться: столик, кресло, небольшой холодильник.

Айдархан вытащил бутылку виски, налил стаканчик. Неторопливо закурил и раскрыл обе створки пластикового окна.

“Бояться — это не по-нашему, — подумалось ему. — Шакалов мы ни в грош не ставим — нехорошо”.

Он с удовольствием курил, сожалеючи смотрел на тёмные окна своего родного города — “страшно людям” — и с грустью вспоминал то время, когда Углеград светился по ночам как новогодняя ёлка.

Признаки непонятной тревоги появились внезапно. Показалось, издалека на его улицу вползает огромный змей, голова которого то загорается бликами всех цветов, то снова гаснет.

“Закрыть окно? Потушить свет”? — подумал Айдархан.

Но гордо решил не делать этого.

А когда вдруг — разом — зажглись все уличные фонари и он увидел, что её заполняет — было поздно.

Молодой, сильный мужчина остолбенел, сигарета выпала из рук. Подобного зрелища он не видел даже в самых отвязных фильмах ужасов: рогатые чудовища, хвостатые чудовища... Чудовища, чудовища. Это же не люди! Куда они идут, зачем? Немедленно отвести взгляд, упасть, зарыться, накрыться с головой!..

Но было поздно.

Он постоял ещё некоторое время, потом медленно сполз в одно из кресел и уже не поднимался.

Айдархан был мёртв. И шествие монстров, как и для многих углеградцев в эти минуты, было последним, что он видел в этой жизни.

Барков думал, что он здесь один. Но ошибался.

— Дела хреновые, — сказал вслух. — Надо срочно искать Головина, мне не справиться... Но где его искать?

— Не надо искать, — ответил Иван. — Он уже здесь. Ты тот самый, которого затащило в “оазис”?

— Да, меня зовут Владимир Барков.

— Я — Иван.

— Знаю, мне Петька Варшаков говорил. Ты знаешь, ведь он исчез.

— Как исчез? Когда?

— В эту смену... Исчез вместе со своими людьми, электровозом и полной подачей угля.

— А у тебя на работе что происходит?

— Говорят всякое, но лично я ничего такого не наблюдал. Делать-то нам чего?

— Вот это мы с тобой и должны обсудить.

Со стороны города кто-то шёл.

— Тихо! — шёпотом сказал Владимир. — Идут.

— Не идут, а идёт, — поправил Головин. — Витёк, ты откуда?

Тот неопределённо махнул рукой.

— Пацанов отводил в город. Да, Седой, все твои шмотки я оставил у них. Найдут тебя и отдадут. Обещали.

— А где дядя Вася и остальные?

— Там остались, — ответил Витёк, и его глаза сверкнули. — Я тоже пойду туда.

— Куда? Стой!

— Я обещал вернуться, — ответил он и пошёл. — Витёк всегда выполнял свои обещания, — и скрылся за Стеной...

Глава 21

Мы не уйдём!

— Валентина Ивановна, необходимо срочно найти Алишера Симбаева, — решительно заявил Головин.

— Что с вами произошло? — испугалась она, увидев его бледное осунувшееся лицо.

— Ничего существенного.

— Это не опасно?

— Нет, — улыбнулся он. — Итак, вы знакомы с этим парнем?

— Да, это наш известный музыкант.

— Как музыкант он мне неведом, но организатор — классный. Укажите адрес.

— Для чего?

— Срочно надо поговорить.

— Но сейчас глубокая ночь.

— Время уже не терпит. Где он живёт?

— Здесь, недалеко.

— Собирайтесь, идём.

Следующим утром, начиная с десяти часов, у здания мэрии стали собираться люди. Стояли они молча, но грозно, у многих на руках были плакаты. “Мы не уйдём”, “Прибыли компании — за счет нашей крови” и многое другое было написано на этих плакатах.

Мэр срочно вызвал начальника полиции.

— Саке, это кто? — указал он в окно вместо приветствия.

— Люди, — ответил полковник.

— Почему они здесь?

— Наверное, чего-то от вас хотят.

— Так убери их!

— Не могу, они закона не нарушают, стоят тихо, беспорядков нет.

— Я тебе приказываю!

— Мне может приказывать только закон, — жёстко ответил Карабаев. — Если ваше распоряжение выходит за его нормы — я не подчинюсь.

— Я тебя уберу.

— Это в вашей власти. Только вам придётся долго объяснять: почему и зачем? Елеке, я вам не пацан какой-нибудь.

Мэр устало плюхнулся в кресло.

— Что с вами происходит? — участливо спросил полковник. — Я помню вас бравым человеком, который никогда и ничего не боялся.

— Там, — неопределённо махнул рукой мэр, — сломают кого угодно. — Ответь, что такого случилось этой ночью, что люди вышли на улицу?

— Этой ночью обвалился остаток домов у “Центрального”, так что теперь яма подошла к самой Стене. Но не это главное. Этой ночью умерло около ста человек, — ответил Карабаев и, судорожно вздохнув, добавил: — И мой брат Айдархан, в том числе.

— Что? Айдархан? А от чего?

— Сердце. Речь сейчас не об этом. Елеке, ты можешь стать спасителем города, а можешь — губителем. Тебе выбирать.

Мэр недоверчиво посмотрел в сторону окон.

— А если начнут бунтовать?

— Будут бунтовать, буду сажать. Но ведь они правы.

— В чём?

— Городу грозит опасность. Надо остановить работу разрезов и законсервировать ГРЭС. Надо выполнить всё то, о чем говорил тот... инопланетянин.

— Ты ж его взял?

— Никого я не брал. А ответил так, чтобы тебя же и успокоить.

— Наглец, а! Какой наглец!

— Пусть так, но вы должны обратиться к главе области.

— Он меня сочтёт сумасшедшим.

— Зато народ будет благословлять ваше имя. Обратитесь, тем самым снимите с себя ответственность, всё будет зависеть от вышестоящих, — твёрдо сказал Карабаев. — Ну, случится неприятное, снимут вас за... я не знаю, обвинят в паникёрстве. А если всё подтвердится, вы можете оказаться на такой высоте, которая недоступна простым смертным.

— Основания? Какие достаточные основания я представлю?

— Ведь вы ещё, я уверен, даже не смотрели того диска, что вам оставил тот человек. Или как там его?.. Передайте это, добавьте туда письмо художницы и выразите своё отношение ко всему. Елеке, поймите, этой ночью из недр “Центрального” вышло такое, чего никому лучше бы не видеть. Но кто-то видел, от того и умер.

— Ты сам видел? — нетерпеливо спросил мэр. — Рассуждаешь здраво. Ты видел?

— Да, видел, — ответил Карабаев. — Теперь забыть уже никогда не смогу. Я уверен, простые люди не могут изобразить такого, даже если очень жаждут беспорядков. Это — не случайно, и не провокация. Это с Их стороны последнее предупреждение.

Он горестно вздохнул.

— А люди, которых убивают по ночам... Я вам докладывал, а вы мне что отвечали? Ведь, что самое страшное, их убивают не из ненависти, а для острастки, в назидание другим. Сюда давно надо было армию вызывать. Потому что жертвы нынешней ночи — это начало ещё больших, я уверен.

— Во всём я виноват?

— Нет, обстоятельства. Но в ваших силах переломить их в свою сторону. Давайте я позову человека, и он вам всё объяснит.

— Хорошо, хорошо, — нехотя согласился мэр. — Зови.

— Велите Райхан пригласить человека.

Мэр велел.

Вошёл Головин.

— Здравствуйте.

— Проходи, Иван, — пригласил полковник.

— Вы знакомы? — спросил мэр.

— Уже многие годы, — ответил Головин. — Когда-то вместе работали, при штабе комсомольской стройки.

— Все мы вышли из комсомола, — горестно покачал головой мэр. — У вас что-то есть для меня, только конкретного? И с самого начала.

— Всё началось с исчезновения — семь лет назад — целого порядка домов у заброшенного разреза “Центр”, вместе с жителями. Мой друг Паша Варшаков обнаружил... — начал своё повествование Головин, осторожно подбирая слова и аргументируя их.

— Поймите, Елюбай Атыбекович, это не пустые слова и не просто угрозы. Они готовы всё воплотить в жизнь. Сейчас всё зависит от вас... — он немного помолчал. — А ещё от той реакции, которая последует от главы области в столицу. Надо, хотя бы для начала, приостановить работы.

Он вытащил диск из внутреннего кармана куртки.

— Это вам для пущей наглядности, — сказал он. — Павел Варшаков заснял взлёт инопланетного корабля. Экспертиза запросто установит, что это не подделка.

— Я всё понял, — сказал мэр в тягостном раздумии. — Буду принимать решение.

Он устало поднялся, устало пожал руки полковнику и Головину.

— Теперь оставьте меня.

Оставшись один, Елюбай Атыбекович долго думал о странной судьбе людей, по прихоти самой же судьбы облечённых властью. Сложив воедино всё услышанное, он получил достаточно яркую картину нынешних событий в Углеграде.

Недоставало деталей.

— Райхан, срочно мне мистера Престона. Быстро чтобы был здесь! И Семёна... то есть я хотел сказать, того, кто замещает Хромова.

Руководители предприятий, деятельность которых была виной всему происходящему, явились незамедлительно.

— Уважаемые господа! — сказал мэр печально. — Я пригласил вас по очень нехорошему поводу. Всем известны трагические события на наших электростанциях. И правительственные комиссии, да и руководство, — он кивнул в сторону небольшого лысоватого человека, ставшего на место покойного Хромова, — постоянно всё списывало на халатность работников, изношенность оборудования, недостаточность финансирования и так далее. Но я получил иные сведения, которые существенно меняют картину происходящего. Они дают мне право судить обо всём с иной точки зрения. Что думаете об этом лично вы, дорогой Аркадий Мануилович?

Кохтович солидно кашлянул и сделал попытку подняться. Всё-таки он ещё не привык к столь высокой должности.

— Сидите, — разрешил мэр.

— Я, знаете ли, уважаемый Елюбай Атыбекович, ещё не совсем вошёл в курс. Потому пока ничего конкретного сказать не смогу, но... в ближайшее время вам будет доложено.

— Хорошо. Теперь вы, мистер Престон. Я требую, чтобы вы рассказали мне о всех необычных фактах, произошедших в последнее время на ваших предприятиях.

— О, господин мэр, — извиняюще улыбнулся хозяин разрезов. — Требовать вы не можете, только попросить.

Мэр побагровел.

— Вы прекрасно знаете, что мы работаем напрямую с вашим правительством и только оно...

— Я осведомлён, — ответил мэр. — Рассказывайте.

— Дело в том, что здешний народ очень вороват. Тащат буквально всё, и даже наша славная служба безопасности, набранная из лучших, ничего не может поделывать. На днях у нас пропал один роторный экскаватор. С ними ушли несколько человек. Этой же ночью исчез электровоз вместе с грузом, а с ним — члены бригады. Думаю, теперь они где-нибудь на соседних станциях пропивают награбленное.

— Да, продали технику, теперь гуляют.. Слушайте, мистер Престон, — начал медленно подниматься с кресла мэр, — вы рассуждаете, что говорите? У вас исчезает дорогостоящая угледобывная техника, а вы молчите?

— Мы пытаемся сами разобраться...

— Да кой чёрт сами?! Техника арендована вами, она — собственность нашего правительства! А люди... вы в полицию заявляли?

— Нет, сами ищем, — беспечно ответил Престон.

— А вы видели у здания мэрии людей? — тихо, но зловеще спросил Елюбай Атыбекович.

Кохтович вжался в кресло.

— Видели, я вас спрашиваю? — повторил свой вопрос глава города.

— О, я видел, — по-прежнему улыбался Престон. — Мне кажется, у вас слабо работают правоохранительные органы.

— Об этом не вам судить, меня ваше мнение не интересует, — парировал мэр. — Вы читали плакаты, которые они держат в руках?

— Я плохо читаю по-русски.

— А надо бы лучше. Все эти люди из-за того здесь, что деятельность вашей компании направлена против этих людей, — сказал мэр и угрожающе добавил: — И её надо немедленно приостановить. И вашу тоже, — сказал Кохтовичу.

— Елюбай Атыбекович, помилуйте, — взмолился тот. — Мы и так который день не работаем.

— Хорошо, — согласился мэр. — Вот это хорошо.

— Уважаемый Елюбай Ати..ти...бекович, — произнёс Престон. — Это не ваша компетенция...

— Будет моя! — громыхнул мэр огромным кулаком по столу. — Люди гибнут, техника исчезает, а вы рассуждаете о прерогативах. Я немедленно связываюсь с главой области и высказываю свои рекомендации. Свободны, господа! Господа, я вас больше не задерживаю, — добавил, видя, что Престон ещё сидит.

— Господин мэр, — требовательно начал было он.

— Я всё сказал, — отчётливо произнёс глава города. — Либо вы замораживаете деятельность разрезов и ПТУ, либо будет грандиозный скандал международного масштаба. Альтернативы нет.

— Я немедленно свяжусь со своим руководством, — пообещал он.

— Хорошо, а я — со своим.

Но и после ухода мистера Престона Оразбаев ещё долго не мог принять окончательного решения, колебался, сомневался, взвешивал доводы.

Он был мало похож на государственных чиновников подобного масштаба, потому, несмотря на возраст, всё ещё сидел в мэрах небольшого городка.

Оразбаев любил людей, к их просьбам всегда относился честно и до-тошно, буквально отслеживая исполнение. И в своей любви к простым людям, из которых сам вышел, мог дойти до определённых границ.

“Может быть, именно сейчас настало время разрушить все эти границы? — терзался он мучительно. — Может быть, пришло время? А если нет? Если всё — провокация, мыльный пузырь?.. Нет, не похоже. Я просто обязан обладать правом честно смотреть в глаза людям”.

И только потом вызвал машину.

— Едем в область! — скомандовал водителю.

Глава 22

Тени в забоях

... Сидели, ждали, клонило в сон.

Все четверо вскочили разом, словно подброшенные, сигналил “порожняк”.

— Черти поганные, поспать не дают, — заметил Юра, совсем как в былые времена. — Пошли, мужики.

Разошлись по рабочим местам.

Владимир пошёл вместе с Юрием в кабину машиниста ротора.

— Ты как? Привыкаешь, Володя? — спросил Куличёв, усаживаясь в кресло управления.

Барков, по старой привычке, глянул в окно.

— Юра, — сказал настороженно, — где порожняк?

Состава не было.

Вместо вагонов на путях ядовито зеленели четыре аккуратных шара, размером с громадный глобус.

— Юрик, выключи ротор.

— Я и не включал его, — ответил тот, начиная мелко подрагивать.

— Господи! — вырвалось у Владимира, когда он увидел, что махина ротора идёт не в сторону забоя, а надвигается прямо на кабину. — Быстро отсюда!

Едва успели выскочить из кабины, части которой уже стали выскребать ковши роторного колеса, как раздался взрыв. Взорвалась кабина машиниста погрузки. И вдруг стало тихо.

— Матвеич! — дико заорал Юра. — Матвеич, — повторил тише и вдруг опустился на колени, стал кланяться и неумело креститься.

— Боже, прости меня, ибо грешен я. Пил, блудил, жену потерял. Это она! Она заставляла меня ковыряться в земле, а я не хотел. Я хотел быть строителем. Вот. Прости, Господи, — и бормотал-бормотал ещё что-то.

Барков рывком приподнял его.

— Юрка, опомнись! Они того и ждут, чтобы мы испугались.

Но Куличёв не реагировал.

— Ты погоди, я сейчас воды принесу.

И побежал в комнату отдыха, где находился бачок с водой.

Юра продолжил молиться, но уже не смог, силы оставили и он сник.

Барков принёс воду.

— Юра, — позвал осторожно. — Юрок.

Нечеловечески взревев, Куличёв махом вскочил, железными клещами схватил его за горло, стал душить и кричал:

— За грехи наши! За несправедность нашу наказывает нас Господь! Чтобы не поганили землю-матушку своими проклятыми роторами, ибо сие есть бесовская техника.

Владимир стал задыхаться, но и калечить старого друга не собирался. Поэтому просто перехватил его за локти и попытался вывернуть. Не получилось.

В глазах темнело, но он не имел права погибнуть здесь и сейчас. Тогда выпрямился, чувствуя, как всё его тело налилось электричеством.

Куличёва отбросило к борту. Он сильно ударился, потом приподнялся, потряс руками. В себя, видимо, пришёл.

— Чёрт! О, чёрт! Токомшибануло. Это ты бьёшься током?

Помотал головой, не веря.

— Вот так шайка-лейка. И Варшаков так может?

— Варшаков может раз в десять больше. Я ж тебе говорил, не сходи с ума, а ты, дурак, душить меня стал.

— Я? Я тебя душил? — изумился Юра. И вдруг засмеялся: — Врёшь... Как есть, врёшь.

— Юрик, — позвали снизу.

— Ёлы мои палы! Это ж Андрюха Середюк, — обрадовался Куличёв и восторженно заорал вниз: — Давай сюда! Болтали, ты исчез куда-то, сгинул, мол. А ты вон, как новенький полтинник. Чего молчишь?

После шока Куличёв стал не в меру разговорчив.

— Не хочешь к нам, я к тебе спущусь, поболтаем.

И стал спускаться.

Владимир подспудно чувствовал опасность, но окончательно убедился только тогда, когда увидел, что грязная роба Андрея по краям отсвечивает чистой зеленью.

— Юрка, вернись! — крикнул истошно, хотел ухватить, но опоздал.

Куличёв коснулся ногами земли, и ноги вместе с сапогами остались на месте, а тело, переломившись пополам, пало беззвучно.

— Юрка-а! — закричал Барков и в следующий же миг посмотрел на врага.

Андрей Середюк, или то, что было им, впери́л во Владимира глаза — две узкие щёлочки, из которых исходили лучи.

Барков пригнулся. Над ним искрило железо.

— Не тебе, сука инопланетная, меня одолеть, — сказал негромко, концентрируя в руке разряд электричества. Поднялся в рост и ударил. Существо взвизгнуло и исчезло.

Тем временем металлоконструкции стали трещать, плавиться и рушиться.

Владимир побежал по роторному колесу и спрыгнул на уступ.

Экскаватор качало, будто корабль в шторм.

Барков вышел к подъездным путям и двинулся в сторону депо, поспешно оглядываясь.

Роторный экскаватор — огромная машина, целый комплекс бытовых и производственных помещений — исчез. Не осталось даже обломков.

Впереди — вначале осторожно — прозвучал свистящий сигнал, потом зажглись зелёные огни чего-то неведомого. Оно манило и притягивало, было в нём успокоение и какая-то щемящая неторопливая Истина. А чего ещё надо простому человеку?

“Всё, приехал, — подумал Барков. — Ты, Вовка, просто очередная, но необходимая жертва. А люди... Как ни крути, а всё — на себя”.

И пошёл навстречу.

Глава 23

И встанет солнце

Ранним утром следующего дня грэссовский посёлок сотряс невероятной силы хлопок. Рухнули балки, бетонные перекрытия и фермы уже почти готового каркаса очередного энергоблока, похоронив под собой монументальную бригаду.

Завыли сирены специальных команд, закричали люди, заработали автомашины.

Огромный шлейф чёрного дыма хвостатой кометой завис над посёлком, и всем стало ясно: быть беде.

А потом основательно трянуло землю.

Зыбкой волной прокатился толчок, болтанув гигантскую грэссовскую трубу. Она надломилась и стала падать.

Зазвонили громоподобные звонки всех сигнализаций электростанции.

Люди замерли, ожидая конца. Но подземная тряска стала удаляться в сторону Углеграда по дороге, на которой безобразной кучей высилась над степью гора вскрыши, сваливаемой сюда ещё со времени основания.

... А там был всего один зевок земли, раскрылись её необъятные недра, и навсегда исчезла эта радиоактивная куча, с которой ветер сдувал всю таблицу химических элементов на жителей города, отравляя, гнобя, убивая...

А почва, которая сразу же появилась на бывшем гиблом месте, была свежа и зелена.

— Ну вот и всё, Валентина Ивановна, — задумчиво сказал Головин, закрывая ноутбук. — И разверзнется земля, и поползёт из неё всякая нечисть, всё кроуша...

— Выходит, судьба такая, — спокойно ответила Старостина.

— Скажите, вы в самом деле не жалеете, что сейчас не где-нибудь в Москве, Париже?

— Нет, не жалею. Это мой город, и я хочу разделить с ним его судьбу.

— Хорошо, — ответил Иван. — Это когда-то было и моим городом. Но лучше я разделю вашу судьбу, если вы не против?

Он осторожно её обнял, она тихо всхлипнула и прижалась к его плечу.

В это время в прихожую влетел запыхавшийся Витёк, дверь была не заперта.

— Слышь, Седой! — крикнул он. — Из ямы вылазят какие-то жуткие доходяги. Их много и идут они в город...

— Сядь, Витёк, — ответил Иван. — Ты уже никому и ничем не поможешь.

И процитировал:

— Люди сделали всё, что могли, исчерпали последние силы...

— Седой, скажи мне, что это те, что пацанов убили? — спросил Витёк и скрипнул зубами. — Они?!

— Они, Витя, они, но...

Витька уже не было, он умчался.

— Чудный парень, — сказала Валентина. — А душа какая отзывчивая.

— Да, — подтвердил Головин. — Только погибнет зря.

— А мы?

— А мы — не зря, — неловко пошутил он и тут же спохватился. — Валя, я пойду осмотрюсь, а ты оставайся на месте.

— Ты уйдёшь, а я буду обмирать со страха? Ни за что!

Они вышли вместе.

Было безлюдно, сумеречно и тревожно.

Ветер горько пах угольной пылью и свистел так, будто перекатывались из кузова на землю тонны мелкой щебёнки.

Иван был боевым офицером, участвовал в Балканских войнах конца девяностых — начале двухтысячных, был во всяких переделках и выжил только благодаря своему уникальному предощущению опасности.

Чёрные фигуры, движущиеся на них, он увидел мгновенно и тут же закричал Валентине:

— В дом! Запереться и сидеть тихо!

Благо, на этот раз она не стала возражать.

Иван остался один, и без оружия. Но какое оружие могло теперь помочь?

Из-за дома к нему спешили несколько полицейских во главе с капитаном Ордабаевым.

— Спасибо, Бауржан! — крикнул он. — Что будем делать, капитан?

— Не представляю, — ответил капитан, ослепительно улыбнувшись.

— Совсем не знаю, Иван-ага.

Бауржан вынул пистолет и навскидку несколько раз выстрелил в приближающихся.

— Вот видите, — опять улыбнулся он. — Им не страшно.

Но следом за этим случилось невероятное: эти фигуры-существа вдруг остановились в движении, и одна за другой стали вспыхивать факелом.

Через несколько секунд на месте каждой осталась только кучка золы.

— Ай-я-й, Бауржан! — воскликнул Головин. — Что же вы наделали? Вот так, — продолжил он уже серьёзно. — Маленькое движение наверху иногда помогает спастись целому городу. Пусть и небольшому.

— Вы думаете...

— Именно! Именно об этом я думаю... Теперь остаётся только кое-что проверить. Вы со мной?

И в этот самый миг над Углеградом, отодвигая в сторону чёрные дымы, очищая небосвод от серых облаков, выглянуло солнце. Высокое, красивое, ослепительное. Как знак, как знамение, как надежда на лучшее и чистое.

Капитан кивнул, потом улыбнулся совсем по-мальчишески, закрыл глаза и подставил лицо этому долгожданному солнцу.

Они направились в сторону "Центрального".

В воздухе стоял смрад горевшей помойки, люди шли по небольшим кучкам золы, которых были сотни.

— Иван-ага, представляете, сколько их было? — неожиданно грустно спросил капитан.

— Понимаю, Бауржан, — ответил Головин. — Ведь это — не просто кучки...

У Стены их ожидал Витёк, который говорил с невысоким человеком, одетым в джинсы и синюю штормовку.

Человек рассеянно глядел по сторонам широко раскрытыми глазами.

Увидел Головина.

— Иван! — в тот же миг раздался крик.

— Боже мой! Пашка!

У Ивана сдавило горло, слёзы навернулись на глаза.

— Братуха, — прошептал он, — я знал, что ты вернёшься...

Они обнялись.

— Знаешь, я не хотел уходить, — торопливо говорил Павел, — но Они настаивали. Я хотел посмотреть, как Они живут...

Он глубоко вздохнул и вдруг почти выкрикнул:

— Как Они живут!

— Хорошо, Паша, хорошо, — остановил его Иван. — Позже расскажешь. Что с городом?

— Ты же видишь, — ответил Павел, как о деле, которым он занимался с самого начала. — Всё нормально. Полная остановка всех этих чёртовых добыч и выработок. Очищение и восстановление. Свежий воздух, цветущая степь!

Он наклонился к Ивану и прошептал:

— Они мне так и сказали: твоя миссия окончена.

— Бауржан, прошу вас, идите к начальнику и всё ему подробно доложите. Скажите, Пашка Варшаков вернулся. Ещё скажите, что ваш мэр — громадный человечище! — потом спросил Павла: — Что с ребятами?

— Они в порядке, скоро будут здесь, сами всё расскажут, — ответил Павел и неожиданно попросил: — Давай уйдём отсюда, а то давит на меня эта Стена.

Не прошли и десятка метров, как сзади раздался протяжный воющий скрип, а за ним — треск.

— Паша, — спросил Головин, не оборачиваясь, — это что-нибудь значит?

— Рухнула Стена, — нарочно таинственно прошептал Павел. — И “Центр” стал ещё ближе к городу.

Первым обернулся Витёк.

— Точно! — подтвердил он. — Стены нету, — и озабоченно добавил: — Вот у пацанов могила, аж завидно.

Иван тоже посмотрел — тревожно.

— Иван, не дури, — сказал Павел обычным голосом. — На этом месте будет большое и красивое озеро — с кувшинками, камышом и чистой водой. Представляешь, Углеград на его берегу?..

История Углеграда, как и других вредоносных промышленных объектов, канула в Лету.

Она уникальна лишь тем, что жертвами, в отличие от других городов других стран, стали немногие.

Нашлись настоящие люди, которые изыскивали способы и возможности уберечь простых людей, тружеников, которые должны были погибнуть в первую очередь, отвечая за не свои ошибки и просчёты — загубленную экологию и жизненное пространство; вся “вина” которых заключалась лишь в том, что работали они всю жизнь не покладая рук, чтобы прокормить свои семьи, дать им самое необходимое.

...И теперь шумят камышовые ветра на месте бывших разрезов; цветёт ковыль там, где были отвалы, свалки и помойки, ведя неторопливую повесть о том, что ошибки исправимы, но... иногда с опозданием.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (727) 253-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 30.04.2010 г.

Подписано к печати 04.06.2010 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 2932.

Номер набран и свёрстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.